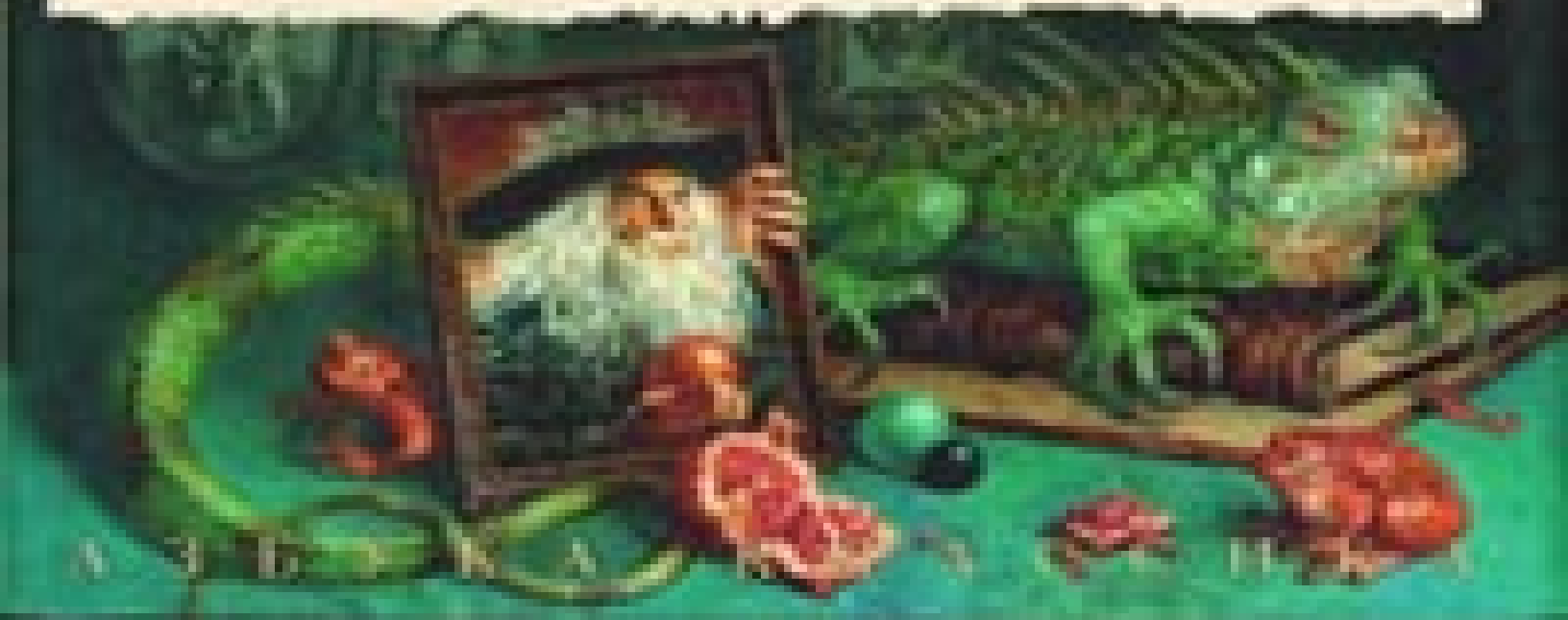

ДЖЕННИ НИММО

Чарли Бон

ЛАЗУРНЫЙ ПИТОН

Annotation

Приключения Чарли Бона продолжаются! Если ты учишься в академии Блура вместе с другими детьми, наделенными необычными талантами и волшебными способностями, можешь быть уверен: приключений тебе светит гораздо больше, чем учебы. В этом на собственном опыте вновь убеждается Чарли Бон, мальчик, который слышит, что говорят портреты и фотографии. Необычный дар навлекает на его растрепанную голову немало неприятностей.

В этом семестре Чарли вместе с друзьями предстоит выручить из беды мальчика-невидимку, заточенного на чердаке академии, и освободить его от чар, наложенных лазурным питоном, некогда принадлежавшим Алому королю. Но и это еще не все: коварные тетушки Чарли ополчились на чудаковатого и благородного дядю Патона, одноклассники и знакомые раскололись на два лагеря, битва добра со злом набирает обороты, и в нее включились бессмертный многоликий оборотень Джорат, а также хитроумный чародей Скорпио.

-
- [Дженни Ниммо](#)
 - [ПОТОМКИ АЛОГО КОРОЛЯ, ИЛИ ОДАРЕННЫЕ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Дженни Ниммо Лазурный питон

*Посвящается Гвенвифар, которая нашла
питона*

ПОТОМКИ АЛОГО КОРОЛЯ, ИЛИ ОДАРЕННЫЕ

Все одаренные ведут свой род от Алого короля и его десяти отпрысков. Алый король был африканским королем-чародеем, который уехал из Африки в двенадцатом веке в сопровождении троих верных леопардов.

Манфред Блур – староста академии Блура. Владеет даром гипноза. Потомок Борлата – жестокого тирана, старшего сына Алого короля.

Аза Пик – оборотень. Ведет свой род от племени дикарей, обитавших в северных лесах и державших странных животных. На закате Аза умеет перекидываться в дикое волкоподобное существо.

Билли Гриф – понимает язык животных и птиц. Один из его предков беседовал с грифами, которые сидели на виселицах и питались мертвецами. За этот дар его изгнали из родной деревни.

Зелда Добински – девочка из древнего рода польских колдунов. Владеет даром телекинеза и способна передвигать предметы силой воли.

Лизандр Вед – родом из племени африканских мудрецов. Умеет общаться с духами умерших, и особенно своих предков-ведунов.

Танкред Торссон – повелевает бурями. Его скандинавские предки получили свою фамилию от имени бога-громовержца Тора. Танкред умеет вызывать бурю, гром, молнии, ветер и дождь.

Габриэль Муар – наделен даром ощущать переживания владельцев той или иной вещи, особенно одежды. Происходит из рода медиумов.

Эмма Толли – умеет летать. Фамилия ее объясняется тем, что она происходит от испанского рыцаря из города Толедо, чья дочь стала женой Алого короля. Таким образом, толедский рыцарь – общий предок всех одаренных детей.

Чарли Бон – обладает даром слышать голоса людей, изображенных на картинах и фотографиях. Происходит из рода Юбимов, богато одаренного разнообразными магическими способностями.

Доркас Мор – ее таланты пока что остаются неизвестными.

ПРОЛОГ

Когда Алый король покинул родную Африку, он взял с собой редкостную змею – питона, полученного в подарок от странствующего мудреца. Шкура питона отливала серебром и чернью, а глаза блестели, точно черные потухшие угольки. Иногда питон как будто погружался в обманчивую дрему, но на самом деле он бдительно охранял короля, и потому ни один вор или убийца не осмеливался пройти мимо удивительной змеи. Король, владевший змеиным языком, горячо любил питона и считал его своим другом, верным стражем и мудрым советчиком.

Однажды, когда король уехал на охоту, старший из его сыновей, Борлат, поймал питона в сети. Сердце у Борлата было каменное, и больше всего на свете он любил пытать тех, кто попал ему в руки. Не прошло и недели, как жестокий Борлат обратил мудрого и доброго питона в злобное создание. Теперь питон жаждал лишь одного – убивать и в считанные мгновения душил свои жертвы насмерть.

Волшебница Гуанхамара, королевская дочь, пришла в ужас, узнав об этой метаморфозе, и попыталась спасти змею, наложив на нее особые исцеляющие чары. Увы, напрасны были ее старания и слишком запоздала помощь, волшебные чары лишили питона только способности убивать, и отныне в его железных объятиях жертвы не умирали, но превращались в невидимок.

Когда Гуанхамара скончалась, питон погрузился в глубокий сон и постепенно впал в состояние на грани жизни и смерти. Семь волшебниц – дочерей Гуанхамары надеялись, что когда-нибудь смогут пробудить змею, и запечатали ее в сосуде, полном лазурного колдовского эликсира. Вместе с питоном они забальзамировали в этом сосуде редкостную птицу с прекрасными сверкающими крыльями. Но злодей Борлат украл и змею, и птицу, и обе мумии стали переходить по наследству его потомкам, пока Иезекииль Блур с помощью средства, полученного от деда, не сумел пробудить питона, чья чешуя к тому времени стала серебристо-лазурной. Птицу Иезекиилю пробудить не удалось.

К этому времени самому Иезекиилю исполнилось сто лет. Он давно мечтал стать невидимкой, но ему было известно, что чары питона нельзя разрушить, и потому старик не рисковал оказаться в железных объятиях лазурной змеи. Иезекииль продолжал искать способ сделаться невидимкой, а питон обитал на темном чердаке академии Блура, храня свою тайну и ожидая, пока не найдется человек, который подружится с ним и выслушает его удивительную историю.

Глава 1

НАДВИГАЕТСЯ БЕДА

Над крышей дома номер девять по Филберт-стрит промчалась ворона. Она уселась на ветку большого каштана перед окном Чарли Бона. Ворона закаркала, но Чарли не проснулся.

А через улицу, в доме номер двенадцать, приятель Чарли, Бенджи Браун, уже бодрствовал. Услышав карканье, он раздвинул шторы, чтобы посмотреть на ворону, и увидел, как из номера девять показались три фигуры в черных плащах с капюшонами. В тусклом свете уличного фонаря лиц было не разглядеть, но Бенджи узнал бы эту троицу даже с закрытыми глазами. Тетки Чарли – Лукреция, Юстасия и Венеция Юбим! Они крадучись спускались с крыльца, и вдруг одна из теток вскинула голову и уставилась на Бенджамина. Мальчик поспешно шмыгнул за занавеску и проследил, как дамы поспешно удаляются, на ходу заговорщицки кивая друг другу черными капюшонами.

Бенджи задумался. Было половина пятого утра. Что подняло теток Чарли в такую несусветную рань? Или они проторчали у дома номер девять всю ночь? Не иначе затевают очередную пакость.

Если бы только у Чарли не обнаружился его злосчастный талант и если бы тетки об этом не пронюхали, все могло бы быть совсем иначе. Уж по крайней мере, любящие тетки оставили бы его в покое. Но когда у тебя в предках король-волшебник, то родственники, понятное дело, начинают питать на твой счет некоторые надежды.

– Бедняга Чарли! – огорченно прошептал Бенджи.

– У-у-у! – сочувственно проскулил в ответ на это Спринтер-Боб, крупный пес соломенной масти, растянувшийся на кровати.

Бенджи посмотрел на печальную физиономию хвостатого приятеля и вздохнул. Может, он чувствует, что готовит ему судьба? Не исключено. Папа с мамой последние два дня только и делали, что паковались и наводили чистоту в доме. А когда двуногие собирают чемоданы, собаки всегда чувствуют, что дело неладно.

– Бенджи, завтрак готов! – крикнула из кухни миссис Браун.

Мистер Браун принимал душ – из ванной доносилось его пение.

Бенджи и пес спустились в кухню. На столе уже дымились три тарелки овсянки, и Бенджи уселся завтракать. Мама деловито жарила колбасу с помидорами и о Спринтере-Бобе тоже не забыла: ему уже была поставлена полная миска колбасы.

Все так же напевая, папа, в халате, показался из душа. Мама успела не только приготовить завтрак, но и переодеться в строгий серый костюм. Украшений она не носила, а соломенные волосы стригла очень коротко.

Родители Бенджамина занимались частным сыском и потому старались выглядеть как можно незаметнее, чтобы не выделяться в толпе и еще – чтобы было легче гримироваться. Время от времени им приходилось надевать парики или приклеивать усы и бороды. Конечно, усы и бороды обычно приклеивал папа, но был один случай (ах, как бы Бенджи хотел его позабыть!), когда и мама сочла нужным прибегнуть к такому радикальному гриму.

Едва тарелка Бенджи опустела, как мама проворно подставила ему другую – с колбасой и помидорами.

– Вот что, Бенджи, как только закончишь завтракать и почишишь зубы, отведи Боба к Чарли. Нам через полчаса уже выезжать.

– Хорошо, мам.

Бенджи поспешно затолкал в себя остатки завтрака и помчался вверх, в ванную. О том, что насчет Спринтера-Боба он с Чарли еще не договорился, Бенджи умолчал.

Окно ванной у Браунов выходило на улицу, и, надраивая зубы, Бенджи заметил, что с крыльца дома номер девять спускается высокий мужчина в длинном черном макинтоше. Да это же дядя Патон! От удивления Бенджи чуть зубной пастой не подавился. Что это творится в доме у Чарли?!

На носу у Патона Юбима красовались темные очки, и еще при нем имелась тонкая белая трость, а может, указка. Бенджи сообразил, что очки имеют какое-то отношение к необычайной способности дяди Патона взрывать взглядом лампочки, которая доставляла ему немало хлопот и неприятностей. Из-за этого неудобного дара дядя Патон старался по возможности не выходить на улицу днем, но сейчас даже для его прогулок было не самое обычное время. Дядя Патон открыл багажник синего, как полночное небо, автомобиля, припаркованного у

дома номер девять, и спрятал белую волшебную палочку (а это была именно она) в самую глубину.

Бенджи не успел и рот прополоскать, а автомобиль уже умчался. Дядя Патон укатил в прямо противоположную сторону от теток.

– Тебе пора к Чарли, – громко напомнила мама из кухни.

Бенджи уложил пижаму, зубную щетку и отправился выполнять свою неприятную миссию.

Спринтер-Боб, казалось, все прекрасно понял. Уши у него печально повисли, глаза были тоскливее некуда. Он даже хвост поджал. Бенджи почувствовал себя ужасно виноватым.

– Гулять, Боб! Пошли гулять! – деланно-бодрым тоном скомандовал он, но пес на это не купился и поплелся за хозяином с обреченным видом.

Бенджи со Спринтером-Бобом всегда были лучшими друзьями, и пес в жизни бы не подумал послушаться хозяина, но сегодня на ступеньках номера девять он прямо-таки уперся, и пришлось его легонько подтолкнуть.

Когда Бенджи позвонил в дверь, пес заскулил. Этот жалобный скулеж и разбудил Чарли. Остальные обитатели номера девять тоже проснулись, решили, будто им приснился кошмар, и снова мирно заснули.

А вот Чарли даже спросонья узнал знакомый вой и, спотыкаясь, спустился в прихожую. Он открыл дверь и уставился на Бенджи, мигая от уличных огней.

– Что случилось? – спросил он. – Ночь на дворе! Ты откуда? Куда?

– Почти ночь, – кивнул Бенджи. – Слушай, тут такое дело... В общем, у меня новости. Я уезжаю. В Гонконг.

– Что, прямо сейчас? – Чарли отчаянно тер глаза.

– Угу.

Чарли изумленно воззрился на приятеля. Потом спохватился и пригласил его войти и выпить чаю. Пока чайник грелся, Чарли поинтересовался, едет ли и Спринтер-Боб в Гонконг.

– Боб... э-э-э... не едет, – промямлил Бенджи. – Ему бы пришлось прививку делать, а он уколы терпеть не может.

– Куда же он денется? – Чарли озадаченно глянул на Спринтера-Боба, который искательно завилял хвостом.

– Вот я почему и пришел. – Бенджи смущенно покашлял. – Кроме тебя, больше мне попросить некого.

– Меня? – Чарли разинул рот, а потом в ужасе замахал руками. – Да ты что! Мне нельзя держать дома собаку! У меня же бабушка Бон! Она сначала пса убьет, а потом и меня!

– Чш-ш! Что ты такое говоришь! – Бенджи встревоженно заерзал. Спринтер-Боб полез под стол – прятаться от страшной бабушки Бон. – Ну вот, смотри, что ты наделал. Он испугался.

Перекрывая отчаянные возражения Чарли, Бенджи поспешно объяснил, что поездка в Гонконг и для него самого оказалась полнейшей неожиданностью.

– Понимаешь, – взхлеб говорил он, – папе с мамой подвернулось потрясающее дело, и они просто не могут отказаться! Ты только представь: один китайский миллиардер предложил им разыскать бриллиантовое ожерелье, которое у него украли из гонконгской резиденции. Он обещал колоссальное вознаграждение! Ну и вообще, Китай, интересно же... А потом выяснилось, что папе с мамой, может, придется там проторчать не один месяц, и оставлять меня тут они не захотели. – Голос у Бенджи упал. – А к Бобу это не относится...

Чарли налил другу чай, придвинул тарелку с горячими тостами и плюхнулся на стул.

– Ого, – только и сказал он. Потом задумчиво почесал в затылке. Спросонок буйная шевелюра Чарли была всклокочена еще сильнее, чем обычно.

– Спасибо, Чарли! – искренне поблагодарил Бенджи, запихивая в рот тост. – Ну, я пошел. Дверь я сам закрою. – На пороге он обернулся и виновато сказал: – Мне ужасно жаль, что все так получилось. Но я надеюсь, ты справишься.

И ушел.

От волнения Бенджи начисто позабыл рассказать приятелю про отъезд дяди Патона, про волшебную палочку в багажнике и про таинственное появление трех теток.

Сквозь кухонное окно Чарли было видно, как Бенджи торопливой трусцой пересек улицу и нырнул в зеленый автомобиль Браунов. Чарли хотел было помахать приятелю на прощание, но автомобиль уже тронулся.

– Ну и что дальше? – пробормотал себе под нос мальчик.

В ответ из-под стола раздалось подавленное ворчание Спринтера-Боба. Бенджи впопыхах забыл оставить для пса хоть какого-нибудь корма, а его родители, похоже, за сборами так захлопотались, что и думать не думали о таких мелочах.

— А еще сыщики называются! — недовольно буркнул Чарли.

Минут пять он ломал голову над тем, как утаить от бабушки Бон наличие в доме Спринтера-Боба. Но думать в такую рань — непосильная задача. Поэтому неудивительно, что вскоре голова Чарли упала на стол, посреди крошек, и он уснул.

Судьбе было угодно, чтобы в это утро бабушка Бон, в своем сером халате, первой из взрослых появилась на кухне:

— Это еще что такое?

От ее пронзительного голоса Чарли подскочил как ошпаренный.

— Что это тебе вздумалось спать в кухне, Чарлз? — язвительно поинтересовалась бабушка Бон. — Твое счастье, что сегодня суббота, а то ты пропустил бы школьный автобус.

— М-м-м... — На более вразумительный ответ Чарли не хватило. Он сонно захлопал глазами.

Бабушка Бон, крупная костистая старуха, принялась расхаживать по кухне, и тощая седая косица, похожая на крысиный хвостик, прыгала у нее за плечами. Старуха с грохотом водрузила чайник на плиту, потом с грохотом захлопнула дверцу холодильника и умудрилась с грохотом бросить на стол твердый брикет масла. Внезапно бабушка Бон крутанулась на пятках, потянула носом и подозрительно уставилась на внука.

— Здесь пахнет псиной, — прокурорским тоном заявила она. — Собакой.

— С-с-собакой? — Чарли в ужасе вспомнил про Спринтера-Боба. К счастью, кухонный стол был застелен тяжелой скатертью, свисавшей до полу и весьма удачно скрывавшей затаившегося пса.

— К тебе что, приходил твой приятель? От него вечно псиной несет.

— Бенджи? А... Да, он забегал. Попрощаться, — поспешно добавил Чарли. — Он улетаёт в Гонконг.

— Скатертью дорога, — сквозь зубы высказалась старуха, не терпевшая ни Бенджи, ни его пса.

Когда она удалилась в кладовку, Чарли быстренько ухватил Спринтера-Боба за ошейник и потащил на второй этаж.

— Прямо не знаю, что мне с тобой делать, — вздохнул он, затапливая пса в свою комнату. — Мне в понедельник в школу, и вернусь я только в пятницу. Понимаешь, я там ночую. Всю неделю!

Но Спринтер-Боб жизнерадостно вспрыгнул на кровать Чарли и завилял хвостом. В этой комнате он провел немало счастливых часов.

Чарли посмотрел на довольного незаконного гостя и решил, что без помощи дяди Патона ему не обойтись. Выскользнув на площадку, он на цыпочках подкрался к двери дядиного кабинета, украшенной неизменной табличкой, которая призывала «не беспокоить» обитателя комнаты. Чарли постучался, но ответа не получил.

Тогда мальчик осторожно приоткрыл дверь и заглянул в кабинет. Дядя отсутствовал. Странно, это на него не похоже — уходить из дому с утра пораньше, когда уже светает. На столе, заваленном книгами и бумагами, — точнее, на самой высокой стопке книг — белел конверт. Чарли вытянул шею, потом подошел к столу: на конверте значилось его, Чарли, имя.

Мальчик быстро вытащил записку и пробежал ее глазами. Почерк был крупный и явно торопливый.

Дорогой Чарли, мои сестрицы опять строят какие-то козни. Услышал, как они совещались рано утром. Должен срочно принять меры. Если их не остановить, в наш дом неминуемо придет беда. Потом все объясню. Рассчитываю вернуться через несколько дней.

Искренне твой, дядя П.

P. S. Палочку взял с собой.

— Ну что-о-о же это такое! — простонал Чарли. — Может, хватит на сегодня неприятностей?

Но неприятности только начинались.

Чарли глубоко вздохнул, плотно прикрыл за собой дверь дядиной комнаты, повернулся и... налетел на стопку полотенец.

— Ай! — вскрикнули полотенца и разлетелись по полу.

Вторая бабушка Чарли, Мейзи Джонс, которая, собственно, и несла их, попятилась и, не удержав равновесия, плюхнулась на пол.

– Осторожнее, Чарли! – укоризненно воскликнула она.

Чарли не без труда помог своей довольно упитанной бабушке подняться и, собирая рассыпанные полотенца, вкратце поведал о дядиной записке и о задачке, которую ему подкинул Бенджи вместе и псом.

– Не волнуйся, Чарли. – Поскольку по лестнице поднималась старуха Бон, Мейзи перешла на шепот: – Я пригляжу за бедным песиком. А насчет дяди... думаю, все образуется.

Чарли побежал к себе переодеваться и сказал Спринтеру-Бобу:

– Мы тебя обязательно покормим, не куксись. Не сейчас, так потом. Главное – дожидаться, пока бабушка Бон куда-нибудь уйдет.

Когда именно настанет этот момент и настанет ли он вообще, Чарли и сам не знал, но пес выслушал его довольно спокойно, потом свернулся на кровати и уснул. Убедившись, что Боб доволен, Чарли спустился вниз.

Весь дом уже был на ногах: Мейзи затевала стирку, а мама допивала вторую чашку кофе. Быстро чмокнув сына в щеку, она пожелала ему удачи и умчалась на службу в зеленую лавку. «Что-то она слишком принаряжена для картошки и капусты», – подумалось Чарли. В самом деле, мамины золотисто-каштановые волосы были схвачены черным бархатным бантом и светлое пальто выглядело новеньким и модным. Только бы у мамы не завелся поклонник! Чарли продолжал верить, что его отец не погиб, а исчез и что в один прекрасный день он вернется.

Через пять минут после того, как мама убежала на работу, бабушка Бон тоже засобиралась. Она облачилась в черное пальто, а седые волосы спрятала под черную шляпку. Затем выдала Чарли привычное указание «немедленно причесаться» и удалилась, причем на тонких губах у старухи играла недобрая улыбочка, которая ее внуку очень, очень не понравилась.

Как только дверь за бабушкой Бон затворилась, Чарли метнулся к холодильнику и вытащил миску с остатками вчерашнего бараньего жаркого. Мейзи усмехнулась и покачала головой, но разрешила Чарли отнести немного жаркого на тарелке томившемся в заточении псу.

– Надо обязательно успеть его выгулять, пока мадам Бон не вернулась, – посоветовала она.

Чарли согласился и, едва Спринтер-Боб расправился с жарким (а проделал он это мгновенно), вывел его на зады дома, в садик, где оба с удовольствием поиграли в «поймай тапок», причем мальчик пожертвовал псу тапок из особо нелюбимой пары – на нем было вышито «Чарли».

В результате от ненавистного тапка мало что осталось, но в запасе имелся второй такой же. Спринтер-Боб как раз дожевывал последние клочки тапка, когда Мейзи высунулась в окошко и предупредила:

– Чарли, тревога! Сюда идут сестрицы Юбим!

– Сиди тут, Боб. Место, место, – велел Чарли псу. – И води себя тихо, если можешь.

Сам он пулей пронесся в кухню через черный ход и уселся за столом, сделав вид, будто листает журнал. С парадного крыльца уже квохтали тетки. Щелкнул ключ, и все четыре вступили в прихожую – три сестрицы Юбим и с ними старуха Бон, в девичестве тоже Юбим. И все они разговаривали одновременно.

Разоблачившись, сестрицы во всем великолепии новых весенних нарядов вплыли в кухню: Юстасия и Лукреция сменили свои унылые черные одежды на сдержанно-серые костюмы, но тетка Венеция вырядилась в фиолетовое; кроме того, она взгромоздилась на высоченные каблуки, а шнурки у ее лиловых туфель были золотые, ни больше ни меньше. При всем при том вид у теток был еще более злобный и угрожающий, чем обычно, – они пренебрежительно усмехались и ели Чарли одинаковыми темными глазами.

– Вот ты где, племянничек! – пробасила тетка Лукреция. После бабушки Бон она была старшей и вдобавок служила надзирательницей в академии Блура, где учился Чарли.

– Да, я вот тут... сию, – нервно подтвердил Чарли.

– И волосы у тебя совершенно не меняются, – проскрипела тетка Юстасия, усевшись напротив Чарли.

– Угу. У вас, в общем, тоже, – брякнул Чарли.

– Чарлз, не дерзи! – Тетка Юстасия пригладила пышные седины. – Почему это ты сегодня не причесался?

– Не успел, – отрезал Чарли.

И тут до него дошло, что бабушка Бон все еще обретается в прихожей и с кем-то там ласково беседует.

Тетка Венеция вдруг провозгласила «алле-оп!» и распахнула дверь настежь, точно в кухню должна была войти по меньшей мере королева или кинозвезда. Но вошла всего-навсего старуха Бон. А за ней появилась прехорошенькая девочка – золотые локоны, голубые глазки, розовые щечки, ну прямо ангелочек.

– Здравствуй, Чарли! – Девочка протянула ему руку с таким видом, будто Чарли должен был по меньшей мере поцеловать ей кончики пальцев, и желательно – преклонив колено. – Меня зовут Белла.

Ошеломленный Чарли не смог выдать ни слова и даже не пожал протянутую ручку. Девочка мило улыбнулась и под села к нему.

– Ах, какая прелесть! – звонко сказала она. – Дамский журнал!

Чарли опустил глаза на гляцевую обложку и с ужасом увидел на ней даму в розовом неглиже и с котенком на руках. Впопыхах он и впрямь схватил какой-то журнал из маминых. Чарли стало жарко, и он почувствовал, как у него багровеют и уши, и щеки.

– Гризе... миссис Бон, можно мне вымыть руки? – вежливо спросила Белла.

– Так вот же раковина. – Чарли решил проявить заботу, тем более что раковина была под носом у Беллы.

– Ступай наверх, дорогая, – вклинилась старуха Бон, недовольно покосившись на Чарли. – Первая дверь налево – ванная. Там есть чудное лавандовое мыльце и чистенькое полотенчко.

– Спасибо вам большое. Белла чинно удалилась. Чарли удивленно заморгал.

– А чем ей раковина плоха? – спросил он.

– У Беллы очень чувствительная кожа, – объявила бабушка Бон. – И простым мылом она мыться не может.

– Приготовь кофе, Чарлз, – тоном, не допускающим возражений, велела тетка Лукреция. – Нам уже скоро уходить.

Чарли отложил злосчастный журнал и ринулся к плите, а тетки вместе с бабушкой Бон расселись вокруг стола и трещали без умолку. Выяснилось, что Белле предстоит учиться в академии Блура, и потому Чарли вменялось в обязанность рассказать юной гостье все-все-все об этом достославном заведении.

Пользуясь громким щебетом гостей, Чарли глубоко вздохнул. Он-то рассчитывал навестить однокашника, Фиделио Дореми. Ну почему

теткам вечно надо все портить? Следующие полчаса Чарли пришлось терпеливо слушать дамскую болтовню за кофе и булочками, причем он с удивлением отметил, что Белла тоже ведет себя скорее как дама. На вид ей было лет двенадцать, но она общалась с тетками на равных и, похоже, чувствовала себя в их компании вполне уютно.

Когда в кофейнике осталась только гуща на донышке, тетки наконец отправились восвояси, на прощание одарив Беллу воздушными поцелуями, а Чарли – наставлениями.

– Позаботься о ней, Чарлз! – уже с крыльца крикнула тетка Венеция.

Интересно, как она себе это представляет?

– Так, Чарлз, а теперь накрой-ка в столовой к ленчу – на пятерых, – скомандовала бабушка Бон. – Я полагаю, без Мейзи мы не обойдемся.

– В столовой?! – Чарли ушам своим не верил. – Но мы там едим только по праздникам.

– У нас в гостях Белла, и это праздник, – отрубил старуха.

– Да она же просто девчонка! – изумился Чарли.

– Девочка. Она не просто девочка.

«Да уж, похоже на то, раз вокруг нее такие церемонии разводят», – подумал Чарли и пошел накрывать на стол, а бабушка Бон громогласно раздавала указания Мейзи:

– Подайте сегодня какой-нибудь легонький супчик, Мейзи. И еще – салат и ветчину. А на десерт ваш фирменный пирог с клубникой.

– А икры и устриц Вашему Величеству не нужно? – сердито прокричала Мейзи откуда-то со второго этажа. – Придется подождать, я занята! Ой! Это еще кто? Что ты тут делаешь, девочка?

Мейзи явно налетела на Беллу, которая опять пошла мыть руки особым лавандовым мылом.

Чарли затворил дверь столовой и выглянул в окно. Спринтера-Боба в саду было что-то не видать. Мальчика прошиб холодный пот: а ну как бестолковый пес выскочил на улицу и его сшибла машина?! Он кинулся к черному ходу, но на полпути его остановил звонкий, как колокольчик, девчоночий голосок:

– Чарли!

Посреди прихожей стояла Белла и внимательно наблюдала за ним зелеными, как трава, глазами. Чарли чуть не ойкнул. Он готов был

поклесться, что за кофе глаза у гостыи были голубыми.

– Ты куда, Чарли? – невинным тоном поинтересовалась Белла.

– Да так, хотел выйти в сад за... – Чарли осекся.

– Можно, я пойду с тобой?

– Нет. Я передумал. Вот.

– Хорошо, тогда пойдем побеседуем.

Да что же это такое? Теперь глаза у Беллы сделались светло-карими. Чарли послушно поплелся за девочкой в гостиную, где Белла непринужденно расположилась на диване, изящным жестом подложив под спину подушечку. Чарли сел как можно дальше от нее.

– А теперь расскажи мне про академию, – радушно предложила Белла.

Чарли прокашлялся. С чего бы начать?

– Ну... в академии три отделения – музыка, рисование и театральное. Я учусь на музыкальном, поэтому плащ ношу синий.

– А я буду на рисовании.

– Значит, тебе выдадут зеленый. – Чарли недоуменно глянул на Беллу. – Слушай, а тебе разве тетушки все это не рассказали? Ты же у них гостила? Или как?

– Я бы хотела узнать все от тебя, – не отвечая на вопрос, заявила Белла.

Чарли поерзал и продолжал:

– Так... академия – это такое здоровенное серое здание на другом конце города. Древнее-предревнее. Вот, раздевалок там тоже три, у каждого отделения своя. И три столовые. Значит, приезжаешь на площадь, там еще фонтан посередине, и сразу видишь академию. На фасаде две высоченные башни. Поднимаешься по лестнице иходишь в парадные двери, через Двор, потом опять лестница – и вот тебе главный холл. В холле нужно молчать, иначе оставят после уроков и еще пропесочат, такое правило. Над нашей, музыкальной, дверью – две скрещенные трубы. А над вашей – кисточка и палитра.

– А над театральной?

– Две маски – одна веселая, другая грустная. – Чарли говорил, говорил, но ему упорно казалось, что Белле и без него все это прекрасно известно. Тьфу ты, да у нее глаза опять голубые стали! Спятить можно.

– Еще вот что, – решил он. – Скажи-ка, ты не... ты не как я? Не из особо одаренных? Ты не из потомков Алого короля?

Белла вперила в него свой небесный взор.

– Да-да, я как раз из них. У меня есть особый дар, но я предпочитаю о нем не распространяться, – четко сказала она. – А ты, говорят, умеешь слышать голоса с фотографий и даже с картин?

– Угу.

На самом деле Чарли обладал не только способностью слышать голоса, но он вовсе не собирался вдаваться в подробности перед этой незнакомой девчонкой.

– Так вот, особо одаренные делают уроки все вместе, в Королевской комнате. Всего нас двенадцать. А кстати, я знаю одну девочку с живописи, она тебе покажет, где это. Ее зовут Эмма Толли, она тоже одаренная. Мы с ней дружим.

– Эмма? Ах да, как же, как же, наслышана. – Белла чуть-чуть придвинулась к Чарли. – А теперь расскажи о себе. Твой папа умер, верно?

– Ничего подобного! – горячо возразил Чарли. – Его машина упала в карьер, но его... его тело так и не нашли. Он просто... просто исчез.

– Неужели? Откуда ты знаешь?

Забыв всякую осторожность, Чарли объяснил:

– У меня есть друг, Габриэль, – тоже из одаренных. Так вот, он умеет считывать информацию с ношенных вещей. Я дал ему папин галстук, и Габриэль определил, что папа жив.

– Изумительно! – Белла одарила Чарли сияющей улыбкой и всем своим видом изобразила полное понимание, но эффект был несколько подпорчен холодным взглядом теперь уже темно-серых глаз.

Ну вот, опять цвет поменяла! А это еще что? Свет так падает или вокруг розового ротика и впрямь возникли морщинки?

Чарли передернулся, как от холода, и поспешно вскочил с дивана.

– Пойду помогу Мейзи, – выдавил он и был таков.

Мейзи, разумеется, хлопотала на кухне, сердито швыряя приправы в суповую кастрюльку.

– Столько суеты из-за ребенка! Неслыханно! – ворчала она.

– Это точно, – поддержал бабушку Чарли. – А девчонка ужасно странная!

– Не то слово. – Мейзи бухнула в суп перца. – Белла! Ну и имечко!

– Оно значит «красивая», – вспомнил Чарли уроки французского. – Она и в самом деле хорошенькая.

Мейзи только иронически фыркнула.

Вскоре Чарли помог ей отнести дымящуюся кастрюльку в столовую, где царил арктический холод. Во главе стола уже восседала бабушка Бон, а по правую руку от нее – Белла.

– А где Патон, хотела бы я знать? – спросила старуха.

– Не придет, – отозвался Чарли.

– Это еще почему?

– Он ведь ест отдельно, – напомнил мальчик.

– Я хочу, чтобы сегодня он присутствовал, – категорично заявила бабушка Бон.

– Мало ли что вы хотите, его все равно не будет, – не без ехидства ответила Мейзи. – Он уехал.

– Да? – Старуха Бон замерла, затем впилась глазами в Мейзи и внука. – Откуда вам это известно?

Мейзи покосилась на Чарли, и ему ничего не оставалось, как признаться:

– Дядя оставил мне записку.

– И что в ней говорится? – требовательно осведомилась бабушка Бон.

– Я наизусть не помню, – пробормотал Чарли.

– Дай ее мне! – К нему протянулась костлявая рука.

– Я ее порвал, – соврал Чарли.

Густые брови старухи угрожающе сошлись на переносице.

– Совершенно напрасно, Чарлз, – отчеканила она. – Я должна быть в курсе событий. Я должна знать, что именно тебе пишет мой братец.

– Он поехал навестить своего папу... и вашего тоже. То есть прадедушку Джеймса, к которому вы вообще никогда не ездите.

Бабушка Бон прищурилась так, что глаза ее превратились в щелочки.

– А вот это, мальчик, не твоего ума дело. Патон ездит к отцу раз в месяц. И он уже был у него, на прошлой неделе. Что-то ты темнишь.

Чарли лишь чудом не проговорился о своей единственной поездке на побережье к прадедушке Джеймсу, которую, из-за давней семейной

междоусобицы, следовало держать в строжайшем секрете. Правда, дядя Патон никогда толком не объяснял ему, откуда пошла эта застарелая распря и почему о ней нельзя говорить. Пришлось Чарли соврать еще раз:

– Он поехал по... по срочному вызову. Старуху Бон такой ответ вроде бы устроил, но Белла по-прежнему не сводила с Чарли глаз, которые теперь сделались темно-зелеными. По спине у Чарли пробежали мурашки. Дядя написал, что спешит предотвратить беду, которая может прийти в дом. А вдруг беда уже, пришла?

Глава 2

МАЛЬЧИК-НЕВИДИМКА

Остаток ленча прошел в полнейшем молчании. Даже Мейзи, и та не проронила ни слова. Как раз когда Чарли принялся собирать грязные тарелки, из сада раздался громкий лай и к оконному стеклу прижался нос Спринтера-Боба.

По счастью, бабушка Бон сидела к окну спиной, и, когда она повернулась, пес уже исчез.

– Что это было? – ледяным тоном спросила старуха.

– Что-что, собака, конечно, – спокойно отозвалась Мейзи. – Наверно, бродячая – случайно забежала в сад, вот и все.

– Давайте я пойду ее прогоню, – вызвался Чарли.

Белла проводила его встревоженным взглядом.

Чарли промчался к черному ходу, и, едва он распахнул дверь, соскучившийся Спринтер-Боб кинулся к нему ласкаться.

– Тихо ты! Смотри, чтоб ни звука! – Чарли зажал псу пасть и потащил прятать к себе в комнату.

Судя по всему, Спринтер-Боб его прекрасно понял, – по крайней мере, он не сопротивлялся. В комнате пес получил второе внушение.

– Сиди тихо! А не то тебе крышка! – прошипел Чарли и провел ребром ладони по собственному горлу.

Пес только вздохнул всем телом, как умеют собаки, и улегся на кровать.

– Ну как, поймал? – спросила Белла, едва Чарли вернулся в столовую.

– Зачем ловить? Прогнал, и все дела, – быстро ответил мальчик.

Белла встала.

– А теперь мне пора домой, – заявила она бабушке Бон.

– Конечно-конечно, дорогая моя. – И бабушка Бон с удивительным для ее возраста проворством поспешила в прихожую, одеваться.

Ничего себе! Чарли точно помнил, что после ленча, даже самого легкого, бабушка Бон всегда ложится вздремнуть и, пока длится

священный сон, все ходят на цыпочках. А теперь она так лебезит перед двенадцатилетней девчонкой с золотыми кудряшками!

– Домой – это куда? – спросил он Беллу.

– Разве тебе не известно, где живут твои дорогие тетушки? – парировала она.

Чарли пришлось признаться, что нет, не известно. Сестрицы Юбим никогда не сообщали, где живут, и не приглашали его в гости (впрочем, ему не больно-то и хотелось).

– Что ж, я полагаю, в самом скором времени ты это узнаешь, – таинственно пообещала Белла.

– Незачем ему это знать, – вмешалась бабушка Бон, помогая Белле надеть элегантное зеленое пальто.

– В таком случае до встречи, Чарли! – пропела Белла. – Увидимся в академии, в понедельник. Я приеду зеленым автобусом, можешь меня встретить.

– А я синим. Ну, как-нибудь да столкнемся.

Странная девочка мило улыбнулась и поправила золотые кудряшки. Глаза у нее опять были голубые.

Простившись с гостьей, Чарли поспешил помочь Мейзи с мытьем посуды.

– Кстати, а правда, где живут тетки? – спросил он.

– В большущем доме, на одной из этих жутких темных улиц в старой части города, – отозвалась Мейзи. – Кажется, она называется Сквозняковый проезд. Ну и названьице, – наверно, сквозняки там так и гуляют.

– Никогда в тех краях не бывал.

– Я тоже. И можешь мне поверить, и не хочу бывать. – Мейзи вручила внуку миску объедков. – Вот, отнеси Бобу. Право слово, не знаю, сколько мы сможем его укрывать. У мадам Бон такой нюх и слух, что мимо нее и мышь не прошмыгнет.

– Без нотации не прошмыгнет, это точно, – постарался отшутиться Чарли, на душе у которого было скверно.

Мейзи в ответ только головой покачала. Спринтер-Боб все-таки был изрядно крупнее мыши.

В воскресенье Чарли удалось вывести Спринтера-Боба на улицу, выгулять его и запереть обратно в комнату, прежде чем бабушка Бон проснулась. Мальчик и пес-затворник вдоволь набегались в парке, а на

завтрак Чарли накормил Боба яичницей с беконом. Когда стемнело, состоялась еще одна прогулка, но очень краткая и почти беззвучная, в саду, а остаток вечера Спринтер-Боб провел, растянувшись на кровати Чарли.

Утром в понедельник мама пообещала Чарли, что погуляет с собакой, как только вернется с работы, а Мейзи дала слово кормить Боба как можно сытнее. И все равно, собираясь в школу, Чарли нервничал.

– Запомни: сидеть тихо, как мышка! – внушал Чарли псу. – Никакого лая, ясно? Все, до пятницы.

Спринтер-Боб проводил Чарли печальными глазами и улегся спать – ничего другого ему не оставалось.

Чарли с Фиделио поднимались по лестнице, ведущей к парадным дверям академии Блура, и вдруг Фиделио потянул приятеля за рукав:

– Смотри, тебе машет какая-то симпатичная девочка.

– Да? – Чарли обернулся и заметил у подножия лестницы Беллу.

Он поспешно представил ее Фиделио, и девочка одарила нового знакомого ослепительной улыбкой.

– Очень приятно. Ты ведь с музыкального? А это, наверно, скрипка? – кивнула она на футляр в руке у Фиделио.

– Ага, скрипка. – Фиделио, кажется, совсем растерялся. Это было на него не похоже.

– Увидимся! Насчет правила молчания я не забыла. – Белла приложила розовый пальчик к губам и, обогнав мальчиков, легкой танцующей походкой побежала через холл. Зеленый плащ летел за ней, будто у девочки были крылья.

Фиделио зачарованно следил, как она скрылась за дверью с кисточкой и палитрой. Очутившись в музыкальной раздевалке, он наконец-то смог дать волю своему восхищению.

– Ух ты! – воскликнул Фиделио. – Чарли, она кто?

– Я сам точно не знаю, – неуверенно отозвался Чарли. – Вроде бы живет у моих теток. Слушай, какого цвета, по-твоему, у нее глаза?

– Голубые, – немедленно отозвался Фиделио. – Небесно-голубые.

– Так вот, в следующий раз они вполне могут оказаться зелеными или карими, – понизил голос Чарли.

– Да ты что? – еще больше заинтересовался Фиделио. – Скорей бы посмотреть!

Они перешли в актовый зал, и Фиделио со своей скрипкой влился в ряды оркестрантов, а Чарли сел позади Билли Грифа, младшего из учеников академии, – крошечного альбиноса с красными глазами, казавшимися круглыми и удивленными за толстенными линзами очков.

После пения утреннего гимна Чарли отправился на урок духовой музыки к раздражительному мистеру Палтри. Не позанимавшись в выходные, мальчик обнаружил, что дыхания у него не хватает, и к тому же все время фальшивил. Мистер Палтри, по обыкновению, то и дело вскипал и хлопал Чарли указкой по пальцам, покрикивая:

– Не то! Не то! Опять фальшивишь! И диафрагмой работай, диафрагмой!

От его визгливого голоса у Чарли звенело в ушах. К звонку с урока он был так рад вырваться на волю, что, выскочив за дверь, по пути в сад чуть не сшиб с ног Оливию Карусел.

Сегодня волосы у этой неутомимой особы, обожавшей гримироваться, были выкрашены черными и золотыми прядями, лицо напудрено до мертвенной белизны, а глаза обведены темными кругами. Больше всего на свете девочка смахивала на редкостного енота или панду, но Чарли об этом благоразумно промолчал.

Зато подросший Фиделио не удержал язык за зубами и радостно приветствовал приятельницу:

– Салют, Оливия! Тебе, никак, в этом полугодии дадут роль енота?

– Кто знает... – протянула Оливия. – Пьесу пишет Манфред – разумеется, в соавторстве с Зелдой. – Она кивнула в сторону старшеклассников на противоположном конце лужайки. Манфред, мрачный темноволосый староста академии, был погружен в беседу с Зелдой Добински, тощей и носатой девицей.

Чарли оглядел сад и заметил, что прихвостень Манфреда, Аза Пик, не сводит желтоватых хищных глазок с Беллы, которая прогуливается туда-сюда под ручку с Доркас Мор. Понаблюдав с минуту, Аза направился к девочкам, причем на острой физиономии у него блуждала кривая улыбочка и на ходу он даже приглаживал рыжие космы, словно вдруг решил привести себя в порядок.

Чарли толкнул Фиделио в бок:

– Глянь, что делается! Аза снизошел до младшей, да еще новенькой! Ручаюсь, такого раньше не бывало!

– Если не считать замечаний, да, – согласился Фиделио.
– Эта новенькая очень ничего себе, – высказалась Оливия.
– Ее зовут Белла, – сообщил Чарли. – Живет у моих теток.
– Фью! – пораженно присвистнула Оливия. – Просто в голове не укладывается, кем надо быть, чтобы их выдержать. Кстати, Эмму никто не видел?

Получив отрицательный ответ, Оливия поспешила на поиски подруги. В конце концов она обнаружила Эмму у самых стен разрушенного замка – так называемых руин. Та сидела на стволе поваленного дерева и изучала какое-то письмо, написанное мелким аккуратным почерком.

– Это что, Эм? – поинтересовалась Оливия.

– Нашла около стола мистера Краплака, – сказала Эмма. – Должно быть, выпало у него из кармана. Ты не подумай, я вовсе не собиралась читать чужое письмо! Я хотела ему отдать, а потом кое-что заметила и... Смотри сама.

Оливия быстро пробежала письмо глазами – оно было коротенькое.

Мой дорогой Сэмюэль, у нас есть достоверные сведения о том, что многоликий направляется в ваши края. Какое обличье он примет, неизвестно, но он непременно тебя узнает, поэтому поскорее уноси оттуда ноги – чем быстрее, тем лучше. Я уже смирился со смертью Рики, хотя твоя мама все еще скорбит о нем. Знаешь, она до сих пор покупает его любимый джем. У нас уже целый буфет этих баночек, я не могу на них смотреть, сердце разрывается. Я знаю, для тебя утрата брата такое же горе, как и для нас, но умоляю тебя, прекрати поиски! Яне в силах даже подумать о том, чтобы потерять еще и тебя. Возвращайся домой.

Папа.

– Что скажешь? – нетерпеливо спросила Эмма.

– Интересно, – откликнулась Оливия. – И все-таки положи-ка ты лучше это письмо на стол к мистеру Краплаку. Его планы и несчастья – не наше дело.

– А вот и нет! – неожиданно горячо возразила Эмма, отбрасывая на спину длинную белокурую гриву.

Оливия знала, с какой симпатией Эмма относится к мистеру Краплаку. Несмотря на свою молодость, преподавателем он был отличным и к тому же всегда, что бы ни стряслось, принимал сторону детей.

А Эмма продолжала:

– Помнишь, как Манфред запер меня на чердаке? Так вот, меня тогда кто-то выпустил, и этот кто-то большой сластена – я слышала, как Манфред над ним за это насмехался. Наверно, ты скажешь, что это странно, но, по-моему, она – или он – невидимка. А потом я вспомнила про того мальчика, Рики Сверка, который когда-то, давным-давно, заблудился на чердаке. Говорят, в конце концов он выбрался и его увезли домой, но я вот думаю: а может, никуда его не увозили? Может, его наказали и он так там и сидит? – Эмма подняла глаза на черепичную крышу академии.

– Хм. И что ты собираешься предпринять? – осторожно спросила Оливия.

Эмма пожала плечами.

– Пока не знаю, – задумчиво отозвалась она.

Над садом пронесся звук рожка, оповещающий, что перемена окончена. Девочки сговорились обсудить дальнейшие действия на большой перемене и разбежались.

Эмме предстояло идти на урок французского, но сначала она заглянула в безлюдную мастерскую и уже положила письмо на стол мистера Краплака, когда на пороге возник он сам.

– Эмма? – удивился преподаватель живописи. – Разве у тебя сейчас рисование?

– Нет-нет, французский. Но я... простите, пожалуйста, но вы потеряли письмо, а я подобрала и нечаянно прочитала и... – Неожиданно для себя Эмма выложила мистеру Краплаку все свои догадки насчет чердака и его невидимого обитателя-сластены.

Мистер Краплак внимательно выслушал Эмму, потом уселся за стол, потер лоб и сказал:

– Спасибо тебе. Огромное тебе спасибо, Эмма. Только обещай: никому больше об этом ни слова.

– Ой, а я уже рассказала Оливии Кару сел! Она наверняка поделится кое с кем из наших с ней друзей.

– А они надежные люди, Эмма?

– Я им собственную жизнь готова доверить, – серьезно и убежденно сказала девочка.

Мистер Краплак улыбнулся. Со своим обветренным и загорелым лицом он больше походил на спортсмена, чем на художника. Темные длинные волосы он связывал в хвост, как Манфред Блур, только у Манфреда они были черные, как вороново крыло, и жесткие, как конская грива, даже на вид.

– А что случилось с Рики, сэр? – расхрабрилась Эмма. – Мы думали, что его нашли на чердаке, а потом сразу отправили домой.

– Если бы так! – вздохнул мистер Краплак. – Наши с ним родители живут в другом городе, далеко отсюда. Доктор Блур согласился отправить Рики домой поездом, а сопровождать его поручил одной из надзирательниц, некоей мисс Юбим. Потом она утверждала, будто Рики выбежал на каком-то полустанке купить апельсинового сока да так и не вернулся.

– Готова ручаться, что ничего подобного не было! – пылко воскликнула Эмма. – Эти Юбимы такие злющие! Знаете, их ведь трое, они – тетки Чарли Бона и превратили его жизнь в сущий ад.

– Ах да, как же, Чарли Бон, припоминаю... – рассеянно пробормотал учитель живописи.

– Я бы хотела помочь Рики, – продолжала Эмма, – потому что когда-то он помог мне. Понимаете, я думаю, что смогу выяснить, где его держат.

– Лучше этим займусь я, Эмма, – возразил мистер Краплак. – Затея может оказаться опасной.

– Если затея опасна, то какая разница, я или вы займетесь поисками, безопаснее она от этого не станет.

– Ну, я уж как-нибудь за себя постою, – бодро сказал мистер Краплак. – Беги, а то на французский опоздаешь.

На французский Эмма не побежала, а задумчиво пошла по коридору нога за ногу и вправду опоздала, причем на целых десять минут. Поэтому француженка, мадам Бонжур, рассердилась не на шутку: она была дама вспыльчивая, нервная и в первый день четверти нервничала больше обычного. Мадам Бонжур скучала по родному

городку, такому солнечному и веселому по сравнению с угрюмой серой академией, темными классами,дохленьким отоплением и неистребимыми сквозняками. На все это она беспрестанно жаловалась коллегам. Собственно, мадам Бонжур давно укатила бы домой, не предложи ей директор академии жалованье, от которого трудно было отказаться. Словом, неудивительно, что сегодня, в первый день четверти, мадам Бонжур встретила припозднившуюся Эмму далеко не радушно.

– Вон отсюда! – напустилась она на Эмму. – Если ви не нуждаться в мой урок, мадемуазель, можете не приходиль! Ви опоздаль! Бессовестно опоздаль! – Длинный палец нацелился на Эмму. – Моментально вон!

И Эмма выскочила из класса – моментально.

– И тебе влетело? – раздался громкий шепот неподалеку.

У соседней двери, кабинета истории, подпирал стенку Чарли Бон. На вопрос, кем был Наполеон, он умудрился ответить, что русским императором. За это мистер Поуп, преподаватель истории, накричал на мальчика, обругал невеждой и не пожелал терпеть его присутствие у себя на уроке ни минутой дольше.

– А я просто не слышал, что он спрашивает, – пожаловался Чарли. – У меня все мысли только псом и заняты.

Эмма огляделась, не идет ли кто, и шепотом же спросила:

– Каким таким псом?

Чарли бочком подвинулся поближе к ней и как можно тише, то и дело озираясь, изложил Эмме обстоятельства, из-за которых на его плечи легла забота о Спринтере-Бобе.

– Тебя-то за что выгнали? – спросил он напоследок.

– Просто опоздала, – коротко ответила Эмма и рассказала о разговоре с мистером Краплаком.

В глазах у Чарли блеснул интерес. Еще одно письмо, и тоже с предупреждением о надвигающейся опасности! А вдруг и там, и там речь идет об одном и том же?

– Так ты считаешь, что Рики Сверк так и сидит на чердаке? – Чарли посмотрел в потолок. – Может, слазить и проверить?

Эмма пришла в ужас:

– Что, прямо сейчас?

– А что, лучше времени не придумаешь, – оживился Чарли. – До конца урока у нас еще целых полчаса. Остальные все по классам сидят, нас никто не засечет. Лично я тут стоять не намерен – со скуки помремь.

Девочка не успела придумать, как отказаться, а Чарли уже припустил в конец коридора, к лестнице. Пришлось Эмме поспешить вслед за ним.

«И зачем я разболтала Чарли про чердак! – мысленно сокрушалась она. – Он ведь сначала сделает, а потом уже думает».

Лестница, лестница, еще лестница, другая лестница... И ни души. Лишь один раз дети налетели на доктора Солтуэзера, который куда-то спешил, напевая себе под нос. На вполне резонный вопрос о том, куда это они направляются посреди урока, Чарли бойко ответил, что в библиотеку за учебниками. Доктора Солтуэзера этот ответ полностью устроил, хотя Чарли с Эммой и шли в прямо противоположном направлении. Но его вообще, кроме обожжаемой музыки, мало что волновало, а уж когда он сочинял очередную мелодию – тем более.

Чарли с Эммой спешили по темным коридорам. Позади одна за другой оставались пустые пыльные комнаты со скрипучими полами, и чем ближе беглецы подбирались к западному крылу, тем больше Эмма нервничала. С тех пор как ей пришлось превратиться в птицу, чтобы выбраться из чердачного заточения, девочка до сих пор видела это место в кошмарных снах.

Повинуясь скорее этим снам, чем памяти, Эмма привела Чарли к той самой комнате, куда в прошлом году запирали ее Манфред Блур. Из крошечного окошка под потолком падал скупой свет, позволявший разглядеть обшарпанные стены, покрытые зеленоватой плесенью, узкую железную койку, застеленную почерневшим от сырости одеялом, и прогнившие доски пола.

– Жуть какая, ну и местечко! – вырвалось у Чарли.

– Манфред меня тут запер, – объяснила Эмма, – а потом кто-то снаружи повернул ключ и дверь отворилась. Я выскочила посмотреть, кто меня выпустил, но в коридоре было пусто.

Манфред тогда меня поймал и запер обратно, и еще – вот это самое странное – он кому-то пригрозил, что в следующий раз оставит без сладкого. Поэтому я и подумала, что тогда меня выпустил Рики,

брат мистера Краплака. В письме сказано, что он любил... любит джем.

– Может, его и держат в какой-нибудь каморке вроде этой, – предположил Чарли. Дверь подозрительно скрипнула, мальчик быстро обернулся, но она уже закрылась. Чарли поднял защелку и дернул дверь – тщетно. Похоже, она захлопнулась наглухо.

– Сквозняк, наверно. – Чарли подергал еще раз.

– Никакой это не сквозняк, – убежденно сказала Эмма.

– Да, а что тогда? Сюда никто не входил. Мы никого не видели.

– Невидимку нельзя увидеть, – шепотом произнесла Эмма.

– Эй! – громко позвал Чарли. – Есть тут кто? Тишина.

– Что же нам делать? – пискнула Эмма и в испуге посмотрела на часы. – До конца урока всего четверть часа.

– Идиотское положение! – Чарли принялся отчаянно дергать дверь, а Эмма – защелку.

– Наверняка это дело рук Рики. Рики! – крикнула она. – Рики Свек! Ты тут?

Тишина.

– Рики, мы хотим тебе помочь! – присоединился к Эмме запыхавшийся Чарли. – Если ты здесь, пожалуйста, отопри, ну пожалуйста!

Оба замерли. Дверь тихонечко скрипнула, кто-то снаружи сунул ключ в замок и повернул его. Чарли рванул дверь на себя, и она распахнулась настежь, но в коридоре не было ни души.

Дети выбежали из каморки, свернули в закоулок темного коридора, обследовали все углы и ниши, ища дверь или закуток, где мог бы спрятаться их спаситель. От ноги у девочки со стуком покатилась жестянка из-под джема, а когда она, покрутившись, замерла, Чарли с Эммой различили быстрые удаляющиеся шаги.

– Он убегает, – прошептала Эмма.

Они погнались за шагами дальше по коридору и очутились на скрипучей лесенке, которая привела их в узкую комнатку с мутным окном в потолке. Комнатка была сплошь усеяна жестянками из-под джема и потрепанными приключенческими книжками. В углу стояла кровать, накрытая чистеньким лоскутным одеялом, а рядом – тумбочка с керосиновой лампой и массивный буфет. Еще здесь имелись

колченогий стул и старая парта, придвинутая так, чтобы на нее падал свет из окна.

– Рики! – приглушенно позвала Эмма. – Рики Сверк, ты здесь?

– Ну здесь, и дальше что? – не особенно любезно отозвался угрюмый мальчишеский голос.

– А почему мы тебя не видим? – спросил Чарли.

После недолгого молчания последовало сопение и ответ:

– Почему-почему, невидимка я, вот почему!

– Как это тебя угораздило? – поинтересовалась Эмма.

– Меня поймал лазурный питон.

– Питон? – хором спросили Эмма с Чарли.

– Ну да, питон, – со вздохом объяснил угрюмый голос. – Змеюка такая здоровенная. Понимаете, я ее видел, а вообще-то ее никому видеть не полагается. Это тайна. Тайное оружие. – Невидимка сипло хохотнул. – А эти, которые его хозяева, им вовсе не улыбалось, чтобы я повсюду про питона раззвонил, вот они меня и сцапали и отдали питону. Прямо как кролика. И он начал меня душить, ну, обвил и в кольцах сдавил, только я не умер, а превратился в невидимку.

– Ужас! – Чарли схватился за голову.

– Правда, кое-что от меня все-таки осталось. – Мальчик-невидимка издал простуженный смешок. – Во, глядите, большой палец.

Чарли, как замороженный, опустил глаза на пол. Над ухом у него приглушенно взвизгнула Эмма. В нескольких шагах от них на полу розовело что-то маленькое.

– Извините, то еще зрелище. – Палец переместился: похоже, мальчик-невидимка попытался шаркнуть ножкой. – Раньше был носок и чуточку ботинка, но я из них вырос, и они свалились. Конечно, отдельно от тела палец смотрится плоховато.

– Да ничего подобного, – постарался утешить его Чарли.

– Они все пытаются вернуть меня обратно. Заставляют пить какие-то тошнотные эликсиры, – пожаловался голос, – и поливают какой-то дрянью. А однажды я проснулся, а вся кровать вместе со мной паутиной обмотана, носа и то не высунешь.

– Какой кошмар! – всплеснула руками Эмма.

– Рики, но почему ты не сбежал? – искренне недоумевал Чарли. – Дверь не заперта. Невидимке улизнуть проще простого.

– Ага, как же. Попробовал бы ты на своей шкуре, каково это! – обиженно забухтел невидимка. – Я однажды пытался выбраться. На меня все натыкались, толкали, только что с ног не сбивали. Кое-кто еще и визжал. А через парадные двери я пройти не смог, через них никому ходу нет. Я испугался и вернулся на чердак.

– Но тут же, наверно, страшно одному, – вмешалась Оливия. – И что ты здесь ешь? – Собственно, ей хотелось выяснить, как невидимки едят, но она постеснялась спросить прямо.

– Кормят в основном всякой гадостью, но Манфред постоянно приносит мне отличный джем. Должно быть, чтобы я тихо себя вел. А если вам так интересно, то ем я как обычный человек, только еда, едва попадает мне в рот, тоже делается невидимой.

Эмма покраснела, но понадеялась, что Рики этого не заметил. Чарли осенило:

– Знаешь, а ведь ты можешь спуститься в столовую во время обеда, когда мы все сидим за столами, и никто на тебя не налетит. А мы с Фиделио – это мой друг – подвинемся, ты сядешь между нами, и мы тебя подкормим. В начале четверти кормят сносно.

Повисло молчание – невидимка задумался.

Эмма, которая успела немного успокоиться, вспомнила самое важное и спохватилась:

– Рики, твой брат тоже здесь, в академии. Он приехал тебя искать.

– Что, правда?! Ух ты! Сэмюель тут? – Розовый палец внезапно взвился в воздух, и две босые ноги радостно запрыгали по холодному полу.

– Вот спустишься на ужин – и увидишь его, – уговаривал Чарли.

– Да, это можно. Только... – невидимка замялся, – как я узнаю, когда у вас ужин? Часов-то у меня нет.

Чарли отстегнул с запястья собственные часы и протянул их в пустоту:

– Возьми на время.

Часы исчезли, и Чарли вздрогнул.

– Не волнуйся, как только я их сниму, они опять станут видимыми, – успокоил его мальчик-невидимка. – Понимаете, все, что я ношу или ем, делается невидимым.

Эмма покосилась на свои часики и ахнула:

– Через пять минут звонок с урока! Чарли, мы пропали! Мы не успеем!

Не попрощавшись с невидимкой, она кинулась в коридор. Чарли поспешил за ней, бросив через плечо:

– Извини, Рики! Скоро увидимся! То есть, тьфу, услышимся! В общем, ты меня понял!

Эмма с Чарли неслись по пустым коридорам и грохотали по безлюдным лестницам, впопыхах то и дело сворачивая не туда и натываясь друг на друга. В конце концов им все-таки удалось выбраться на площадку над холлом. Однако не успели ребята вздохнуть с облегчением, как увидели в двух шагах от себя директора и разом втянули головы в плечи, чуя предстоящий нагоняй.

Доктор Блур двинулся на них, как танк.

– Почему вы не на уроке? – грозно спросил он.

Дети замерли. Подходящего объяснения не придумывалось.

Светлые пристальные глаза директора, смотревшего на них с высоты своего немалого роста, держали преступников под прицелом. Толстые синеватые губы недоверчиво скривились.

– Я жду ответа.

– Мы... э-э-э... – Чарли чувствовал, что идет ко дну.

– Ах вот вы где! – раздался знакомый голос, и из-за широкой директорской спины возник мистер Крапак. – А я их обыскался! – доверительно сообщил он доктору Блуру. – Ну, как Босх? Нашли это противное животное?

Глаза у Чарли полезли на лоб. Он выдавил из себя какое-то неопределенное междометие, которое могло обозначать все, что угодно.

– С этим Босхом не соскучишься, – объяснил мистер Крапак директору, с чьего сероватого лица не сходило недоверчивое выражение. – Принес, понимаете, в класс ручную крысу, чтобы ребята могли порисовать животное с натуры, а она так и норовит улизнуть. Вот я и попросил Чарли с Эммой ее поискать. Что, Чарли, нашли?

– Нет, сэр.

– Искали-искали, все без толку, а теперь еще и на следующий урок опаздываем, – многозначительно произнесла Эмма.

– Ах как неудобно, – спохватился мистер Крапак. – Знаете что, виноват я, поэтому с вашими учителями объяснюсь сам. Пошли,

ребятки. Прошу меня простить, доктор Блур. – Он ухватил их за руки и повлек за собой, мимо директора.

Доктор Блур развернулся и крикнул им вслед:

– Будьте так любезны – найдите вашу крысу, мистер Краплак! Нечего ей разгуливать по нашему учебному заведению!

– Да-да, господин директор, конечно! Как только учитель с учениками оказались на безопасном расстоянии от начальства, Чарли прошептал:

– Спасибо, сэр! Я уж думал, не миновать нам наказания.

– Идем, идем, не сбавляй скорости, – приглушенно сказал мистер Краплак.

Эмма не могла не поделиться открытием.

– Мы отыскали Рики! – шепотом сообщила она.

Мистер Краплак споткнулся и чуть не упал. Он тряхнул детей за плечи и быстро, отрывисто спросил:

– Как, где, когда? Рассказывайте!

И они на бегу выложили учителю живописи всю историю про мальчика-невидимку.

– Сегодня вечером Рики попытается пробраться в столовую, на ужин, – добавил Чарли. – Так что вы... он сможет с вами поговорить.

– Ушам своим не верю, – пробормотал ошеломленный Сэмюель Краплак. – Видимый, невидимый, главное, что Рики жив! И что он тут. Я-то думал, мальчугана утащили в один из этих их жутких замков. Я целый год колесил по стране и пытался выяснить, в каком именно его держат.

– А что, у Блуrow так много замков? – удивился Чарли.

– По меньшей мере пять, – ответил мистер Краплак. – Да, ничего себе. Я заберу Рики домой, как только представится случай. А дома мы уж найдем способ его вылечить. Так, а вон и коллеги.

В самом деле, мадам Бонжур и мистер Поуп уже поджидали беглецов в коридоре, и неизвестно, кто из педагогов пребывал в большей ярости: оба только что не дымились. Мистер Краплак вновь пустился в объяснения про свободолюбивого Босха, который сбежал из клетки и рыщет по просторам академии. Француженка и историк неохотно приняли его бурные извинения и велели детям поспешить на ленч.

– Увидимся за ужином. – Мистер Крапак подмигнул Чарли с Эммой на прощание и удалился, бодро насвистывая.

Чарли посмотрел ему вслед и насупился. Может, мистеру Крапаку весь план с Рики и кажется парой пустяков, а вот ему, Чарли Бону, – совсем нет.

Глава 3

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Дорога в общую столовую вела через длинный, тускло освещенный коридор, сплошь увешанный портретами. Тут было чем полюбоваться: со стен смотрели чванные дамы в шелках и кружевах, надменные кавалеры в строгих академических мантиях или в бархатных камзолах. Однако Чарли не собирался их разглядывать, хотя и мог бы услышать от них немало интересного. К тому же мальчик каждый раз боялся, что кто-нибудь из обитателей раззолоченных рам вдруг возьмет да и бросится на него. Поэтому Чарли, как обычно, миновал коридор быстрым шагом, глядя прямо перед собой.

Но сегодняшний день стал исключением. При виде одного из портретов в голове у Чарли закопошилась какая-то мысль, заставившая его замедлить шаг и повнимательнее приглядеться к картине.

– Ага, вот оно!

Чарли остановился перед портретом весьма серьезной дамы с темными локонами, облаченной в алый бархат, на котором выделялось ожерелье из розоватых камней. К нижнему краю рамы была прикреплена бронзовая табличка, а на ней значилось: «Селена Сверк».

– Селена Сверк, – задумчиво прочитал Чарли вслух.

– Что – Селена Сверк? – переспросил Фиделио, шедший следом за Чарли.

– Тс-с! – зашипел тот. Он ждал, что дама вот-вот заговорит, но Селена безмолвствовала. Может, стеснялась, может, важничала – кто их разберет, эти портреты.

– Я так и знал, что это имя мне где-то уже попадалось, – пробормотал Чарли себе под нос – Все они – потомки Алого короля. Значит, Рики вполне может относиться к их числу...

– Какой такой Рики? – не без раздражения поинтересовался Фиделио. – Чарли, что ты такое несешь?

– Понимаешь, мы с Эммой... – начал было Чарли, но его прервал окрик старосты Манфреда:

– Эй, вы двое, хватит проход загромождать! Тут и так коридор узкий!

Друзья послушно потрусили вперед, но Чарли глянул через плечо и увидел, что Манфред тоже притормозил перед портретом Селены Сверк. Хорошо бы, староста не догадался, почему Чарли заинтересовался изображением этой дамы.

Усевшись на одной из длинных скамеек, окружавших длинные столы в длинной подземной столовой, Чарли быстро шепнул:

– Фиделио, можешь чуток подвинуться? Возможно, скоро к нам кое-кто подсядет, он невидимка и страшно голодный, надо будет с ним поделиться.

– Ого! – поднял брови Фиделио. – Еще и четверть толком не началась, а ты уже по уши в каких-то тайнах. Ловко! – Он пересел поближе к соседу, так что между ним и Чарли осталось свободное место.

По счастью, сегодняшний ужин оказался одним из самых вкусных за все время учебы Чарли в академии: ученикам подали аппетитное жаркое из курицы и свинины, плававшей в густом соусе, и Чарли стоило немалых трудов удержаться и не умять все. Героическим усилием он заставил себя отложить несколько кусочков на краешек тарелки – на случай, если Рики все-таки решится прийти.

– Не мучайся, я же все равно мяса не ем, – посоветовал ему Фиделио, убежденный вегетарианец, довольствовавшийся одним гарниром.

– Тогда давай мне! – оживился сидевший рядом с ним Моррис, крупный мальчик-фаготист с завидным аппетитом.

– А вот и не дам, – наотрез отказался Фиделио. – Мы собираем еду для кухаркиного пса, он прихворнул.

Моррис сердито вздохнул, потом скорбно поглядел на свою тарелку и в нарушение всех правил – и школьных, и хорошего тона – принялся ее вылизывать.

Может, Рики заблудился? Или струсил? Чарли беспокойно оглядел зал – не происходит ли чего необычного. Эмму, сидевшую за столом художников, ему отыскать не удалось. За театральным столом царил порядочный гвалт, несмотря на присутствие Манфреда, восседавшего во главе. Не считая Азы и Зелды, разместившихся по бокам от старосты, все прочие ученики театрального сидели к нему боком, причем осанка у них была одинаковая, несколько скособоченная: каждый как будто стремился закрыться от давящего взгляда Манфреда

приподнятым плечом. Еще бы, кому охота оказаться под гипнозом посреди ужина!

Не считая кособокой осанки, Чарли не заметил в рядах обладателей фиолетовых плащей ничего необычного. На всякий случай он глянул в сторону преподавательского стола, стоявшего на возвышении по принципу «высоко сижу, далеко гляжу, всех вижу».

– Кого это ты высматриваешь? – спросил у Чарли сосед напротив, Билли Грифф, таращась сквозь толстые линзы очков из-под белесой челки. Как всегда, он походил на красноглазого совенка.

– Никого, – увернулся от ответа Чарли. – Просто мне показалось, что в подвал залетела летучая мышь.

Объяснение звучало правдоподобно, поскольку в старом здании летучих мышей водились целые стаи.

Билли отвел взгляд, и как раз в этот момент Чарли слегка толкнули в бок. Фиделио посмотрел на него с удивлением – точнее, на его тарелку, с которой вдруг испарился кусочек курицы.

– Спасибо! – прошептал голос из пустоты. – Вкуснотища!

Мальчик-невидимка успел смести еще некоторое количество жаркого, и вдруг Гвинет Хоуэллс, сидевшая подле Билли, всплеснула руками, и вилка выпала у нее из пальцев, так и не подцепив картофелину.

– Ой! Что это у тебя с тарел... Девочка полезла за вилкой под стол, и через секунду оттуда донесся пронзительный визг. Встрепанная голова Гвинет с вытаращенными глазами возникла над краем стола.

– Там... Там... я видела...

– Что там? – наклонилась к ней Рози Стаббс.

– Па-а-алец! – проверещала Гвинет и рухнула в обморок.

За ней крик подняли еще несколько учеников, причем не только девочки, но и мальчики.

– Плохо дело, – продышал невидимка в самое ухо Чарли.

В тот же миг его тарелка подлетела в воздух, а стакан с компотом опрокинулся, так что жижа потекла по столу.

– Пожалуй, мне пора! – решительно прошептал Рики под аккомпанемент воплей Рози:

– Гвинет дурно! Гвинет в обморок упала!

Директор привстал со своего места и попытался понять, что творится. К столу уже спешили надзирательница, мадам Юбим (она же

тетка Лукреция), и мисс Кристалл. Надзирательница резко тряхнула бедняжку Гвинет за плечо, но это не подействовало, так что пришлось ей вместе с мисс Кристалл вынести девочку из столовой.

Мистер Краплак тоже поднялся и даже подошел к краю возвышения, всматриваясь в неразбериху. Он поймал взгляд Чарли, вопросительно пожал плечами, Чарли в ответ помотал головой.

Мальчик-невидимка сбежал, и похоже, залучить обратно его будет нелегко. Не исключено, что его вообще посадят под замок.

Чарли с дрожью поймал на себе подозрительный взгляд Манфреда. Вот это уж точно никуда не годилось: совсем недавно Блур-младший видел, как он рассматривает портрет Селены Сверк, и к тому же был посвящен в тайну Рики и знал, что один палец у чердачного затворника остался видимым. Вероятно, Манфред уже сложил два и два и все понял.

После ужина Чарли подробнее объяснил Фиделио, что собой представляет мальчик-невидимка. Говорить, правда, все равно приходилось вполголоса, так как для рассказа Чарли улучил минутку, когда они с Фиделио шли обратно из столовой. На сей раз Чарли даже не обернулся на портрет Селены Сверк – а ну как Манфред за ним следит?

– Ну вот, приехали, – подытожил Фиделио. – Если у тебя и есть особый дар, так это приключения на свою голову собирать.

В синей, то есть музыкальной раздевалке друзья расстались: Чарли, вместе со всеми особо одаренными, полагалось готовить уроки в Королевской комнате.

Хотя мальчик всегда бежал туда со всех ног, он почему-то неизменно опаздывал и являлся последним. Вот и на этот раз прочие были уже в сборе. Когда Чарли распахнул тяжелую черную дверь, Манфред как раз делал объявление:

– Двое особо одаренных в школе больше учиться не будут. – Он свирепо оглянулся на ворвавшегося в комнату Чарли, потому что тот слишком шумно плюхнул учебники на стол. – Тихо, Бон! Итак, как я уже сказал, Бинди и Бет покинули наши ряды. Однако у нас появилась новенькая.

День выдался такой насыщенный, что про Беллу Чарли напрочь позабыл. Но девочка-куколка была тут как тут и сидела между Азой и Доркас. По остренькой мордочке Азы по-прежнему блуждала кривая

улыбочка, а рыжие волосы торчали неопрятными сосульками, будто он неделю голову не мыл. Собственно, если бы не цепкие желтые глаза, он бы никоим образом не походил на хищного и коварного оборотня.

– И зовут нашу новенькую Белла, – непривычно радушно продолжал Манфред.

– Белла, а как дальше? – поинтересовался Танкред Торссон, в чьей светлой шевелюре потрескивали электрические искры, как всегда, когда он нервничал.

– Не важно, – небрежно отмахнулся Манфред.

– Лично мне очень даже важно, – настаивал Танкред. – Когда я с кем-то знаколюсь, то предпочитаю узнать и имя, и фамилию.

Чарли испугался. Только бы Танкред успел отвести глаза, пока Манфред не учинил с ним какую-нибудь из своих гипнотических гадостей! В черных глазах старосты уже замерцал нехороший огонек.

– Будет тебе, Тан, – подергал друга за рукав африканец Лизандр. – Белла и Белла, ну и хватит с нее.

– Моя фамилия – Торссон, – отчеканил Танкред, которому явно вожжа под хвост попала. – А твоя?

– Доннер, – вдруг сказала девочка.

– Белла Доннер? – переспросил Габриэль Муар. – Так это же значит «черный паслен», или нет, «сонная одурь». Это ядовитое растение!

– Вообще-то растение называется «белладонна», – с милой улыбкой поправила новенькая. – И в малых дозах она расширяет зрачки, глаза от нее делаются я-я-яркие, блестя-я-я-ящие и краси-и-ивые! – Белла произнесла эти слова нараспев, и вдруг ее голубые глазки полыхнули красными искрами.

Воцарилась мертвая тишина – даже Танкред не мог вымолвить ни слова. Все потупили взор, раскрыли учебники и зашуршали тетрадками.

Прежде чем погрузиться в приготовление уроков, Чарли быстро посмотрел на портрет Алого короля, висевший как раз напротив него. Это потемневшее и потрескавшееся от времени полотно всегда поднимало ему настроение. Правда, услышать королевский голос Чарли еще ни разу не удавалось. Иногда он различал бормотание, иногда какой-то скрип и шорох одежд, но потом на картину как будто набегала тень и король словно отступал куда-то в сумрак, а за его

плечами вставала некая смутная темная фигура, скрытая плащом с капюшоном, и от нее исходил леденящий страх. Чарли был уверен, что она-то и не дает ему поговорить с королем. Вот и сейчас тень возникла вновь, и мальчику пришлось поспешно опустить глаза. Он обвел взглядом комнату. Итак, теперь нас, особо одаренных, одиннадцать, а в прошлой четверти было двенадцать. Интересно, что бы случилось, если бы нас было десять, как когда-то детей Алого короля? Неужели расстановка сил повторила бы ту древнюю легенду – пятеро на стороне добра и столько же на стороне зла? И что нас ждет теперь? Кто победит?

– Бон, займись наконец делом! – внезапно прорезал молчание голос Манфреда.

Чарли аж подскочил, потом послушно пробормотал «да-да» и уткнулся в учебник, не поднимая глаз, – от греха подальше.

Перед отбоем Эмма перехватила Чарли на пути в спальню.

– Так это был Рики? – шепотом спросила она. – Я про палец под столом.

Чарли кивнул.

– Вряд ли нам удастся выманить его еще раз, – сокрушенно сказал он. – Невидимка напугался. И к тому же, чувствует мое сердце, Манфред все просек.

– Я передам это мистеру Краплаку, – вызвалась Эмма.

Чтобы не стоять на месте и не привлекать внимания, Чарли проводил Эмму до самых дверей девчоночьей спальни. Издалека было слышно, как у этих самых дверей кто-то бурно хихикает. Приблизившись, Чарли с Эммой узнали Доркас и новенькую: те шушукались, сблизив головы, и явно делились каким-то гнусным секретом.

– Со стороны посмотреть, так можно подумать, будто Белла заморозила Доркас. Та за ней прямо хвостиком ходит, – заметила Эмма.

– Удачи, – шепнул ей на прощание Чарли.

– Что, Чарлз, делаешь вид, будто мы незнакомы? – язвительно поинтересовалась Белла, когда Чарли миновал ее.

– Что ты, что ты, – не оборачиваясь, отозвался он и ускорил шаг. – Не хочу мешать шептаться.

– Смотри не задирай нос, а не то тебе же хуже будет! – ударила ему в спину угроза.

Голос, произнесший ее, был какой-то странный – вроде Белла говорила, а вроде и не она, а кто-то постарше. Кто-то, кому лучше не перечить.

Чарли перешел на торопливую рысцу.

С этого самого дня новенькая и Доркас стали не разлей вода. Исподтишка наблюдая за ними, Чарли все больше убеждался, что Белла Доннер вовсе не та, за кого себя выдает. Но кто? Он не знал. А еще ведь надо как-то разобраться с беднягой Рики... Да уж, эта четверть тоже томительной скуки не обещает. Загадки растут, как снежный ком.

– Слушай, Чарли, ты все-таки води себя поосторожнее, – посоветовал ему как-то Фиделио. – А то сунешься еще разок на чердак, и не миновать тебе наказания. Оставят после уроков.

– Или еще что похуже, – добавила Оливия, – особенно если тебя застукает Манфред.

– Да, возьмет и загипнотизирует на всю жизнь, как он меня пытался, – добавила Эмма.

Разговор этот происходил в саду – вся компания сидела на бревне и любовалась закатом. Близилось лето, и лето обещало быть великолепным, так что, по словам Оливии, спектакль, который неизменно ставили к концу каждого семестра, наверняка будут показывать на улице.

– Скажи-ка, а рисует Белла хорошо? – спросил Чарли у Эммы. – Она вообще умеет рисовать?

Эмма дернула плечиком:

– Понятия не имею. Но руки у нее ловкие. Мы сейчас костюмы и бутафорию к спектаклю делаем и еще декорации рисуем.

Охотничий рожок возвестил конец перемены, и четверка друзей, вздохнув, направилась по классам.

– С Рики надо что-то делать, – заговорила Эмма. – Может, попробовать нарваться на арест и остаться в школе до субботы? Чарли, ты как?

Чарли тоже беспокоился за мальчика-невидимку, но над ним тяготели и другие обязанности.

– У меня же пес, – напомнил он друзьям. – По выходным я его выгуливаю, а всю неделю – мама с Мейзи.

В конце концов было решено встретиться в воскресенье и хорошенько обмозговать, как быть с Рики. В последний момент Фиделио спохватился:

– Ох, а я не смогу. У меня концерт.

Чарли расстроился: Фиделио ведь самый подходящий человек для всяких рискованных авантюр. Он и храбрый, и упорный, и идей у него всегда полным-полно. Но и музыкант он отменный, настоящий профессионал, а музыка требует значительно больше внимания, чем тот же Спринтер-Боб. Похоже, в ближайшее время на Фиделио рассчитывать не приходится...

Однако в пятницу вечером на Чарли посыпался такой дождь неприятностей, что про мальчика-невидимку он забыл. Чарли изнывал от нетерпения поскорее увидеть дядю Патона, а тот так и не приехал домой, и от него не было ни слуху ни духу.

– Что-то я начинаю беспокоиться, – качала головой Мейзи. – На Патона это не похоже. Чарли, ты только не расстраивайся, но мне тоже нужно уехать – завтра.

– Как так?! – Чарли, конечно, огорчился. Мама по субботам работает, дядя не вернулся, Мейзи уезжает, и что же получается – ему придется весь день провести в обществе бабушки Бон? Такая перспектива Чарли вовсе не улыбалась, и это еще мягко сказано.

– А куда ты едешь? Надолго? Можно, я с тобой? – затараторил он.

– Увы, не получится, деточка, – вздохнула Мейзи. – Дорис захворала, мне нужно навестить ее и присмотреть за ней, больше некому. – (Дорис была ее сестра.)

Чарли приуныл. Ну да, раз так, то со Спринтером-Бобом, кроме него, возиться некому – ни кормить, ни гулять.

– Ты бы вывел его прямо сейчас, а то я за весь день так и не выкроила время, – попросила Мейзи. – Чарли, пса нельзя так долго держать на подпольном положении, это живое существо, и рано или поздно он себя обнаружит.

Живое существо так и рвалось себя обнаружить: Чарли еще с лестницы услышал, как запертый у него в комнате пес поскуливает и скребется в дверь.

– Тихо ты! – Чарли вбежал в комнату, бахнув дверью.

Спринтер-Боб на радостях взгромоздил лапы ему на плечи и от всей души облизал лицо Чарли липким мокрым языком.

– Тьфу ты, что за нежности! – отплюнулся Чарли.

На лестничной площадке заскрипели тяжелые шаги.

– Это ты, Чарлз, расхлопался дверями? – сурово спросил знакомый старушечий голос.

– Да, бабушка, извините, – отозвался Чарли и поспешно добавил: – Я переодеваюсь.

Выждав минутку, он высунулся из комнаты, убедился, что старуха Бон возвратилась к себе, и тихонько произнес магическое слово «гулять» – лучшее на свете слово для любой собаки.

Спринтер-Боб ликующе скатился по лестнице вслед за Чарли. Они весьма удачно выскочили незамеченными через черный ход и помчались по узкому проулку, который вел к парку. Через час пес и мальчик вернулись, оба запыхавшиеся и голодные.

Мама уже была дома и волновалась, поэтому Чарли сказал, что не знал, который час, потому что вроде как потерял свои часы.

– Ну что ты за растяпа, сынок, – пожурила его мама. – Знаешь что, возьми-ка ты лучше мои, пока свои не нашел.

Чарли с сомнением принял мамины часики, но, по счастью, ничего сугубо дамского в них не было – никаких финтифлюшек.

– Пойду помогу Мейзи сложить вещи, – сказала мама. – Это быстро.

Под заинтересованным взглядом Спринтера-Боба Чарли принялся искать старательно (и даже слишком) запрятанный Мейзи собачий корм. Он как раз откопал в кладовке банку «Дружка», когда за спиной у него раздался вскрик и рычание.

Неизбежное случилось. Бабушка Бон вжалась спиной в дверь кухни и трясущимся узловатым пальцем тыкала в Спринтера-Боба.

– Что это животное здесь делает?! – заорала она.

– Это собака Бенджи, – торопливо пояснил Чарли. – Вы же его знаете, это Спринтер-Боб.

– Еще бы мне его не знать! Почему он не в Гонконге вместе с мальчишкой?

Чарли не успел ответить: Спринтер-Боб, которому нацеленный на него палец пришелся не по нраву, рыкнул и кинулся на старуху. Та завизжала:

– Убрать его! Вон его из дому немедленно!

– Но, бабушка... – Чарли лихорадочно соображал, как бы выиграть время.

Спринтер-Боб, однако, был вовсе не намерен терять даром ни секунды. Он плотоядно заурчал и щелкнул зубами, метя ухватить старуху за икру.

– Ах вот как! Он еще и бешеный! Хватит с меня! – Бабушка Бон вопила так, что стекла дрожали. – Я немедленно звоню в отлов бездомных животных! В полицию! Ветеринару! Это чудище нужно немедленно усыпить!

– Бабушка, да что вы такое говорите! Он нормальный!

Но старуха уже успела набрать какой-то телефонный номер и прерывающимся от гнева голосом диктовала в трубку адрес и жаловалась на бешеного пса, который чуть не порвал ее в клочья. Потом грохнула трубку и попятилась, целя пальцем уже в Чарли.

– Они будут здесь через полчаса, и, пока эту тварь отсюда не уберут, я не выйду из комнаты!

Чарли дрожащими руками вывалил в миску пса консервы и в отчаянии плюхнулся на стул. Что же делать-то?!

На шум прибежали мама с Мейзи, но и они не знали, как быть.

– Я так волнуюсь за Дорис, что у меня просто голова не варит! – кудахтала Мейзи, бегая по кухне.

– Ну почему дяди нет дома?! – со слезами в голосе простонал Чарли. – Уж он бы что-нибудь придумал!

Может, схватить пса и быстренько отвести его к Фиделию? Или к Эмме с мисс Ингдью? Или к Оливии? Но смогут ли они спрятать Боба? Да и захотят ли? Чарли глянул на пса – тот, все еще взъерошенный, отворачивался от консервов, и вид у него был устрашающий. Спринтер-Боб привык к мягкому обращению, он терпеть не мог, когда на него повышали голос, и теперь никак не мог успокоиться – ворчал и щерился.

– Чарли, успокойся! – тормошила его мама. – Кто бы ни приехал, мы им объясним, что усыплять собаку ни в коем случае нельзя. Скажем, что Боб в жизни мухи не обидел.

– Может, его отправят в какую-нибудь собачью гостиницу, и мы сможем его навещать, – с надеждой в голосе предположила Мейзи.

– Да не выдержит он гостиницы! – взвыл Чарли. Видя, как разнервничался пес, мальчик вытряс в миску банку нежнейшего гусиного паштета и заливное из ветчины.

– Как раз то, что больше всего любит мадам Бон, – вполголоса заметила Мейзи и оглянулась на дверь.

– Ну и пусть! – буркнул Чарли. Он присел на корточки рядом с псом и стал гладить его вздыбленную шерсть.

Паштет и заливное подействовали. Пес успокоился, а Чарли испытал некоторое злорадство, глядя, как пес в один присест умял недельный запас любимых лакомств бабушки Бон.

Те самые полчаса истекли.

Чарли решительно встал:

– Вот что, я пойду к Фиделио и попрошу его поддержать у себя Боба до возвращения Бенджи.

– В этом музыкальном кавардаке? – всплеснула руками Мейзи. – Да песик там свихнется через три секунды.

И тут в дверь требовательно затрезвонили.

Глава 4

СВЕРКАЮЩИЕ КАМЕНЬЯ

– Это собаколовы? – крикнула из своей комнаты бабушка Бон. Сердце у Чарли упало. – Не волнуйся, сынок, мы не позволим им обижать Боба, – попыталась успокоить его мама.

Бабушка Бон уже устремилась к парадному входу – впускать долгожданных избавителей. Но вскоре оттуда донесся ее удивленный возглас, и Чарли ринулся в прихожую.

На пороге стоял человек в мохнатом пальто, и, увидев давнего знакомого и надежного друга, мальчик обрадовался. Да это же мистер Комшарр! А рядом с мистером Комшарром полыхали яркими шубками три кота-Огнеца, они-то и напугали старуху. Бабушка Бон ненавидела все кошачье племя, а уж медного Феникса, оранжевого Саламандра и желтого Везувия – в особенности: у нее с ними были давние счеты.

– Это вы – собаколовы? – недоверчиво сощурилась она. – Я где-то вас уже видела. И котов тоже. Вы, кажется, мышами занимаетесь? – Старуха попятилась.

Мистер Комшарр протянул ей визитную карточку:

– Орвил Комшарр, к вашим услугам. Уничтожение грызунов и... и других вредителей.

– В таком случае побыстрее забирайте эту бешеную собаку, – велела бабушка Бон. – Чарлз, тебе ее с поводком выдали? Тогда принеси поводок.

Чарли поспешил в кухню, а за ним – мистер Комшарр и кошачья троица.

– Все в порядке, – успел сказать мальчик маме и Мейзи. – Прибыл мистер Комшарр.

Мейзи извлекла из кармана фартука поводок и передала мышелову.

– Уж вы помягче с этим псом, – настойчиво попросила она.

В ответ мистер Комшарр многозначительно подмигнул.

Коты и Спринтер-Боб, которые были прекрасно знакомы, обменялись добродушным урчанием, после чего мистер Комшарр взял

пса на поводок. Спринтер-Боб вилял хвостом и, похоже, был очень рад гостям.

– Откуда вы узнали про Боба? – шепотом спросил Чарли у мышелова.

– Коты вдруг решили проверить, как ты поживаешь, – быстро ответил мистер Комшарр. – Я и понятия не имел, что у вас тут творится, но они зря в гости проситься не будут. Приходи в кафе навестить нас, ладно?

Бабушке Бон этот приглушенный диалог не понравился – содержания она не расслышала, но сердито повысила голос:

– Ну, вы собираетесь избавить нас от этого животного или нет?

Мистер Комшарр отвесил ей подчеркнуто вежливый поклон и повел Спринтера-Боба к выходу. Пес на ходу ободряюще лизнул Чарли руку.

– Всем счастливо оставаться! – И мистер Комшарр со своей свитой удалился.

Бабушка Бон торжествующе захлопнула за ним дверь и отправилась к себе – отдохнуть от перенесенных волнений. По счастью, когда в дом номер девять позвонили настоящие собаколовы, Чарли проявил проворство и выпроводил их прежде, чем старуха проснулась.

– Извините за беспокойство, но мы уже отправили пса в собачью гостиницу, – объяснил Чарли, и на том дело закончилось.

На Чарли перенесенные волнения тоже подействовали – ночью он спал как убитый и, более того, едва ли не до полудня. Мальчика разбудила Мейзи – уже в плаще и шляпке.

– Чарли, я уезжаю! Да проснись же! Меня такси внизу ждет! Мама ушла на работу, и мадам Бон тоже куда-то делась. – Мейзи сунула в руку сонному Чарли какой-то клочок бумаги. – Вот, тут я тебе на всякий случай написала адрес Юбимов. Как-никак, они твои тетки. Ах, не хочется мне оставлять тебя одного, но что поделаешь!

– Да не волнуйся, ничего со мной не случится. – Чарли зевнул.

Мейзи чмокнула внука в щеку и умчалась.

Чарли посмотрел на клочок бумаги и пожал плечами. Обращаться к теткам? С какой стати? Такое и в страшном сне не приснится.

В доме царила непривычная тишина. Чарли вдруг понял, что никогда раньше не оставался в полном одиночестве – ведь дядя Патон

днем всегда сидел дома. Неизменно. Что же с ним стряслось-то?

Позавтракав, Чарли не выдержал безмолвия и пошел к маме в зеленую лавку. Мама как раз взвешивала яблоки какому-то нетерпеливому господину, а за ним выстроилась еще целая очередь, поэтому разговора толком не вышло.

– Чарли, ты же видишь, я занята, – быстро сказала мама. – Вечером увидимся. Ты как, скучать не будешь?

– Нет, конечно, – как можно бодрее ответил Чарли. – Пойду к Эмме.

Эмма с прошлого года жила у своей тети, мисс Джулии Ингльдью, у которой был книжный магазин в Соборном переулке, но по дороге Чарли полез в карман и обнаружил там клочок бумаги, оставленный Мейзи. Ну и адресочек у теток – Сквозняковый проезд, 13.

Остановившись у газетного киоска, мальчик купил мятных леденцов и показал адрес продавщице.

– Сквозняковый проезд? – встревоженно переспросила она. – Ты, зайчик, никак, туда собрался?!

– Вроде того, – отозвался Чарли. – А что?

– Лучше не ходи. Опасное, мрачное место, детям там делать нечего.

– Почему? – тотчас заинтересовался Чарли.

– Там слишком темно – ни одного фонаря.

– Так ведь сейчас день! – резонно ответил Чарли.

– Зайчик, я тебе повторяю – это опасное место, там уже бывали разные... случаи. Не вздумай туда соваться.

– Но у меня там родственники живут, – честно сказал Чарли.

Продавщица газет перевесилась через прилавок и заглянула Чарли в лицо:

– Какие именно?

– Тетушки. То есть бабушкины сестры. Я прекрасно доберусь, ничего со мной не случится, только, пожалуйста, скажите мне, где это.

Продавщица покачала головой и вздохнула:

– Хорошо, зайчик, но я тебя предупредила. Значит, смотри, дойдешь до конца этой улицы, свернешь направо, а потом прямо до самой Банковской площади. А там уже рядом.

– Спасибо. – И Чарли поспешил в указанном направлении, прежде чем продавщица успела припугнуть его еще больше.

Банковская площадь представляла собой полукруг одинаково угрюмых серых домов с террасами и чахлый газон, посреди которого высилась мрачная ель – хвоя у нее казалась почти черной, от чего веселее это место не становилось.

Между высокими домами открывался темный проем, а в нем висел выцветший от времени указатель: «Сквозняковый проезд». Чарли решительно двинулся во мглу. По обе стороны над ним нависли глухие стены брандмауэров, в лицо ударил промозглый ветер. Вокруг клубилась темнота, и трудно было поверить, что за спиной остался солнечный день.

Постепенно узкий проезд расширился и превратился в улицу, застроенную покосившимися домами такого древнего вида, что казалось, их крыши смыкаются, закрывая собой небо. Правда, кусочек неба все-таки был виден, но и его заслоняла низкая свинцовая туча – Чарли в жизни не видел таких тяжелых туч.

Мальчик зябко передернулся и двинулся вдоль домов, поглядывая на номера. Первое впечатление не обмануло: почти все дома были заброшены, там и сям виднелись заколоченные ржавыми гвоздями двери и ветхие ставни. И повсюду облупившаяся краска, выбитые стекла, сломанные перила... Какая-то неведомая сила выжила отсюда всех обитателей. Впрочем, нет, не всех, кое-кто еще оставался. Из дома номер пять вывалилась целая компания улюлюкающих и дерущихся подростков. Чарли ускорил шаг, а когда из подвала следующего дома высунулся какой-то злобный здоровяк и рявкнул на него, мальчик припустил бегом. Прямо перед ним грохнулся мусорный бак, и дорогу Чарли перебежала крыса.

Сквозняковый проезд никуда не вел: он кончался тупиком, в котором тесно, впритык друг к другу, громоздились высокие старинные дома с высокими узкими окнами, украшенные башенками, коваными балконами и лепниной, изображавшей какие-то оскаленные физиономии и небывалых чудищ. Один из этих домов значился под номером тринадцать.

Запыхавшийся Чарли взбежал по ступенькам. Прямо перед ним поблескивал дверной молоток, выполненный в форме чугунной руки. Но стучаться к теткам Чарли не стал. Вместо этого он попытался заглянуть в окно первого этажа – узкое, как бойница. Все, что ему удалось разглядеть, – темную комнату, заставленную мрачной

массивной мебелью. Он бочком придвинулся к другому окну, слева от крыльца, заглянул – опять темная комната, сплошь увешанная портретами каких-то чопорных дам и господ. Дом молчал. Похоже, в нем не было ни Души.

Чарли спустился с крыльца и с изумлением обнаружил, что на соседнем доме справа тоже висит табличка с номером «13». Он завертел головой. И на доме слева!

– Бедняга почтальон, туго ему приходится, – сказал сам себе Чарли. Дом слева тоже молчал, а вот из дома справа доносилось какое-то жужжание и пощелкивание.

Окно, которое привлекло внимание Чарли, находилось довольно высоко над землей – судя по всему, под ним располагался глубокий подвал. Чтобы как следует рассмотреть, что делается в доме, Чарли вскарабкался на выступ под окном и привстал на цыпочки.

Зрелище, которое представилось глазам мальчика, оказалось гораздо интереснее, чем он рассчитывал. Ярко освещенную комнату почти целиком заполнял огромный овальный стол, на котором вздымались волны разнообразных тканей, сверкали бусины, бисер и стеклярус, блестели пуговицы, застежки и даже крохотные зеркальца, водорослями расстилались тесьма и нитки. Чего тут только не было – и кожа, и бархат, и шелк, и мотки шерсти. Над столом свисала люстра с множеством рожков, ярко освещавших три фигуры: Беллу за швейной машинкой и наблюдающих за ней тетку Венецию и Доркас. В наманикюренных пальцах тетюшка Венеция держала невероятной длины шляпную булавку, увенчанную блестящим черным жуком – неизвестно из чего сделанный, он выглядел совсем как настоящий. Белла, не отрываясь от машинки, проговорила что-то, и тетка Венеция вонзила булавку в кусок алого бархата, разостланный на столе.

Красная ткань в мгновение ока превратилась в скопище кишящих черных жуков!

Доркас шарахнулась – и Чарли тоже.

Белла устремила светящиеся голубые глаза прямоком на Чарли, мальчик попятился и загремел вниз, наступив на крышку мусорного бака.

С парадного крыльца на него сверху вниз настороженно смотрел Аза Пик.

– Ч-ч-чего это ты тут делаешь? – запинаясь, выдавил Чарли. Он с трудом поднялся.

– Могу задать тебе тот же самый вопрос, – не слишком любезно отозвался рыжий. Аза, обычно перемещавшийся по городу в скверном гриме (чаще всего он неубедительно выдавал себя за старика), на сей раз выглядел настоящим щеголем: в кожаной куртке, наглаженных серых брюках, белой рубашке, крапчатом галстуке. Мало того, при нем имелся букет тюльпанов!

– Я? Здесь живут мои тетки.

– Да? А что ж ты шпионишь под окнами, вместо того чтобы войти? – Аза сузил глаза.

– Не твое дело, Пик, – огрызнулся Чарли, отряхиваясь.

Рыжий фыркнул и позвонил в дверь, а Чарли порскнул прочь. Над головой у него послышался скрип, он посмотрел вверх и увидел, что зарешеченное окно на втором этаже отворилось и сквозь прутья попытался выглянуть какой-то темноволосый мужчина с изможденным лицом. Чарли он показался знакомым, но в Сквозняковом проезде было слишком сумрачно, чтобы как следует его разглядеть. К тому же следовало поскорее уносить ноги, пока тетки не заметили племянника.

Чарли помчался прочь из Сквознякового проезда, стараясь выбросить из головы отвратительное видение кишющих жуков.

Но почему окно наверху было зарешечено? Неужели тетки держат на втором этаже какого-то пленника?

– Ты что, на фильм ужасов ходил? На тебе лица нет! – таким вопросом встретила Чарли Эмма, когда мальчик наконец добрался до книжной лавки Ингльдю. Всю дорогу он бежал.

– Мне за ужасами и в кино ходить не надо – бесплатно насмотрелся! – выпалил Чарли и, едва переведя дыхание, выложил Эмме все про Сквозняковый проезд, Беллу за швейной машинкой и черных жуков.

Глаза у Эммы округлились.

– Вообще-то меня это все ничуть не удивляет, – покусав губу, призналась она. – Вполне в духе твоих теток. Ладно, забудь. Мы наготовили целую гору бутербродов – хочешь?

Чарли, конечно, не стал отказываться. Эммина тетя, Джулия Ингльдю, славилась тем, что делала самые удивительные бутерброды.

Из чего она только их не складывала – тут и сладкое, и соленое, и кислое, и острое... И всегда получалось объединение. Правда, спокойно перекусить не вышло: в книжной лавке происходил обычный субботний наплыв посетителей, и мисс Ингльдю каждые пять минут вскакивала и бежала из гостиной в помещение магазина на новое треньканье входного колокольчика.

Очередной покупатель, франтоватый господин, предпочитавший самые роскошные издания, только что удалился, зажав под мышкой пакет с дорогущим томом о жизни и нравах аквариумных рыбок. Мисс Ингльдю вернулась к Эмме и Чарли; казалось, прибыль ее не особенно обрадовала. Едва прикоснувшись к бутерброду, она нервно кашлянула и спросила:

– Чарли, что стряслось с твоим дядей?

– Я и сам толком не знаю. Кажется, он куда-то уехал.

Лицо у мисс Ингльдю сделалось такое огорченное, что аппетит у Чарли мгновенно пропал.

– Понимаешь, он обычно заходит ко мне... в магазин не реже двух раз в неделю, а тут он запропал, вот я и... – Мисс Ингльдю заалелась, и на душе у Чарли потеплело. Значит, дядя не зря за ней ухаживал!

– Он не успел мне сказать, куда уезжает, но оставил записку – мол, тетки строят какие-то козни, – объяснил Чарли. – И еще написал, что должен остановить какое-то зло, которое надвигается.

– Ого! – воскликнула Эмма. – Хотела бы я знать, что у него получилось.

– Да и я тоже, – согласился Чарли.

– От всей души надеюсь, что Патон цел и невредим, – горячо сказала мисс Ингльдю. – Просто не знаю, что бы я без него... то есть я имею в виду, он такой надежный человек, правда, Чарли?

– Точно, – кивнул мальчик.

Чарли вернулся домой часам к пяти, но, едва переступив порог, пожалел, что не задержался у Ингльдю подольше: бабушка Бон решила заняться не только воспитанием, но и питанием внука, а потому Чарли пришлось, давясь, полдничать несъедобным пирогом с капустой и морковкой – вместо привычной и любимой картошки.

Дядя Патон по-прежнему не подавал о себе вестей, но его сестру это, кажется, вовсе не беспокоило, и на вопрос Чарли она хладнокровно отозвалась:

– Я уверена, что он прекрасно проводит время.

Раз бабушка так утверждает, значит, дело обстоит ровно наоборот! Чарли был в этом убежден. Кроме того, в душу ему закралось подозрение, что бабушке Бон дядино местонахождение прекрасно известно. Уж очень многозначительная, неприятная и торжествующая усмешечка бродила у нее по лицу, пока старуха пичкала Чарли своим кулинарным шедевром. И означать эта усмешка могла только одно: дядя в опасности.

Когда попытка овощным пирогом кончилась, бабушка Бон удалилась к себе, предоставив Чарли с мамой убирать со стола и мыть посуду. Чарли вздохнул с облегчением, но тревога в душе не умолкала.

– Я ужасно волнуюсь за дядю Патона, – поделился он с мамой. – Неужели никак нельзя выяснить, куда он уехал?

– Боюсь, что нет, сынок. И не расстраивайся раньше времени. Твой дядя – взрослый человек и знает, что делает.

Мама вышла в прихожую, покрутилась перед зеркалом и поправила прическу. Чарли это насторожило, и он в который раз спросил:

– У тебя ведь не завелся поклонник?

В ответ он услышал нечто неопределенное:

– А почему ты так решил?

– Мам, я тебя очень прошу, не забывай папу, – с нажимом сказал Чарли.

– Конечно-конечно, – задумчиво улыбнулась мама, по-прежнему любуясь своим отражением.

В субботу Чарли, как всегда, отправился в «Зоокафе» – отличное место для встреч с друзьями, если ты не забыл прихватить с собой какого-нибудь зверя или птицу. Без живности в кафе вход был закрыт, но сегодня Нортон Кросс, швейцар и вышибала, пустил Чарли одного по уважительной причине.

– Проходи-проходи, – радушно сказал великан. – Я в курсе насчет Спринтера-Боба, мистер Комшарр мне все объяснил. Пес тебя уже ждался. – Он кивнул в сторону Габриэля, скармливавшего одну галету за другой Спринтеру-Бобу.

Завидев Чарли, пес мигом забыл про угощение, разразился громким лаем и бросился к временному хозяину изливать свою радость, едва не сбив мальчика с ног.

Погладив Боба и ласково потрепав его за уши, Чарли удачно избежал псиного липкого языка и устроился за столиком напротив Габриэля, на коленях у которого резвилось с дюжину хомячков.

– Надо же, и как Боб их не слопал! – удивился Чарли.

– По-моему, он предпочитает галеты и косточки, – ответил Габриэль.

В кафе вошли еще трое посетителей (или шестеро, если считать живность) – Оливия с белым кроликом, Эмма с невиданной птицей в клетке и – ничего себе! – мистер Краплак, предъявивший бдительному швейцару свою крысу, Босха, копошившуюся у него за пазухой.

Девочки сразу подсели к Чарли с Габриэлем, а учитель живописи направился к стойке.

– Мистер Краплак вчера заходил к нам в магазин, вы разминулись буквально минут на пять, Чарли, – начала Эмма. – Он хочет побеседовать с тобой о Рики и обо всей этой истории про питона. Вот я его сюда и привела.

Мистер Краплак выгрузил на стол целый поднос булочек и плюшек, а также апельсиновый сок.

– Угощайтесь на здоровье, – пригласил он, устраиваясь рядом с девочками.

Некоторое время компания делила булочки и плюшки, чтобы каждому досталось поровну и именно с той начинкой, которую он любит.

– Эмма сказала, что вы хотели поговорить со мной про Рики? – спросил Чарли, оторвавшись от солидной плюшки с яблочным повидлом.

Обычное жизнерадостное выражение с лица учителя тотчас как губкой стерли.

– Да, Чарли, поэтому сразу перейду к делу. У нас на живописи появилась новенькая, Белла Доннер. Насколько мне известно, она живет у твоих тетюшек. Получается, она – твоя родственница?

Чарли поперхнулся.

– Вот уж чего бы не хотел! – кашляя, выдавил он.

– Слушай, а ты ничего не забыл нам объяснить? – надув губы, вмешалась Оливия. – В чем дело? Что такого особенного в этой Белле?

– Вот именно, Чарли, что ты о ней знаешь? – поддержал ее мистер Краплак.

– Да почти что и ничего, – подумав, ответил Чарли. – Ну, глаза у нее цвет все время меняют, и... еще я видел...

– Видел что? – Оливия от нетерпения даже привстала, чуть не уронив кролика.

Чарли пришлось еще раз описать Сквозняковый проезд и жуков, в которых превратилась алая ткань.

– Колдовство с жуками провернула одна из моих теток, но я готов ручаться, что без Беллы там тоже не обошлось. У нее над тетками есть какая-то власть.

– Значит, это наверняка *она* и есть, – вырвалось у мистера Краплака. Слово «она» он произнес так, что у всех присутствующих мурашки по спине забегали.

– Кто – она? – насторожилась Оливия. Мистер Краплак мрачно усмехнулся:

– Эмма, должно быть, уже рассказала вам про моего младшего братишку, Рики. Он учился у вас в академии, а год назад исчез. Я пытался выяснить у дирекции, что с ним случилось, но тщетно. Тогда я решил проникнуть в академию под другим именем.

– Значит, ваша настоящая фамилия тоже Сверк? – приглушенно уточнил Габриэль.

– Да, и стоит некоторым людям в академии прознать о том, кто я на самом деле, они наверняка захотят от меня избавиться.

– Избавиться?! – испугалась Эмма.

– Боюсь, на меньшее они не пойдут. – Мистер Краплак поймал на кончик пальца крем, норовивший вылезти с одного конца заварной трубочки. – Тем или иным способом, но избавиться.

– А про Беллу-то... – напомнил Чарли.

– Ах да, Белла. – Мистер Краплак утер губы салфеткой с эмблемой «Зоокафе» и продолжал: – На северо-востоке страны, в горах, есть замок. Он был возведен еще в двенадцатом веке и когда-то носил иное имя, но теперь он называется замком Юбим. – Учитель глянул на Чарли.

– Юбим, – шепотом повторил пораженный мальчик, но перебивать не посмел.

– Век за веком в замке Юбим жили потомки Алого короля. Большинство из обитателей замка принадлежали к особо одаренным и были наделены теми или иными необычайными способностями. В

тысяча девятисотом году в замке родилась девочка, которую называли Иоландой. Ее отец умел принимать любое обличье, а мать была гипнотизершей. В двадцать один год Иоланда стала полноправной владелицей замка, хотя... – мистер Краплак обвел глазами внимательные лица детей, – нельзя сказать, чтобы ее папенька был полностью и безоговорочно мертв.

– Не совсем мертв? – пискнула Оливия. – Разве такое бывает? Что это значит?

– Видите ли, применительно к многоликому трудно сказать, когда именно он умирает и умирает ли вообще. Вот Иоланде уже перевалило за сотню, а она до сих пор может принять вид двенадцатилетней девочки.

– Так что же получается? Иоланда – это Белла? – выдохнул Чарли.

– Я практически уверен в этом, – кивнул мистер Краплак. – И боюсь, она меня уже узнала. Мы живем неподалеку от замка Юбим, и Иоланда всегда ненавидела нас, Сверков из Сверкающего замка. У нас был жизнерадостный дом, мы так и сияли, но, с тех пор, как Рики пропал, сверкающим чародейством мы больше не занимаемся – ни папа, ни я. Да-да, мы с отцом оба одаренные, – добавил он, опережая вопросы. – Рики, к сожалению, нет. Но зато у него замечательные музыкальные способности, и, кроме того, природа щедро наделила его любопытством – тоже своего рода талант. Я всегда боялся, что его любопытство не приведет ни к чему хорошему.

– Сэр, а вот в коридоре, где картинная галерея, есть портрет какой-то Селены Сверк. Она тоже владела сверкающими чарами? – поинтересовался Чарли.

– Селена? Ах да, конечно. Это была выдающаяся дама, во всех отношениях. Она приходится нам тетушкой: мы – отпрыски ее родного брата, который был лишен особых способностей. А у самой Селены семьи так и не было. Она была слишком поглощена более интересными занятиями.

Чарли страстно хотелось выяснить, что такое сверкающее чародейство, но он сообразил, что сейчас не совсем подходящее время для таких вопросов. Впрочем, Оливия подобными сомнениями себя не затрудняла.

– А как это делается, сэр? – бойко спросила она. – Как вы устраиваете сверкающие чары?

– Ничего особенно интересного, – отмахнулся было мистер Краплак, но, увидев, как у слушателей разочарованно вытянулись лица, смиростивился. – Хорошо, сейчас покажу.

Он вытащил из кармана горстку камешков и, держа руки над столом, стал пересыпать их из ладони в ладонь. Слушатели придвинулись ближе и зачарованно уставились на его руки. И вдруг камешки засверкали! И не только засверкали – от них полыхнуло таким жаром, что у детей загорелись щеки, а пес, кролик, хомячки и загадочная птица в клетке забеспокоились и зашумели на разные голоса. Только крыса Босх, привычная к удивительному зрелищу, смирно сидела за пазухой у мистера Краплака.

Тот сжал кулак, и сверкание камешков погасло.

– Потр-р-рясающе! – вдруг проскрипела Эммина птица.

– Они могут быть опасны, – сказал мистер Краплак.

– А почему они вам руку не жгут, сэр? – спросил Чарли. – На вид-то камушки прямо раскаленные.

– Понятия не имею почему, но не жгут, – пожал плечами учитель, но суматоха привлекла внимание мистера Комшарра. Подойдя поближе к столу, он строго спросил:

– Кто тут беспокоит моих клиентов? Он имел в виду зверей и птиц.

Мистер Краплак уже открыл рот, чтобы честно во всем признаться, но хозяин «Зоокафе» вдруг что-то смекнул, приложил палец к губам и быстро сказал:

– Тс-с! Нет, ничего не говорите, сэр. Вы ведь один из *них*? – Подмигнув Чарли, мистер Комшарр поинтересовался у мальчика: – Ну как тебе Спринтер-Боб? По-моему, цветет и пахнет.

– Боб отлично выглядит, сэр! – подтвердил Чарли. – А с кошками он как уживается?

– Превосходно, мой мальчик. Они большие друзья. Кстати, Огнецы последнее время очень интересуются вашим учебным заведением. Это неспроста. У вас там что-то неладно?

Чарли заколебался, потом глянул на мистера Краплака и решился.

– Да, – тихо сказал он. – Более чем неладно.

После чего мистер Комшарр был вкратце посвящен в историю с мальчиком-невидимкой и девочкой Беллой Доннер.

– Чтоб меня! – пробормотал мистер Комшарр. – То-то я смотрю, коты к вам так и рвутся.

В эту самую минуту в кафе ввалилась шумная компания – два светловолосых веснушчатых паренька и при них четыре черных пса самого свирепого вида, с тупыми мордами и массивными туловищами. Хозяева собак, рыхлые и неспортивные, судя по всему, не очень-то много времени уделяли дрессуре своих питомцев и вообще, кажется, толком не умели с ними управляться.

– Ротвейлеры, – мрачно определил Габриэль. – Чарли, следи за Бобом. Они забияки, так в драку и лезут.

Мистер Комшарр поспешил на помощь швейцару, поскольку четверка ротвейлеров уже с порога начала весьма бурно подавать голос. Спринтер-Боб заволновался, и из-под стола донесся его знаменитый раскатистый рык: пес не отказался бы бросить вызов наглým пришлецам, но не решался.

Дети поспешно допили сок, и Чарли, крепко держа Боба за ошейник, отвел его в заднее помещение кафе, от греха подальше.

– До следующей субботы, и води себя прилично, – попрощался он с псом.

Но на пути к выходу из кафе дорогу Чарли преградили ротвейлеры. Теперь они не только рычали, но и щерили устрашающие зубы. Мальчик в нерешительности остановился.

– Извиняй, малец, – небрежно усмехнулся один из пареньков и без особой охоты оттащил псов в сторону.

Габриэль уже держал дверь нараспашку, и Чарли поспешно выскочил на улицу, едва не сбив с ног торчавшую у входа девчонку – Доркас Мор.

– Приветик, а ты что тут делаешь? – спросил он.

– Братьев жду, – отозвалась она.

– А своей зверушки у тебя нет? Или птицы?

– Терпеть их не могу, – сквозь зубы процедила Доркас.

Тут из кафе как раз вышел мистер Краплак, а за ним – Эмма с Оливией.

– Ах! – Доркас прижала руки к груди. – Надо же, и вы здесь, сэр! Учитель живописи поспешно улыбнулся:

– Здравствуй, Доркас.

Но та уже крутилась около Эмминой клетки с неизвестной птицей.

– Ой, какая птичка хорошенькая, черненькая! Как называется?

– Это говорящий скворец-майна, – ответила Эмма, встревоженно следя за действиями Доркас. – Слушай, не надо...

Но было слишком поздно – Доркас уже сунула палец сквозь прутья клетки.

– Утю-тюсеньки! – просюсюкала она.

– Бр-р-ред! – сердито крикнул скворец и клюнул нахалке палец.

Доркас завизжала так, что земля содрогнулась и у всех присутствующих уши заложило.

Один из ротвейлеровладельцев немедленно выскочил из «Зоокафе» и спросил:

– Дори, ты чего? Что стряслось?

– Мерзкая, гнусная, вонючая птица! – завопила Доркас, потрясая пальцем. – Она меня клюнула!

– Ты спятила – таскать с собой хищных птиц? – напустился парень на Эмму.

– Молодой человек, не глупите, – вступился за девочку мистер Крапак. – Уж кто бы говорил! Вы привели сюда четверых ротвейлеров, и, заметьте, без намордников, а они гораздо опаснее безобидного скворца.

Братец Доркас стиснул кулаки и двинулся было на мистера Крапака, но потом передумал и убрался в кафе, бросив:

– Не реви, сестренка, мы сейчас вернемся.

Сестренка уже и не думала реветь, но, когда Эмма попыталась извиниться за поведение скворца, никаких извинений и слушать не пожелала.

Остальные вежливо попрощались с Доркас, но она только показала им спину и осталась у входа в кафе, сердито посасывая пострадавший палец.

Отойдя от «Зоокафе» на безопасное расстояние, мистер Крапак заговорил:

– Ребятки, я вас очень прошу – не предпринимайте больше никаких попыток спасти Рики. Хватит вам рисковать.

– Но... – попытался возразить Чарли.

– Никаких «но». Затея слишком опасная, – серьезно сказал мистер Краплак. – Поверьте, я знаю, о чем говорю. Эмма и Чарли, я и так благодарен вам за помощь, но прошу вас на этом остановиться. Дальше уже мое дело. Договорились?

Пришлось согласиться, хотя очень не хотелось. Чарли тяжело вздохнул, Эмма вздохнула еще тяжелее, и мистер Краплак, помахав всем на прощание, свернул на ближайшем перекрестке по направлению к академии Блура. Эмма с Оливией двинулись в лавку Ингльдю, а Габриэль с Чарли прошли вместе до следующего перекрестка.

Прежде чем расстаться с Габриэлем, Чарли поделился мучившими его подозрениями:

– Тебе не показалось, что Доркас за нами шпионила? Она вообще в последнее время сильно изменилась, и, по-моему, к худшему. Я как тогда увидел ее дома у теток, при Белле, все думаю: она совсем не такая, как мы думали. А какая – не знаю.

– Похудела она здорово, – заметил Габриэль. – В прошлом году была просто пышка.

– Если бы только это! – Чарли фыркнул. Габриэль посерьезнел:

– Ты же прекрасно знаешь, она одна из нас, одаренных. Но что у нее за дар, неизвестно. Ее приняли на живопись, потому что она хорошо шьет и придумывает наряды. А насчет шпионства... Если кто за нами и следит, и раньше следил, так это Билли Гриф. Он спелся с Манфредом и стариком Иезекиилем, это уже всем понятно.

– Лишний шпион им никогда не помешает, – глубокомысленно изрек Чарли. – А Билли им теперь ни к чему, раз мы его вычислили. И потом, знаешь, жалко мне его: мало того что сирота, так еще все время торчит в этой замогильной академии, даже на каникулах. Представляешь, как ему худо, – у него вообще дома нет!

– Не представляю. – Габриэль зябко передернул плечами. – Ладно, до завтра, Чарли.

И он поспешил прочь, причем из всех карманов у него торчали хомячки, и еще один, самый отважный, ехал на плече и норовил забраться хозяину в ухо. Зрелище было такое потешное, что Чарли заулыбался. Но как только мысли его вернулись к Белле Доннер, мальчик опять помрачнел.

Глава 5

ЗАГАДКА БЕЛЛЫ

По выходным, когда большинство учеников разъезжались по домам и наслаждались уютом, лаской и теплом, беловолосый красноглазый очкарик Билли Гриф неприкаянно бродил по темному лабиринту академии. Больше никого из детей не было, – в самом деле, не считать же за ребенка Манфреда Блура, мрачного восемнадцатилетнего юнца, который предпочитал проводить время в западном крыле, вместе с отцом – директором школы – и прадедушкой, древним стариком Иезекииелем.

Иногда, если Билли доносил Манфреду что-нибудь интересное о Чарли Боне, он получал в награду шоколадку. А если выполнял указания мистера Иезекииля, то старик назначал ему ночную аудиенцию и угощал какао.

Сегодня Билли исполнилось восемь лет, но уже наступил вечер, а про день рождения так никто и не вспомнил. В прошлом году хоть кухарка пирог испекла. Семейство Блуров вообще не снисходило до поздравлений.

Круглый сирота, Билли узнал о том, когда именно он родился, лишь волей случая. Никто из людей с ним про день рождения не разговаривал, и все-таки дата была ему точно известна – благодаря животным, теткин псу и коту. Они-то ему все и объяснили.

Родители Билли умерли, когда мальчик был совсем еще крохой, и воспитывала его тетка, женщина добрая, но прятавшая свою доброту за строгостью. В тот день, когда Билли исполнилось два года, кто-то прислал по почте великолепный пирог, украшенный свечками, однако теткин пес слопал его и даже свечек не пожалел. Псу за это крепко влетело от хозяйки, а заодно и коту – для острастки.

Прошел год, и вот четвертого мая пес и кот пришли к трехлетнему Билли и стали требовать пирога. Но пирог так и не появился, и через год тоже, и еще через год – тоже. К этому времени Билли, стараясь, чтобы тетка его не слышала, уже всю беседовал с животными. В свой шестой день рождения он поинтересовался у тетки:

– А пирога мне сегодня дадут?

– Откуда ты узнал, что нынче твой день рождения? – насторожилась тетка.

– Пес и кот сказали.

Тетка даже рот открыла от удивления.

– Так ты что же, умеешь разговаривать с животными? – выдавила она наконец.

– Ну да, – спокойно ответил Билли, уверенный, что это кто угодно умеет. – Мы часто болтаем.

Тетка больше ничего не сказала насчет Биллиного таланта, но через неделю отправила его в академию Блура.

В этом темном, мрачном, пустынном здании мальчику все время было не по себе. К тому же заблудиться здесь было проще простого, что с Билли постоянно и происходило. Потом он начал подозревать, будто взрослые от него что-то скрывают и не сообщают, кто он на самом деле. Правда, кухарка была с Билли очень ласкова, и к тому же он мог сколько душе угодно разговаривать с ее питомцем Душкой – престарелым обрюзглым псом с лысым хвостом и кучей болячек. Красотой Душка не отличался, но мальчик полюбил его, потому что пес относился к нему внимательно и всегда готов был выслушать.

В прошлой четверти Билли поколотил Душку и теперь горько раскаивался в своем проступке: он тогда просто погорячился, потому что пес заартачился и ни в какую не хотел выдавать некую тайну, которая Билли была позарез нужна. А теперь Душка и видеть мальчика не желал, не то что разговаривать с ним. Оставалось общаться с мышами, или если попадались крысы, то с крысами. Но с мышами толковать – скука смертная, они заиклены на деторождении и пропитании. Вот крысы совсем другое дело, они умные, а у учителя живописи, мистера Краплака, была крыса Босх, обладавшая отменным чувством юмора.

Сегодня преподаватель с Босхом как раз отправился прогуляться, но куда именно, Билли пока не установил. Надеясь разжиться чем-нибудь вкусненьким, мальчик направился в западное крыло, навестить мистера Иезекииля – в его душную, жарко натопленную берлогу, забитую всякими непонятными кувшинчиками, колбочками, костями и банками с разной заспиртованной гадостью. Старик был чародеем – точнее, пытался таковым сделаться, но получалось у него плоховато.

Билли как раз поднимался по скрипучей лестнице, которая вела в обиталище Блуров, и тут воздух прорезал тонкий жалобный скулеж. Билли прыжком преодолел последние ступеньки и всмотрелся в полутьму длинного коридора, освещенного пригашенными газовыми рожками. В конце коридора находилась дверь в комнату старика Блура, и от нее навстречу Билли со всех коротких лап шлепал Душка, издавая отчаянный вой.

– Душка! – позвал его Билли на собачьем языке. – Ты чего? Что случилось?

– Хвост! Мой хвост! – простонал пес. – Хвост поранил!

Душка ткнулся в колени мальчику.

– Смотри! – проскулил он. – Видишь? Что там?

Вообще-то хвост у Душки и раньше был куцый и совершенно облезлый, но сейчас он превратился в жалкий розовый обрубок.

– Знаешь, от хвоста почти ничего не осталось, – осторожно сказал Билли. – А что случилось-то?

– Змея! – пожаловался Душка. – Голубая змея. Душка ее укусил. Мистер Зак сказал – нельзя. Змея схватила Душку за хвост. Душка удрал.

– Похоже, эта змея оторвала тебе хвост, – всмотрелся Билли.

– Нет! – взвыл Душка. – Хвост тут. Раздавлен. Болит – ужас.

– Честное слово, нету хвоста! Я его не вижу.

– Врешь! – обиделся пес – Кухарке скажу.

Перспектива повстречаться в комнате у мистера Иезекииля с какой-то жуткой голубой змеей Билли не привлекала, и он решил отложить визит. Лучше сходить к кухарке.

Наверно, это был самый неудачный из всех дней рождения Билли. И самый страшный. Навестить кухарку ему тоже не удалось – он даже не добрался до кухни. Очутившись на лестничной площадке над главным холлом, мальчик вдруг увидел новенькую, Беллу, – она беззвучно выскользнула из двери в музыкальную башню и преградила дорогу мистеру Краплаку, который как раз вышел из раздевалки художников.

Некоторое время девочка и учитель молча смотрели друг на друга.

Потом Белла заговорила:

– Что ж, добрый вечер, Сэмюэль Сверк. Учитель недоуменно спросил:

– А ты... вы кто?

– В угадку играть не будем, – с трескучим смешком сказала Белла. Голос у нее был старческий, надтреснутый.

– Иоланда! – прошептал мистер Крапак. Можно было подумать, что он даже имени этого и то боится.

– Она самая! – прошипела Белла. Она резко раскинула руки, и то, что только что было фигурой маленькой хорошенькой девочки, окуталось серым туманом, а может, дымом и пропало в его крутящемся вихре.

– Видишь – не видишь, видишь – не видишь, – дребезжащим голосом приговаривала она. – Была – и как не бывало.

– Лучше бы мне и впрямь вас не видеть, – пробормотал учитель живописи.

– Бедняга Сэмюель! Самонадеянный Сэмюель! Ты возомнил, будто сможешь спасти своего дорогого братика? И не надейся, тебе это уже не удастся, – доносилось из дымного вихря.

Белла постепенно изменялась, и сквозь серую пелену проступало ее новое обличье. Из светлых кудряшек проросли седые космы, кукольное личико вытянулось, стало костлявым и морщинистым. Она делалась все выше и выше и вот уже превратилась в высокую каргу с пергаментной кожей и крючковатым носом.

Билли и рад был бы отвернуться или хотя бы зажмуриться, но у него не получалось. Вцепившись в дубовые перила, мальчик опустился на пол, съежился и затаился.

Мистер Крапак, неподвижно наблюдавший превращение, шагнул к старухе и протянул перед собой руку. На его раскрытой ладони лежала горстка камешков. И вдруг она начала светиться, все ярче и ярче, пока от камешков не полетели раскаленные докрасна искры.

Билли охнул и от потрясения чуть не уронил очки, но, к счастью, те двое внизу, в огромном пустом холле, были слишком поглощены друг другом и ничего не заметили.

– Подобные фокусы тебе не помогут, юноша, – высокомерно заявила старуха по имени Иоланда. – Рики был противным мальчишкой, всюду совал свой нос и получил по заслугам. А теперь твой черед расплачиваться.

– Еще посмотрим! – звонко воскликнул мистер Крапак и с размаху швырнул в старуху пригоршню раскаленных сверкающих

камешков.

Ее седые волосы и серое платье затлели, Иоланда взвизгнула, а потом вдруг медленно и раздельно произнесла:

– Все, ты своего добился! Пронзительные глаза старухи впились в учителя, не отпуская его ни на секунду. Мистер Краплак сделал шаг вперед и пошатнулся. Еще шаг – и он остановился. Лицо его побелело, глаза стали пустыми и растерянными. Он отчаянно шарил по карманам, но сверкающие камешки, видимо, кончились, а руку вытащить мистер Краплак почему-то не мог. И двинуться с места тоже не мог. Кажется, он и дышал еле-еле, через силу.

– Это тебе наука, – назидательно сказала старуха. Пригладив волосы и отряхнув платье, она проследовала в музыкальную башню.

Мистер Краплак застыл посреди бескрайнего холла как статуя.

Внезапно раздался громкий писк; крупная крыса, выкарабкавшись у него из-за пазухи, спрыгнула на пол и торопливо засеменила прочь от хозяина – вверх по лестнице и напрямик к Билли.

– На помощь! – пищала крыса. – На помощь!

У ног Билли крыса замерла, подняла на него глазки-бусинки и умоляюще задергала носом.

– Билли! Помогите Босху! И хозяину! С хозяином плохо!

Билли осторожно поднял крысу и пристроил ее в карман.

– Я попробую, – дрожащим голосом пообещал он и стал спускаться в холл.

Учитель живописи даже не шелохнулся. Таинственные камешки разлетелись по полу, пришлось между ними лавировать. Правда, свечение их уже гасло и они стали похожи на остывающие угли.

Похоже, мистер Краплак Билли даже не видел. Беловолосый мальчик робко подобрался поближе и подергал учителя за рукав.

– Мистер Краплак, возьмите свою крысу. – Билли протянул ему Босха.

– Что? – Мистер Краплак недоуменно уставился на Босха. – Это еще что?

– Ваша крыса, сэр.

– Но... у меня отродясь не было никакой крысы.

Босх потрясенно пискнул.

– Сэр, она правда ваша, – настаивал Билли. – Вы сами ее называли Босхом.

Мистер Краплак пошевелился, но все равно был сам не свой: не взглянув больше на своего питомца, он развернулся и пошел к выходу из академии.

– Убери ее куда-нибудь! – крикнул он, не оборачиваясь. – Выбрось эту гадость в помойку!

Если бы крысы умели падать в обморок, Босх бы сейчас рухнул без чувств кверху лапками. Во всяком случае, бедняга обмяк и стал как тряпичный. Билли бережно сунул его себе под свитер и помчался обратно в спальню.

– Погас. Все. Конец, – неразборчиво пробормотала несчастная крыса, когда Билли выпустил ее на свою койку.

– Кто погас? Кому конец? – не понял мальчик. – Ты про мистера Краплака?

– Как мертвый, – вздохнул Босх. – В нем свет погас.

До Билли начало доходить, что имеет в виду крыса.

– В смысле, он лишился души? Своего настоящего «я»?

Босх в ответ только дернул кончиком носа и понурился.

Билли и сам чувствовал себя прескверно: после увиденного его била крупная дрожь. Белла оказалась вовсе не девочкой, а древней-предревней старухой! И мало того что старухой, умеющей менять обличье, так еще и злой колдуньей! Вон она какой ужас сотворила с мистером Краплаком! Похоже, она гипнотизерша, как Манфред Блур.

– Два дара сразу, – прошептал Билли себе под нос, растянулся на койке и закрыл глаза. Жаль, что нельзя поехать домой и с кем-нибудь поговорить по душам, потому что у него, Билли, и дома-то никакого нет. Мистер Иезекииль наобещал что-то насчет усыновления и новых добрых родителей, но выполнять свое обещание явно не спешил.

– Кухарке скажи, – тоненько посоветовал крысиный голосок.

Босх сидел на груди у Билли и смотрел ему в глаза.

– Скажи кухарке, – повторила крыса. – Она много чего знает.

Стоило Босху помянуть кухарку, как Билли вдруг ощутил, что страшно проголодался. Он мигом скатился с койки и, прихватив с собой крысу, выскользнул из спальни.

Дорога в кухню вела через холл, и, к удивлению Билли, здесь уже горел свет, а пылающие камешки исчезли. Трудно было поверить, что какой-нибудь час назад тут летали искры и шел магический поединок. Билли заторопился в сторону столовой и кухни, но благополучно

миновать комнату старост ему не удалось. На пороге возник Манфред Блур.

– Ах вот ты где, Билли, – сказал он. – Почему это ты такой взъерошенный? Что-нибудь случилось?

Билли замешкался, сообразив, что видеть превращение куколки Беллы в старуху Иоланду ему никоим образом не полагалось.

– Н-н-ничего, М-м-манфред.

– И ты ничего не хочешь мне рассказать?

Билли, возможно, и не отказался бы поговорить о Белле и мистере Краплаке, но тогда бы пришлось непременно упомянуть Босха. А мальчику страстно хотелось оставить крысу себе.

– Ничего, – помотал белой головой Билли.

– Совсем-совсем? И никаких новостей про Чарли Бона ты мне тоже не припас?

Черные глаза Манфреда зловеще сверкнули. Все в академии знали, что этот нехороший блеск означает опасность гипнотических чар. Но Билли гипноз не брал. Маленький альбинос обнаружил эту странность, еще когда только поступил в академию, – он попался Манфреду под горячую руку, и тот попытался попробовать на малыше свои способности, но тщетно. Отчего так получилось (то есть не получилось), Билли не знал, но подозревал, что гипнозоустойчивости обязан своим необычным красным глазам.

– Никаких новостей, – повторил он. Манфред разочарованно скривил длинное кислое лицо, потом оживился:

– А что это у тебя под свитером такое бугрится?

– Перчатки, – нашелся Билли. – Руки мерзнут.

– Бр-р-р! – противным голосом передразнил его Манфред.

– У меня вообще-то сегодня день рождения, – отважился Билли.

– Ничем не могу помочь, – бросил Манфред. – Подарков ты от меня не дождешься. Впрочем, если подумаешь как следует и вспомнишь какие-нибудь новости, то, возможно, у меня и найдется для тебя шоколадка.

Шоколад Билли любил до беспамятства. И сегодня в самом деле был день его рождения. Нужно было просто рассказать Манфреду обо всем увиденном и... отдать крысу. Но что учинит Манфред с беднягой Босхом? Страшно подумать. Билли вздрогнул, потом сделал жалобное лицо и сказал:

– Честное слово, день был – жуткая скучища.

– Ты просто безнадежен, – ядовито ответил Манфред. – Сам-то понимаешь, какая ты бестолочь?

– Извини, Манфред. – И Билли поспешил прочь.

– Ах, простите-извините, но на ваш праздник мы не придем! – глумливо крикнул староста ему вслед.

– Еще издевается... – пробормотал Билли, унося ноги.

Коридор с портретами... три столовые – для музыкантов, для актеров и для художников... ступеньки вниз, коридор, еще коридор – под землю, в главную столовую.

Очутившись в подземном зале, Билли обнаружил, что кто-то все-таки не забыл о его дне рождения. На столе музыкального отделения красовался пирог с восемью горящими свечками, и на нем глазурью было выписано имя Билли.

От неожиданности мальчик ахнул и плюхнулся на скамью, зачарованно глядя на пирог. Осмелевший Босх высунулся из-под свитера и тоже ахнул:

– Ничего себе! Пирог! Свечки! – (Для любой уважающей себя крысы свечки ничуть не хуже пирога.)

Из темноты выплыла кухарка и дрожащим от наплыва чувств голосом запела:

– С днем рожденья тебя!

– Ой, спасибо огромное! – Билли благоговейно задул свечки, загадал желание и отрезал себе большой ломоть пирога.

– Угощайся, угощайся. О, да ты и гостя привел! – Кухарка заметила Босха. – Где ты его взял?

Билли поднял глаза на ее участливое раскрасневшееся лицо и, неожиданно для себя, выложил все: и про Душкин пострадавший хвост, и про окаменевшего мистера Краплака с его погасшими искрами, и про ужасную Беллу, которая оказалась не менее ужасной Иоландой.

Кухарка задумчиво вытерла лицо краешком белоснежного фартука и присела рядом с Билли. Вид у нее был встревоженный, но, казалось, рассказ не слишком ее удивил.

– Значит, это все-таки *она*, – пробормотала кухарка. – То-то мне казалось, что с этой девчушкой что-то не так. Но как Сэм Сверх решил проникнуть в академию?

– Хотел найти младшего брата, – объяснил Билли.

– Рики? Так Рики все еще здесь? – Вот теперь кухарка удивилась.

– Да, то есть старуха сказала, что он тут. И еще сказала – никому его нипочем не найти.

– Силы небесные! Куда же заперли этого бедолагу? А я-то все беспокоилась, что случилось с Рики. Знать бы, где он... и сыт ли...

– Думаете, его голодом морят? – испугался Билли.

– Надеюсь, нет. – Кухарка обеспокоенно качала головой. – Ах, ну что же это такое творится! И что же нам делать?

Поднявшись, она разгладила фартук и потрепала Билли по голове:

– Угощайся, и гостя угости, только мой тебе совет: оставь пирога на потом. Я уберу его в холодильник, тебе еще и на следующие выходные хватит.

Она уже собиралась удалиться, но Билли окликнул ее:

– Подождите, пожалуйста! Кухарка обернулась.

– Я знаю, все считают меня шпионом и ябедой, – проговорил Билли, – но Манфреду и мистеру Иезекиилю я про то, что видел, ни словечка не скажу. Честно.

Кухарка вздохнула:

– Боюсь, они и так уже знают. А насчет ябед... лично я тебя не виню, Билли. В один прекрасный день у тебя обязательно будут новые мама и папа. И если этим не займутся Блуры, то я возьму дело в свои руки. Извини, я побегу, надо найти Душку и посмотреть, что там у него с хвостом. – Она устремилась прочь.

В узком коридоре, увешанном портретами, по ногам кухарки пробежал сквозняк. Значит, главные двери стоят нараспашку!

Кухарка прибавила шагу и выбежала в холл очень вовремя: садовник и привратник Уидон как раз выпустил из академии какую-то высокую фигуру и захлопнул двери.

– Могу я узнать, кто это был? – быстро спросила кухарка.

– Вам-то какое дело? – грубо бросил Уидон. Кухарка расправила плечи и ледяным тоном сказала:

– Я задала вам вежливый вопрос и имею право рассчитывать на вежливый ответ. Как минимум.

– Какие мы важные! – насмешливо процедил он.

– Вы ответите на мой вопрос или нет? – так же холодно спросила кухарка.

– И не подумаю. – Уидон с грохотом задвинул засов и был таков.

Кухарка мгновенно поняла, что в ловушку, расставленную Блурами и их прихвостнями, угодила еще одна жертва. Выслушав рассказ Билли, она почти наверняка знала, кому не повезло на этот раз.

И не ошиблась.

Мистер Краплак, с чемоданчиком в руке, пересек внутренний двор, затем прошел под аркой, соединявшей две башни академии, и по широкой лестнице спустился на пустынную мощеную площадь. Его взгляд приковали блестящие струи воды, которые изливались из клювов лебедей, украшавших фонтан. В последних лучах заходящего солнца брызги так и сверкали золотом, и это что-то напоминало...

Учитель живописи нахмурился, пытаясь вспомнить, зачем и почему он тут оказался и, кстати, кто он такой.

Но мысли ворочались туго. От раздумий его отвлек автомобильный рожок. Черная машина, отрывисто сигнала, ехала к нему через площадь, а седая дама за рулем махала рукой.

– Вас подвезти? – спросила она, распахнув дверцу.

– Меня? – Мистер Краплак задумался. – Да я, собственно, не знаю, куда ехать.

– Зато я знаю, – усмехнулась дама. – Ведь я – ясновидящая. Садитесь, Сэмюель.

– Может быть...

– Не может. И поторопитесь. Времени у нас в обрез. – Дама рассыпалась холодным смешком. – Кстати, будем знакомы – Юстасия Юбим, к вашим услугам.

Мистер Краплак с усилием потер лоб. Куда ему идти? Он покорно сел в машину. Дальше полагалось что-то сделать, только вот что? Он пошарил вокруг себя, чтобы пристегнуться.

– Бросьте это! – Юстасия пронзительно рассмеялась, и черный автомобиль с ревом помчался прочь от академии Блура.

На первой же переменке в понедельник, вешая свои синие плащи на крючок в музыкальной раздевалке, Чарли с Фиделио заметили, что под свитером у Билли Грифа что-то бугрится. И не только бугрится, но и копошится. Чарли, конечно, не преминул поинтересоваться:

– Что это там шевелится?

– Ничего. – Билли заелозил.

– Да будет тебе, Билли, твое «ничего» пищит. И ерзает, – вмешался Фиделио.

Билли, наверно, и дальше бы отрицал и упирался, но из-за воротника свитера показалась острая крысиная мордочка.

– Так это ж Босх! – узнал крысу Чарли. – Откуда он у тебя?

Билли на всякий случай отодвинулся, потом проямлил:

– Мистер Краплак мне его отдал... и просил за ним приглядеть.

– Врешь ты все, – уверенно отозвался Чарли.

Билли со всех ног рванул прочь, к выходу в сад, и друзьям ничего не оставалось, как погнаться за ним.

– Билли, да перестань ты! – взывал на бегу Чарли. – Мы же тебя ни в чем не виним! Он же и раньше все время сбегал!

Но Билли не останавливался и вскоре затерялся в толпе учеников; через секунду из той же толпы вынырнули две девочки и кинулись к Чарли с Фиделио.

– Несчастье! – крикнула запыхавшаяся Эмма.

– Что стряслось? – хором спросили мальчики.

– Мистер Краплак ушел из школы, – объяснила Оливия, пока Эмма ловила ртом воздух.

– Быть того не может, – не поверил Чарли. – Взял и ушел? Ты что! Он бы нас предупредил!

Эмма немножко отдышалась и продолжала:

– Вот именно. А раз не предупредил, значит, с ним что-то случилось, какая-то беда. Я чувствую. И еще готова ручаться – вон та парочка во всем виновата. – Девочка показала глазами на Доркас и Беллу, которые сидели на травке и, по обыкновению, шушукались.

Поскольку Фиделио на последней сходке в «Зоокафе» не было, Чарли пришлось ввести его в курс последних событий – разумеется, на ходу, чтобы не привлекать постороннего внимания. Вскоре к ним присоединился Габриэль, который сообщил:

– Слушайте, я только что видел Билли, он кормит корочками крысу – ну один к одному крыса мистера Краплака. Это что, и вправду Босх?

– Вправду, – кивнул Чарли. – Он самый и есть. Говорят, мистер Краплак ушел из школы, но, по-моему, с ним что-то стряслось.

– Не без ее участия? – Габриэль незаметно кивнул на хорошенькую розовощекую Беллу, которая старательно расчесывала

свои ангельские кудряшки.

Оливия резко остановилась.

– Если эта девчонка умеет менять обличье, то поди пойми, где она, а где нет. Она же может прикинуться кем угодно.

– И чем угодно, – мрачно добавил Фиделио. Представив себе масштаб опасности, все примолкли.

В следующий раз поговорить с Билли у Чарли получилось только после ужина, когда он нагнал очкарика по дороге в Королевскую комнату; Билли, как и Чарли, спешил готовить уроки и тащил стопку учебников.

– А Босх при тебе? – поинтересовался Чарли.

– Нет, я его посадил в тумбочку около своей койки, – тихонько отозвался Билли.

– Знаешь, лучше подыскать ему другое место, – предложил Чарли. – Иначе надзирательница услышит, как он скребется. Представляешь, что она устроит, если обнаружит в спальне крысу?

Билли представил и вздрогнул.

– Босх такой славный, совсем ручной! И разговаривать с ним интересно, он мне уже кучу всего рассказал.

– А почему мистер Краплак ушел из школы, он не знает?

Красные глаза Билли настороженно блеснули за толстыми стеклами, но сказать он ничего не сказал – только плечами пожал.

Это было подозрительно и здорово походило на вранье. Ведь Билли был в школе все выходные! Может, он видел, что случилось с мистером Краплаком?

– Билли, ты что-то знаешь? – спросил Чарли.

К несчастью, мальчики уже стояли у черной двери в Королевскую комнату, и Билли, сделав вид, что пропустил вопрос мимо ушей, влетел внутрь. Он так спешил, что рассыпал все учебники.

– А ну прекрати гонку, Гриф! – рявкнул на него Манфред. – Чего разогнался?

Белла, сидевшая между Азой и Доркас, одарила Билли покровительственной улыбкой.

– Не обижай его, Манфред, маленьких обижать нехорошо, – звонко сказала она.

Манфред удивленно изогнул бровь.

Чарли решил помочь Билли собрать учебники и только тут заметил, что руки у малыша трясутся. Чего он так напугался, спрашивается?

Наконец порядок был восстановлен и все одаренные разместились за общим круглым столом. Надо сказать, раньше они рассаживались как попало, но теперь все переменялось и дети разделились на две группы, державшиеся друг напротив друга. По одну сторону теперь неизменно устраивались Манфред, Зелда, Белла и Доркас, а по другую – Лизандр, Танкред, Габриэль, Эмма и Чарли. Получалось поровну – четыре на четыре. Девятым был Билли.

– Подсаживайся! – Чарли приглашающе похлопал по соседнему стулу.

Билли с трудом выдавил благодарную улыбку и разложил учебники рядом с Чарли. Так они и просидели весь вечер, и по дороге в спальню Чарли тоже постарался не оставлять Билли одного. Их нагнал Габриэль: любитель всякой живности и знаток грызунов жаждал знать, какова дальнейшая участь Босха. Узнав, что крыса томится в тумбочном заточении, Габриэль решительно сказал:

– Так дело не пойдет, ему это вредно. Лучше перевести Босха в мастерскую – там же есть клетка, в которой его держал мистер Крапак. Клетка просторная, то, что надо.

– А я смогу его навещать? – Лицо у Билли сделалось такое, точно он вот-вот заплачет. – Я же не на живописи, вдруг меня не пустят?

– Да сможешь, конечно, – утешил его Габриэль. – Эмма же каждую свободную минуту проводит в мастерской, вот и договорись с ней.

– Ура! – И Билли умчался.

Когда Чарли с Габриэлем вошли в спальню, беловолосый очкарик уже ждал их, спрятав крысу под плащ.

Мастерская художников находилась на том же этаже, что и спальни мальчиков. Она представляла собой просторное помещение с высоким потолком; большие окна выходили на руины. По мастерской разбрелось целое стадо мольбертов, а к стенам были прислонены начатые холсты и заготовленные подрамники. Клетка Босха хранилась в углу, за шкафом с рисовальными принадлежностями.

В мастерской и впрямь не было ни души, кроме Эммы, работавшей над картиной, которая изображала большую белую птицу,

летающую лесной чащей. Оторвавшись от полотна, Эмма показала мальчикам нижнюю полку шкафа, где лежал порядочный запас крысиного корма. Билли пересадил Босха в клетку, а Эмма насыпала крысе зерна, налила в плошку воды и закрыла защелку.

– Я все думаю про мистера К., – вздохнула она. – Мне... нам всем так его не хватает. Он ведь всегда принимал нашу сторону.

И вдруг по бледным щекам Билли покатались слезы.

– Ужас, ужас, – всхлипнул он. – Я все видел.

– Что ты видел? – вскинулся Чарли.

Билли вытер рукавом нос и дрожащим голосом, прерывисто вздыхая, рассказал о том, в какой кошмар превратился его восьмой день рождения: про Душкин бедный хвост, про страшную каргу, возникшую на месте Беллы, про летающие огненные камешки и, главное, про то, как мистер Краплак, сам не свой, ушел из академии.

– Он даже Босха не узнавал! – прохлюпал Билли, дыша на затуманенные очки. – Вообще, по-моему, забыл все на свете, и даже свое имя, по-моему, забыл.

– Ясное дело, гипноз, – одними губами произнес Чарли.

Остальные в ужасе переводили глаза с него на Билли. Потом Эмма испуганно спросила:

– Неужели Белла столько всего умеет? Как же нам теперь помочь Рики?

– А вы что, выяснили, где он? – Билли даже рыдать перестал.

Чарли в замешательстве молчал. Сказать или не сказать? Билли, конечно, жалко, кто бы спорил: и самый маленький, и сирота, и альбинос к тому же, – но ябедничал-то Манфреду именно он, верно? Значит, доверять ему полностью пока еще рановато, пусть сначала докажет, что он на нашей стороне. Чарли оглядел друзей и понял, что они пришли к такому же выводу.

– Где именно – пока не знаем, – тщательно подбирая слова, ответил Габриэль. – И вообще, давайте-ка по койкам, а то надзирательница вот-вот выйдет на охоту.

– А можно, я еще минутку с Босхом поговорю? – взмолился Билли.

– Ладно, только дверь потом за собой прикрой, – разрешила Эмма, и Билли остался наедине с крысой, а остальные разошлись под звуки оживленного попискивания.

Маленький альбинос заболтался с новым знакомым и потерял счет времени: когда он пожелал крысе спокойной ночи, по коридору уже успел разнестись клич надзирательницы: «Отбой! Тушу свет!»

Билли спохватился и выскочил в темный коридор, придерживая сползавшие с носа очки и спотыкаясь.

– Где это ты гулял, Гриф? Дорогу Билли преградил Манфред. Лгать мальчик боялся, поэтому решил сказать правду. Но не всю.

– Я ходил кормить крысу мистера Краплака, – выдавил он. – Нашел ее в коридоре.

– Что-то ты темнишь, Билли, – негромким голосом, не обещающим ничего хорошего, усомнился Манфред. – И недоговариваешь.

– Да правда же! Нашел в коридоре! – отчаянно пискнул Билли.

– Хочешь, я тебе скажу, что с тобой было на самом деле? Ты кое-что видел. Кое-что, не предназначенное для твоих красных глазок. И крысу эту ты спас ровно в тот час, когда с нашим незабвенным ушедшим преподавателем случилась маленькая неприятность. Я прав?

– Нет!

Манфред навис над съежившимся Билли:

– Ну так что ты видел?

– Ничего! – Билли на всякий случай отвел глаза.

– Ложь. Наглая ложь. Ты видел, что произошло с мистером Краплаком, и все выболтал Чарли Бону. Верно?

«Если сознаюсь, Чарли попадет в беду», – лихорадочно сообразил Билли и дерзко ответил:

– Ничего я не видел и Чарли Бону ничего не говорил! Вот!

Манфред раздраженно выдохнул сквозь стиснутые от злости зубы – получилось какое-то змеиное шипение.

– Может, ты питаешь надежду на то, что четверть кончится и моей ноги в академии больше не будет? А?

Билли такая мысль и в голову не приходила. Он помотал головой.

– Все старшеклассники сдадут весенний экзамен и уйдут. А поскольку мне предстоит экзамен, то сейчас у меня дел по горло. Но не надейся, я вместе со всеми выпускниками не уйду. Я останусь и буду за тобой следить. Следить очень внимательно, Билли.

– Ясно, – сник Билли.

— Поэтому пока что подумай хорошенько, Билли, подумай и реши, с кем ты — с нами или против нас. А то не видать тебе новых папу-маму. И не мечтай.

Глава 6

СКВОРЕЦ

Билли сидел на краешке койки, и, хотя все прочие мальчишки уже спали, у него сна не было ни в одном глазу. И немудрено: попробуй усни после такого разговора с Манфредом! Но и это еще не все: до того как староста устроил Билли допрос, мальчик успел еще побеседовать с крысой Босхом, и тот поведал мальчику такое...

Обрадовавшись, что теперь у него есть с кем поболтать, крыса рассказала о некоем доме, который весь искрился и сверкал радостью, светом, счастьем и смехом. Да, когда-то в этом доме жило счастливое семейство, которое читало книги, любовалось картинами и наслаждалось музыкой. И был в том семействе мальчик Рики, замечательный флейтист. Родня надеялась, что со временем у него разовьется и другой талант, которым владели его отец и старший брат, под умелыми пальцами которых камни начинали сверкать, искриться и гореть. Но потом Рики отправили в школу, и больше он домой так и не вернулся.

Вот что рассказала крыса по имени Босх.

Билли прекрасно помнил Рики Сверка: тот учился на музыкальном отделении, а по выходным гостил у приятеля. И любопытный же он был! Все время совал свой длинный нос куда не надо, вот и поплатился за неумеренную любознательность.

Однако крыса утверждала, что Рики так и остался в стенах академии Блура: она, дескать, почуяла присутствие пленника где-то на бескрайних просторах многочисленных чердаков. А вот увидеть она Рики не увидела, только палец на ноге, потому что любопытный мальчишка стал невидимкой. Еще крыса сказала, что на чердаке обитает огромнейшая змея, ужасное создание с лазурной чешуей – такое древнее, что просто в голове не укладывается.

– Голова-то у крысы маленькая... – пробормотал себе под нос Билли.

– Ты чего сам с собой разговариваешь? Чарли Бон подошел к Билли так беззвучно, что от неожиданности тот чуть не упал с койки.

– Я все про Босха думаю, – шепотом отозвался Билли. – Он мне столько всего нарасказал – я прямо обалдел.

– Хочешь погостить у меня в выходные? – предложил Чарли. – И крысу возьмешь.

– Правда? Спасибо большущее! – обрадовался Билли.

Чарли на цыпочках вернулся на свое место, а Билли юркнул под одеяло и уснул сладким сном.

Учебный год катился к концу, и Чарли с каждым днем становилось все яснее, что вся академия поголовно охвачена театральной лихорадкой. По крайней мере, среди его друзей в грядущем спектакле были заняты многие. Оливия каждую переменку бродила кругами по саду и зубрила роль, а Эмма время от времени подбегала к ней со все новыми страницами, отпечатанными Манфредом, который то и дело вносил в текст какие-то изменения. А Фиделио целыми днями пропадал в музыкальном классе и разучивал музыку к спектаклю. В общем, выходило так, что на переменках Чарли теперь общался в основном с Габриэлем Муаром и Билли. Постепенно Чарли понял, что очкарик знает про мальчика-невидимку столько же, сколько и все посвященные в тайну. Но, судя по всему, Манфреду он ябедничать не торопился. Это что же получается – Билли теперь можно верить? Чарли колебался, а Билли в один прекрасный день вызвался отправиться на поиски невидимки.

– По ночам я навещаю мистера Иезекииля, – объяснил он. – Так что мне разрешается гулять ночью по академии. Если надзирательница на меня и наткнется, она не удивится.

– Не нравится мне твоя затея, Билли, – напрямик сказал Чарли. – Тетка Л у... надзирательница тебе может такой нагоняй задать – мало не покажется.

– И потом, крыса же тебе сказала, что по академии ползает удав, – добавил Габриэль. – Хватит с нас одного невидимки.

– А ведь это удав лишил Душку хвоста, – задумчиво сказал Билли. – Крыса говорит, удав такой древний, что просто в голове не укладывается.

– Крысы во времени плохо разбираются, – со знанием дела сказал Габриэль, счастливый обладатель несметного множества хомячков.

Переменка уже подходила к концу, но в дверях академии Чарли перехватили Оливия и Эмма.

– Есть разговор, – сказала Эмма.

Чарли послушно остановился, а Билли с Габриэлем скрылись в толпе, торопливо вливавшейся в холл.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Чарли, топчась на месте. – Говори скорее, а то я на духовые опоздаю.

– Нынче ночью я отправляюсь на поиски Рики, – приглушенно сказала Эмма. – Хочу найти ту комнату, где мы его видели. И мне надо разведать все в одиночку.

– То есть ты что – лететь собираешься? Эмма кивнула:

– Я осмотрю все чердачные окна снаружи, так гораздо удобнее. Если какое-нибудь будет открыто, проберусь внутрь. А вытащить Рики оттуда, наверно, пока не получится. Но надо обязательно дать ему знать, что мы про него не забыли.

– Так ведь ночью темень будет! – удивился Чарли. – Как же ты сориентируешься?

– Лето скоро, светает теперь рано, – уверенно сказала Оливия. – По-моему, идея что надо. Только надо обязательно оставить на нашем этаже окно открытым, а то как же Эмма вернется? Чарли, можешь взять это на себя, а? Понимаешь, я сплю рядом с Беллой, она как пить дать захлопнет окно в спальне, если даже я его отворю. Она ж глаз с меня не спускает, ну прямо коршун. – Оливия покосилась на Эмму и поспешно поправилась: – Ничего не имею против коршунов. Ну хорошо, хорошо, она меня стережет, как кот мышиную норку.

Чарли не сдержал улыбки, но улыбался он недолго: до заговорщиков долетел властный окрик Азы Пика.

– Эй, что вы там застряли? К месту приросли? Приведите себя в порядок и марш на уроки!

Все трое поспешно разбежались по своим раздевалкам. Чарли каким-то чудом удалось не опоздать на урок – он ворвался в класс за секунду до того, как на пороге, ворча, возник мистер Палтри, раздраженный дополнительной нагрузкой, которую на него навалили из-за спектакля.

– Но ты, Бон, можешь не переживать, – ядовито напустился на Чарли педагог. – Тебя все эти волнения не касаются. Тебе, милый мой, до среднего уровня школьного оркестра – как до неба. – После чего он прибавил вполголоса: – А то и дальше.

Чарли приглушенно фыркнул. Больно надо ему осваивать эту разнесчастную трубу. И без того дел по горло!

Перед ужином он подловил Габриэля и Фиделио на выходе с репетиции и рассказал про затею Эммы. Мальчишки дружно вызвались помочь.

– Можно открыть хоть все окна, – предложил Фиделио.

– Не пойдет, – возразил Чарли. – Незачем себя выдавать. Надзирательница и ее команда в любом случае перед сном делают обход и запирают все окна. Вы вот что, просто прикройте меня, когда я ночью улизну из спальни. Ну, в случае чего скажете, мол, у Чарли живот разболелся. Этого хватит.

– Надзирательница ни одному моему слову не верит, – предупредил Габриэль. – Но мы постараемся.

И вот Чарли в который раз дождался полночного боя часов на Соборной площади, и, как всегда, при этих звуках по спине у него от волнения пробежала дрожь. Бом, бом, бом – гудели часы. Восемь лет назад под этот звон Манфред Блур погрузил отца Чарли, Лайелла Бона, в глубокий гипнотический транс, заставив забыть все на свете, включая собственное имя. Правда, Манфред тогда был совсем маленький, но талант у него и восемь лет назад был большой. Позже автомобиль Лайелла, искореженный и разбитый, был обнаружен за городом, на дне карьера, и все решили, что отец Чарли погиб, – все, кроме его сына. Чарли твердо знал, что папа жив. Бабушка Бон уничтожила все папины фотографии, так что Чарли даже толком не знал, как он выглядел, но он упорно верил, что в один прекрасный день отыщет отца с помощью своего удивительного дара и сразу же узнает его и разрушит злые чары. Ну а пока он, Чарли, сделает все, чтобы коварные Блуры, которые считают всех на свете своими марионетками, не покалечили еще чью-нибудь жизнь.

Когда полночный бой часов стих, Чарли крадучись вышел за дверь. В коридоре было не видать ни зги, но, придерживаясь за стенку, ему удалось благополучно преодолеть расстояние до лестницы, которая вела к спальням девочек. Чарли ступал на цыпочках, но старые рассохшиеся половицы все равно то и дело предательски потрескивали. Добравшись до коридора этажом выше, Чарли облегченно вздохнул, заметил окошко, сквозь которое сочился слабый свет с улицы, и открыл его настежь. Размер подходящий, как

раз для маленькой птички. Мальчик уже направился обратно к лестнице, но тут из темноты выплыла какая-то смутная фигура, и он замер как вкопанный. Кто-то его подкараулил!

– И что это ты делаешь?

Вот уж на кого Чарли меньше всего хотелось сейчас наткнуться, так это на Беллу.

– Я?.. – Он замешкался. – Никак не мог заснуть, вот и решил прогуляться.

– На нашем этаже? Под дверью у девочек? – Белла шла прямо на него, и Чарли уже различал, как поблескивают в темноте ее невозможные глаза. Ему даже показалось, будто он видит, как они меняют цвет с каждым шагом Беллы.

– Ой, и правда. А я и не заметил, как сюда забрел, – соврал Чарли.

– Ай-ай-ай. И не заметил, как открыл окно. То-то в спальне лютая стужа, – язвительно сказала Белла, захлопывая окно и тщательно запирая шпингалет. – Шел бы ты спать, пока тебя надзирательница не застучала.

– Ага. Пойду.

Делать нечего, подумал Чарли и *поплелся* к лестнице. Оглянувшись, он убедился, что Белла так и стоит у запертого окна. Тьфу ты! Придется искать другое, и чем дальше от нее, тем лучше. Через мгновение Чарли озарило: а не попробовать ли мастерскую художников?

Вдохновленный этой идеей, он двинулся в обратный путь, но спускаться по лестнице в непроглядной тьме оказалось еще труднее, чем подниматься, да и вообще до мастерской Чарли добрался с превеликим трудом. Он с тоской вспомнил превосходный фонарик, который в прошлой четверти получил в подарок от кухарки Дары. Увы, фонарик был безвозвратно утрачен: его отобрала надзирательница, она же тетка Лукреция. Не соваться же к ней домой, в Сквозняковый проезд, в самом деле...

В мастерской было чуточку светлее, чем в коридоре: в огромные окна светили звезды – к большому счастью для Чарли, а не то бы он свернул какой-нибудь мольберт. Лавируя между стульями и мольбертами, он подошел к окнам и огорченно вздохнул. Огромные-то они огромные, но отпирается только верхняя створка – поди допрыгни! Даже со стула не достанешь.

Взгляд Чарли упал на винтовую лестницу, которая вела вниз, в мастерскую скульпторов. Может, там сыщется подходящее окно?

За спиной у Чарли послышалась какая-то мелкая возня, потом писк. Мальчик завертел головой. Ага, клетка с Босхом! Крыса темным комочком приникла к прутьям.

– Чш-ш, приятель, успокойся, это всего-навсего я, – прошептал ему Чарли. Наверно, на крысином языке получилось бы убедительнее, но, похоже, Босх и так его понял и вернулся к своим делам.

Ступеньки у винтовой лестницы были железные, и Чарли даже сквозь тапочки ощущал холод. У скульпторов его поджидал сюрприз: в уголке мастерской, за ширмой, горел свет и кто-то возился и постукивал. Чарли замер, потом сообразил, что это, должно быть, мистер Мейсон. Чудаковатый преподаватель имел обыкновение работать в неурочные часы. С него станется и ночью в мастерской сидеть.

– Кто там? – спросил из угла голос, принадлежавший отнюдь не мистеру Мейсону. В глаза Чарли ударил пляшущий луч света, – Чарли, это ты? Что ты тут забыл?

– Т-т-т-танкред? – От неожиданности Чарли начал заикаться.

– Я самый, и Лизандр со мной.

– Уф! – Облегченно выдохнув, Чарли нырнул за ширму и обнаружил Лизандра, который возился с большим куском дерева. Танкред светил ему фонариком – зажигать верхний свет ребята не рискнули. Оба были в зеленых плащах поверх пижам.

– Что это вы затеяли? – поинтересовался Чарли.

– Да так, возникла одна идея, – объяснил Лизандр, обтесывая дерево. – Собственно, это эксперимент. Габриэль нам все рассказал про Рики, ну я и решил: попробую вырезать его портрет, – может, тогда мои предки-ведуны помогут ему воплотиться. Улавливаешь?

Чарли не улавливал. О чем это Лизандр? Про предков-то понятно, а вот про воплощение – совсем нет.

– А ты знаешь, как выглядел... выглядит Рики? – осторожно спросил он.

– Ну еще бы, я его прекрасно помню. Славный пацаненок, только ужасно любопытный. Я его могу хоть с закрытыми глазами нарисовать.

– Точно, Лизандр такое умеет, – восторженно подтвердил Танкред. – У него фотографическая память, все мелочи помнит. Он может вырезать такой портрет, что будет прямо как живой.

– Правда? – Чарли пригляделся к деревяшке. Под ловкими руками Лизандра она медленно, но верно принимала очертания мальчишеской фигурки. И все равно непонятно, как это поможет Рики. Неужели Лизандр собирается ее оживить? Ничего себе магия – ну и силен же он в таком случае. Но зачем оживлять? Настоящий Рики-невидимка сидит взаперти на чердаке. Зачем двойник? Какой от него прок? Голова у Чарли пошла кругом от напряженной мыслительной работы.

– А для чего нам два Рики? – спросил он. Лизандр вздохнул и, не прерывая работы, терпеливо объяснил еще раз:

– Два Рики нам ни к чему. Значит, так. Если моим предкам показать его портрет, они будут знать, как он выглядит, и... ну, вернут ему прежний вид. Вдохнут в него то, что он потерял.

– Вот теперь понял. – Чарли кивнул. – Потрясающе.

– И все-таки как ты здесь очутился? – мягко, но непреклонно напомнил Танкред.

– Эмма решила отправиться сегодня ночью на разведку, – объяснил Чарли. – Понимаете, полететь. Она хочет облететь академию, поискать окно Рики и дать ему знать, что мы его обязательно спасем.

– Только про мистера Краплака ему лучше пока не говорить, – сказал Танкред.

– Пока незачем, – согласился Чарли. – Так вот, вылететь в окно она вылетела, но не возвращаться же ей по чердакам пешком. Там темно, хоть глаз выколи, и Эмма там просто заплутает. Поэтому я пошел открыть ей окно и покараулить, чтобы никто его не запер. А тут эта Белла... – И Чарли рассказал про неприятную встречу.

– Скверно... – Танкред задумчиво поднял глаза на высоченные окна мастерской – в точности такие же, как и этажом выше, у художников. Верхние створки были заперты. – Мистер Мейсон иногда открывает их специальным шестом. Но что-то я этого шеста не вижу.

Танкред нервно обошел мастерскую, и от его шагов поднялся не то что сквозняк – настоящий ветер. В воздухе крутились обрывки бумаги, опилки, щепки и мелкая глиняная крошка. Стеки, долота и зубила покатались по полу.

– Тан, не нервничай, – предупредил Лизандр.

– Да-да, спокойствие, только спокойствие, – пробормотал себе под нос Танкред, приглаживая светлые волосы, которые уже постреливали от мелких молний. – Сейчас сосредоточусь. Раз, два, три!

Танкред выскочил на середину мастерской, не загроможденную верстаками и станками, распростер руки и с силой крутанулся на месте. Полы его плаща взлетели, как зеленые крылья.

Чарли от изумления замер, стараясь не чихнуть: в воздухе летала пыль, посеребренная звездным светом, а Танкред вертелся как волчок и вдруг резко остановился. Он вскинул руку, словно целя в одну из верхних оконных створок, и в то же мгновение резкий порыв ночного ветра сорвался с кончиков его пальцев и ударил под потолок. Что-то звякнуло, и стеклянный прямоугольник выпал из рамы, мягко приземлившись на подставленный плащ. Стекло даже не разбилось.

– Готово, – гордо объявил Танкред. – Как вам это?

– Чистая работа, – одобрил Лизандр.

– Фанта-а-астика! – выдохнул Чарли.

Выдавленное ветром стекло Танкред тщательно запрятал в самую гущу досок и брусков в дальнем углу.

– Мистер Мейсон в жизни не найдет, – решил он.

Чарли смотрел на окошко.

– Жаль, нельзя поглядеть, как Эмма летает, – грустно сказал он. – Лично я пока так ни разу и не видел – даже как она превращается.

– Кое-что лучше делать без свидетелей, – таинственно и уверенно отозвался Лизандр. – Знаете что, давайте-ка приберемся тут и пойдем спать, а то утром глаза не продерем.

Освещая путь фонариком, Танкред провел их вниз по лестнице и через мастерскую живописцев. В коридоре мальчики распрощались и разошлись по своим спальням.

А в это время Эмма отпирала окно в коридоре, и сердце у нее тревожно колотилось, как всегда перед превращением. Девочка каждый раз волновалась, получится или нет, станут ли ее руки крыльями и смогут ли оторвать ее от земли. Для начала нужно было крепко-накрепко зажмуриться и подумать о какой-нибудь птице, а потом поверить в себя и в то, что она и есть эта птица, и еще вспомнить о своих предках, которые передали ей этот дар.

Сегодня Эмма решила стать скворцом. Спрятавшись за шкаф, она закрыла глаза, съежилась и принялась уменьшаться, а тело ее

покрывалось перышками, пока вместо девочки в коридоре академии не очутилась маленькая птичка. Приготовленную заранее записку Эмма взяла в клюв, сделала шагжок, другой, расправила крылья и вылетела в окно. Но именно в это мгновение из темноты коридора выступила какая-то фигура и... захлопнула окно.

Эмма не оглянулась и изо всех сил постаралась не думать сейчас, как потом вернуться внутрь. Главное – найти среди множества чердачных помещений то самое, где заперт Рики Сверк. Эмма дважды облетела темную громаду академии, время от времени присаживаясь передохнуть на карниз или водосточную трубу. Но темные комнаты за слуховыми окошками хранили свои тайны, и та, единственная, ничем себя среди них не выдавала. Эмме не удалось заметить никаких следов пленника-невидимки, хотя она старательно высматривала узкую койку и пустые жестянки из-под джема.

Снизившись, она принялась парить на уровне другого этажа и вот тут увидела кое-что примечательное – озаренное окно и внушительную старинную кровать под балдахином, в которой, подпертый добрым десятком подушек, восседал древний старик. Эмма испуганно метнулась прочь от окна: это морщинистое лицо, больше похожее на череп, она уже видела, когда сама сидела под замком на чердаке. Мистер Иезекииль, в бордовом ночном колпаке и расшитом халате, зловеще посмеиваясь, водил крючковатым пальцем по страницам какой-то книги в черном переплете. Маленькая птаха поспешно порхнула дальше.

Этажом ниже она увидела величественную мадам надзирательницу в фиолетовой ночной рубашке, которая сосредоточенно расчесывала свои длинные полуседые космы, – тоже зрелище не из приятных. А еще этажом ниже обитатель был и того хуже: Манфред Блур собственной персоной, в черном халате. Он как раз развязывал черную ленту, стягивавшую его волосы в хвост, и стоял спиной к окну, но лицом к зеркалу. И глаза его остановились на Эмме.

Конечно, Манфред увидел всего-навсего отражение скворца, который сидел на его подоконнике и почему-то держал в клюве белый бумажный квадратик. Но взгляд его стал засасывать Эмму, как болото, и она в панике метнулась прочь, с перепугу жалобно крикнув. Белый квадратик, подхваченный ночным ветром, унесся во тьму.

«Он меня узнал», – думала Эмма, с колотящимся сердцем
взмахивая крыльями. Что же теперь будет?

Глава 7

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЯДИ ПАТОНА

Наутро Чарли чуть не проспал и со всех ног мчался на завтрак одним из последних. В коридоре, увешанном старинными портретами, его нагнала Эмма, бледная и с кругами под глазами. Чарли остановился подождать ее, и тут вдали показалась Оливия. Кто же еще способен натянуть лимонно-желтые туфли с черными носками и покрасить волосы желто-черными прядями, под тигра? Нет, правда, хорошо им живется на театральном – хоть клоуном наряжайся, никто тебе слова не скажет. Оливия двигалась как-то странно, вприпрыжку. – Каблук сломала, – объяснила она, не дожидаясь вопросов, и задрала ногу, демонстрируя ущерб. – Это потому, что туфли великоваты. Они мамины. Авось мне не влетит.

Эмма посмотрела на каблук, выкорчеванный с корнем, покачала головой и неудержимо зевнула.

– Ну как у тебя вчера ночью, все получилось? – осторожно поинтересовался Чарли.

– Окно Рики не нашла, – хмуро отозвалась Эмма, – потому что все окна на чердаке одинаковые. И все заперты. Но что еще хуже – я выронила записку.

– Какую такую записку? – Оливия мигом забыла про туфли. – Впервые слышу.

– Я заранее ее написала и взяла с собой. Записку для Рики.

– Ты ее несла в... – Чарли чуть не сказал «в клюве», но застеснялся.

– Ну да, в зубах зажала. – Эмма бросила на него непонятный взгляд.

– А обратно нормально попала? Мы тебе окно в мастерской открыли – Танкред постарался.

– Ага, спасибо. – Эмма вновь зевнула.

В столовой им пришлось прервать разговор и разойтись: каждому отделению полагалось сидеть отдельно. А поскольку они опоздали, то свободных мест уже почти не оставалось и Эмме пришлось сесть рядом с Беллой. Чарли заволновался. А если Блуры пронюхают насчет

записки, которую Эмма хотела передать Рики, и про план спасения? Страшно подумать, что они с ней сделают. Хорошо еще, что Эмма в случае чего всегда может улетучиться – то есть улететь.

Его размышления прервал сидевший рядом Фиделио. Доев овсянку, он объявил, что хочет быть в курсе последних событий:

– Я, конечно, занят музыкой, но не до такой степени, чтобы забыть обо всем на свете. Давай рассказывай, как дела.

– Лучше приходи в воскресенье в «Зоокафе», – предложил Чарли. – Там все и соберемся, – может, даже Лизандр с Танкредом подтянутся.

Поймав вопросительный взгляд маленького альбиноса, сидевшего напротив, Чарли поспешно прибавил:

– И Билли тоже будет.

– Билли? – Фиделио подозрительно понизил голос. – А стоит ли его звать?

Чарли пожал плечами:

– По-моему, он перешел на нашу сторону. Понимаешь?

– Хм... – Было видно, что Фиделио в это не очень-то верится.

На переменке все, как повелось последнее время, репетировали пьесу – кто зубрил роли, кто учил музыку. А Чарли вызвался помочь Эмме найти оброненную записку и методично обшаривал сад. Он как раз сунулся в кусты, когда мимо прошли Доркас с Беллой, причем последняя насмешливо заметила:

– А я и не знала, что ты интересуешься ландшафтным дизайном, Чарли.

– Ландышевым чем-чем? – переспросил мальчик.

– Не важно, – свысока обронила Белла. – Ты что-то потерял?

– С чего ты взяла?

Сунув руки в карманы, Чарли напустил на себя беззаботный вид и поспешил убраться от коварной парочки подальше. Посоветоваться с Танкредом и Лизандром? Но их что-то не видно. Лизандр, наверно, пошел в мастерскую, заканчивать скульптуру. И Билли тоже в саду нет, но он-то ясно чем занят: задает корм крысе и беседует с ней в свое удовольствие.

Незадолго до звонка на урок Чарли отыскал Эмму, и выяснилось, что никто из них записку не нашел.

– Я думаю, ее ветром унесло – скажем, на площадь, – предположила огорченная Эмма.

И было из-за чего огорчиться: ведь до самых выходных выход из академии ученикам был закрыт.

– А что ты там написала?

Эмма прикусила губу.

– Да ничего особенного. Написала: «Не сдавайся, Рики, мы тебя не бросим. Э.». Вот и все.

– Значит, подпиши просто «Э.»? – переспросил Чарли. – Тогда все не так страшно.

– Они поймут, что Э. значит Эмма. – Девочка мрачнела на глазах.

– Будем надеяться, что кто не надо бумажку не найдет, – подбодрил ее Чарли.

Следующим уроком была история, и, как обычно, Чарли с трудом удавалось сосредоточиться. Точнее, не удавалось. По счастью, мистер Поуп его сегодня и не вызывал, – похоже, он решил, что Чарли безнадежен. Нашего героя это вполне устраивало: и без Наполеона Бонапарта забот полон рот. Какие уж тут даты, войны и походы...

Итак, поразмыслим. Прежде всего, кто такие «они»? Враги, кто ж еще. Эмма наверняка имела в виду Блуров, ну и, разумеется, Беллу. Впрочем, школьного садовника и столяра Уидона тоже стоит отнести к врагам – мерзкий тип. И тетку Лукрецию, с ней все ясно. А как насчет остальных учителей и прочего персонала? Поди угадай, кто враг, кто нет. Эх, посоветоваться бы с дядей Патеном, подумал Чарли, так ведь он до сих пор в отъезде и от него ни слуху ни духу.

За размышлениями урок истории пролетел незаметно. Чарли очнулся, только когда все повалили из класса, а мистер Поуп сердито крикнул ему:

– Что, Бон, опять ворон считал? Имей в виду, в понедельник контрольная по Наполеоновским войнам. Не получишь приличной оценки – останешься после уроков.

Чарли охнул. Это что же получается, ему придется все выходные зубрить даты? А как же дела? Собрав сумку, он уныло поплелся на перемену, где и убедился, что у остальных настроение ничуть не лучше. А самое ужасное – среди учителей, похоже, началась повальная эпидемия назначать контрольные, и к вечеру все ученики ходили с кислыми минами.

– Похоже, я не смогу прийти в «Зоокафе» в воскресенье, – хмуро сообщил за ужином Габриэль, не поднимая глаз от тарелки.

– И не ты один. Я тоже, – откликнулся Чарли.

Билли подергал его за рукав.

– Но мне можно погостить у тебя в выходные или уже нет? – жалобно спросил он.

У Чарли не хватило духу отказать маленькому альбиносу.

– Конечно можно. Будешь натаскивать меня по Наполеону.

– Отлично! – просиял Билли. – Договорились.

В пятницу все ученики академии в обычной суматохе собирались домой. И хотя угроза многочисленных контрольных никуда не делась, на душе у всех стало повеселее: как-никак, впереди два дня свободы! Два дня вдали от мрачных коридоров, классов и спален! Под сводами академии звенели радостные голоса и топали торопливые шаги. Пользуясь всеобщим гамом, Эмма улучила минутку и сообщила Чарли, что работа над волшебной статуэткой у Лизандра идет полным ходом.

– Вчера ночью он показал ее мне, – прошептала девочка. – Получилось просто потрясающе, Рики вышел как живой! Лизандр как раз начал раскрашивать фигуру, значит, через несколько дней она будет готова.

– А про нее никто лишней не знает?

– На день Лизандр закрывает ее простыней. Мистер Мейсон и внимания не обращает, он же занят своей работой.

– Да, но на изобразительных искусствах еще и Белла учится! – встревожился Чарли.

– Можешь не напоминать. – Эмма вздохнула. – Насколько мне известно, она фигурку не видела.

Эмма отправилась собирать сумку, а Чарли, не подозревая, что враг не дремлет, – на поиски Билли.

Белла и в самом деле пока что не видела волшебную фигурку, но прекрасно о ней знала. Она просто выжидала удобного момента; когда все разъехались и академия опустела, Белла поспешила в мастерскую скульпторов. Мистера Мейсона она не опасалась: учитель расположился у окна и так увлеченно тюкал молоточком по каменной глыбе, забыв обо всем на свете, что даже не заметил появления Беллы. Не особенно скрываясь, Белла прошла в дальний угол мастерской –

здесь, укутанная простыней, белела та самая скульптура, почти в натуральную величину. Рывок – и простыня упала на пол. Перед Беллой стоял мальчик – то есть, разумеется, деревянная фигура, но выглядела она как живая.

Ярко-голубые глаза мальчишки взирали на мир с интересом, темные волосы были взъерошены, а длинный любопытный нос, казалось, готов в любой миг сунуться не в свое дело. Из-под синего плаща виднелись штанины и ботинки, пока еще не раскрашенные.

– Так-так, – пробормотала себе под нос Белла. – Вот, значит, какую игру вы затеяли.

Пока она рассматривала скульптуру, Чарли с Билли доехали на школьном автобусе до Фил-берт-стрит. Крысу Билли всю дорогу вез за пазухой, но Босха явно мучили кошмары, и потому под свитером у маленького альбиноса попискивало и ерзало.

– Это он из-за мистера Краплака все переживает, – объяснил Билли, – ведь тот его отверг.

– Утешь его как-нибудь, – посоветовал Чарли. – Ты ведь теперь его лучший друг. Можно сказать, новый хозяин.

Билли даже замедлил шаг, обдумывая услышанное. Потом улыбнулся.

– Получается, что так, – сказал он.

– Слушай, – спохватился Чарли, – моя мама не знает, что я тебя привез. Она по субботам работает до четырех.

– Ничего страшного. – Билли все равно был счастлив, что его пригласили в гости.

– Но она наготовит нам уйму всяких вкусностей.

– Здорово! А с Босхом можно будет поделиться?

– Конечно. Только вот что: смотри, чтоб он не попадался на глаза моей бабушке. Она терпеть не может животных. Еще пришибет его, пожалуй.

– Я постараюсь. – Улыбка пропала с лица Билли.

На подходе к дому Чарли заметил, что у самого крыльца припаркован знакомый автомобиль, вроде бы черный, но, если приглядеться, не совсем черный, а скорее темно-синий, как ночное небо. Впрочем, первоначальный цвет с трудом угадывался под толстым слоем грязи и пыли, а также под многочисленными вмятинами и царапинами. Из огня он, что ли, вырвался, этот

автомобиль? Ой, и бампер на сторону свернут! И лобовое стекло все в трещинах!

– Адское зрелище, – высказался Билли, вытянув шею.

– Да, похоже, как раз через ад он и проехал. – Чарли заволновался. – Тыфу ты, да это же автомобиль дяди Патона!

И встревоженный Чарли припустил к дому с такой скоростью, что Билли еле поспевал за ним. Взлетев на крыльцо, мальчик распахнул дверь и кинулся осматривать первый этаж.

– Никого нет, – крикнул он из кухни гостю, робко застывшему посреди прихожей.

– Мне остаться тут? – спросил Билли.

– Нет. Пошли со мной, – отрывисто сказал Чарли, которому было страшновато входить в дядину комнату в одиночку. Кто его знает, что там внутри? Снаружи ничего хорошего не было: табличка «Не беспокоить» валялась на полу, а дверная ручка была погнута, словно на нее налегали всем телом. Чарли замешкался, не зная, как быть – постучать или войти без спросу?

– Я бы все-таки постучался, – подал голос Билли.

Чарли последовал его совету. Он стукнул в дверь.

Раз. Другой. Третий.

Но ответа не последовало.

В комнате было тихо.

Чарли набрался решимости, глубоко вдохнул и вошел. Билли остался стоять за порогом, бережно придерживая сидящую у него за пазухой крысу.

Первое, что бросилось в глаза Чарли, – волшебная палочка, лежавшая на письменном столе. Как и дядин автомобиль, она была изуродована до неузнаваемости, и только серебряный наконечник помог мальчику понять, что это за черный закопченный прутик.

– Да что же случилось-то? – вырвалось у Чарли.

Медленно, боязливо перевел он взгляд на кровать и увидел дядю – неподвижную черную фигуру, вытянувшуюся прямо поверх покрывала и всю перемазанную в саже и пепле. Даже лицо у дяди Патона было в каких-то темных потеках, но, несмотря на это, было видно, что он мертвенно-бледен. А волосы! Еще недавно черная как вороново крыло шевелюра в одночасье поседела.

– Он что, умер? – испуганно заглянул в комнату Билли.

– Нет! – Чарли отчаянно замотал головой. Ему очень хотелось верить, что дядя жив, но... Он потормошил неподвижную фигуру за плечо и позвал, сначала тихо, потом погромче:

– Дядя Патон, а дядя Патон! Пожалуйста, очнитесь! Ну пожалуйста!!!

Глава 8

В ГОСТЯХ У СКОРПИО

Дядя Патон не шелохнулся. Глаза у него были закрыты, лицо застыло. Да дышит ли он? Чарли поспешно приложил ухо к пыльному дядиному пиджаку и с облегчением уловил слабый, еле слышный стук сердца.

– Он жив. Просто очень крепко спит, – объяснил Чарли, повернувшись к Билли. – Нужно подождать, пока он проснется. Когда-нибудь да проснется...

Сон дяди Патона явно нельзя было назвать обычным, но и на состояние гипноза это как-то не походило. Чарли сообразил, что дядя не иначе как ездил в замок Юбим. Но что с ним там сделали? К тому же дядя был единственным обитателем дома номер девять, способным противостоять старухе Бон, и при мысли о том, каково будет всем остальным, пока дядя спит непробудным сном, Чарли задрожал мелкой дрожью.

– Знаешь что, пойдём-ка отсюда, – предложил он Билли.

Тот стоял, вжавшись спиной в дверь и затаив дыхание. Чарли заметил, что из-за пазухи у Билли торчит усатая мордочка Босха. Крыса быстро-быстро дергала носом, потом вдруг пискнула, шлепнулась на пол и метнулась за дверь.

– Лови его! – вскричал Чарли. Мальчики выскочили из комнаты, причем Чарли, несмотря на спешку, плотно закрыл дядину дверь. Босх со всех лапок мчался по коридору, держась поближе к стене. Билли уже почти нагнал его, но тут путь ему преградила высокая фигура.

Это бабушка Бон вышла из своей комнаты на шум.

– Ах вот оно что, Чарли привел домой своего маленького приятеля? – Старуха наклонилась над Билли и вопросительно подняла густые черные брови.

Билли только глазами захлопал.

– Это Билли Гриф, бабушка, – поспешно пояснил Чарли. – Он погостит у нас в выходные.

– Вижу, что Билли Гриф, не слепая, – ответила бабушка Бон. – Я рада, Чарлз, что ты наконец-то взялся за ум. Билли – хороший мальчик.

Не чета твоему провонявшему псиной Бенджамину или этому фанфарону Фиделио, я уж не говорю об этом квелом Габриэле.

Чарли бы не сдержался и ответил – слыханное ли дело, вот так взять и одним махом оскорбить всех его лучших друзей! – но сейчас важнее было поймать Босха, а не пускаться в пререкания с бабушкой. А крыса по каким-то неведомым причинам замерла точно за спиной (вернее, за тапками) у старухи и, сидя на задних лапках, внимательно наблюдала за происходящим.

Билли растерялся и смотрел на Босха, приоткрыв рот.

– Почему это ты уставился мне на ноги, малыш? – спросила бабушка Бон. – Смотри в глаза. Я не кусаюсь.

Ой ли, усомнился Чарли.

Билли послушно отвел глаза от Босха, и Чарли с облегчением увидел, что крыса засеменила вниз по лестнице.

– Бабушка... – начал Чарли.

– Что такое? – насторожилась бабушка Бон и перегнулась через перила. – Я определенно что-то слышала!

Но крыса уже куда-то спряталась.

– Так, Билли, – сказала бабушка Бон, – я вынуждена сообщить, что особа, которая обычно за повара в этом доме, отбыла на отдых.

– Да какой там отдых! – вмешался Чарли. – Бабушка, разве вы не...

– Не перебивать! – отрубил старуха. – Итак, как я только что сказала, мы остались без повара, но я приложу все усилия, Билли, чтобы накормить тебя повкуснее. А вот Чарлзу придется довольствоваться хлебом и водой – в наказание за то, что он имел наглость украсть мой гусиный паштет!

– Бабушка! – Чарли повысил голос и показал на дядину дверь. – Вы вообще понимаете, что дядя Патон лежит там полумертвый?!

– Мне прекрасно известно, что с моим братцем, – ледяным тоном отозвалась старуха Бон. – И поделом ему, нечего совать нос в чужие дела. Впредь не станет лезть, куда не просят. Это ему наука! Он же, хе-хе-хе, как раз увлекается наукой! – И бабушка Бон с противным трескучим хихиканьем двинулась в прихожую, откуда, облачившись в шляпу и пальто, оповестила: – Пойду куплю слив! – После чего удалилась.

– Терпеть не могу сливы, – скривился Билли и опасно вытянул шею: не услышала ли старуха.

– Не волнуйся, никто тебя не заставит их есть, найдем чего повкуснее. Пошли на кухню.

– Давай лучше сначала Босха найдем! – предложил Билли.

Мальчики обшарили весь дом, но тщетно: крыса как сквозь землю провалилась.

– Наверно, спряталась где-нибудь и уснула, – с надеждой в голосе предположил Чарли. – Все, идем обедать. Я разогрею жареную картошку в духовке.

Но Чарли не успел даже плиту зажечь, как пришла мама с пакетом моркови. Увидев на кухне маленького альбиноса, она ничуть не удивилась и очень обрадовалась, что у сына гости: Бенджамин-то в отъезде.

– Дядя Патон ведь уже вернулся? – спросила она, выкладывая морковку в раковину. – Я так и думала. Ночью был какой-то странный шум, но утром я так спешила на работу, что даже не успела заглянуть к нему в комнату. Во что он превратил машину!

– Это-то ладно, но, мам, он заболел! – поспешно сообщил Чарли. – Серьезно заболел. Мам, он весь поседел, говорить не может, лежит в своей комнате почти... почти как мертвый.

– Что?! – И мама умчалась на второй этаж. Через несколько минут она вернулась на кухню, встревоженная не на шутку.

– Надо вызвать врача. Бабушка в курсе насчет Патона?

– Сказала – так ему и надо, – выпалил Чарли.

Мама только головой покачала.

– Ну и семейка! – пробормотала она. Чарли уже успел и ужин разогреть, и стол накрыть, а мама все разговаривала с врачом, безуспешно пытаясь описать ему состояние дяди Патона. В самом деле, попробуй объясни по телефону, что человек поседел в одну ночь!

Наконец она повесила трубку и повернулась к мальчикам.

– Кажется, врач мне не поверил. Но обещал приехать в течение часа и разобраться, – сказала она.

– Врач? Какой еще врач?

Это вернулась из магазина бабушка Бон. Получив объяснения, она промаршировала к телефону, позвонила врачу и железным голосом отменила вызов.

– Да как вы можете! – возмутилась мама. – Патону нужна медицинская помощь!

– Обойдется, – отрезала старуха. – По крайней мере, врач тут ничего сделать не сможет, и незачем попусту тратить его рабочее время.

– Вы с ума сошли! – Голос у мамы сорвался. – Это же ваш родной брат! А если... если он умрет? Вас совесть не замучит?

– Все там будем. – Бабушка Бон принялась хладнокровно мыть сливы.

Билли прирос к стулу и с вытаращенными глазами наблюдал за происходящим. Похоже, семейная жизнь – это вовсе не сахар, решил он.

Атмосфера за ужином царила напряженная. От картошки с ветчиной бабушка Бон отказалась, поставила перед собой целое блюдо слив и с невероятным чавканьем поглощала их одну за другой.

После ужина мальчики улучили минутку, когда мама стелила Билли постель, и выложили всю правду про бегство Босха.

– Как, опять животные? – Мама уронила подушку.

– Босх опрятный, – вступился за крысу Билли, – и ручной, совсем не кусается.

– Но все-таки крыса...

– Мам, ну пожалуйста, помоги нам его найти! – взмолился Чарли. – Если бабушка успеет первой, знаешь, что будет?

– Могу себе представить. – Мама усмехнулась. – Ладно, поищу, но предупреждаю: если я увижу крысу, то завизжу! Уж извините. – Она взбила подушку и вышла из комнаты, вздыхая: – Собаки, крысы... кто следующий – крокодил?

Билли рвался продолжить поиски Босха, но Чарли его отговорил.

– А ну как бабушка Бон что-нибудь заподозрит? – испуганным шепотом предположил он.

Ах, посоветоваться бы с дядей! На него ведь всегда можно положиться в трудную минуту, но... дядя лежит пластом, седой, полумертвый, от него даже не добьешься, что случилось. И придет ли он в себя вообще – еще неизвестно.

– Твой дядя ведь умеет взрывать лампочки? – спросил Билли.

– Не совсем. Он... вроде как управляет электричеством, – попытался растолковать Чарли. – Стоит ему посмотреть на лампочку,

что-то происходит, и она взрывается. Поэтому он выходит из дому только по ночам. Чтобы никто не увидел, как проявляются его... способности.

– Слушай, а ведь у него в комнате горела лампочка, – заметил Билли.

– Да?! – Чарли вскочил. Надо же, а он и внимания на это не обратил. Нужно срочно проверить!

И точно, в дядиной комнате горел свет – яркая лампа над письменным столом.

– Все прошло, Чарли, – раздался слабый голос с кровати.

Дядя Патон смотрел на лампочку широко раскрытыми глазами, и на лице у него был ужас.

– Дядя, вы пришли в себя! – возликовал Чарли.

– Если это можно так назвать, – с трудом выдавил дядя. – Все, он со мной разделался. Выжал из меня все до капли. Он невообразимо силен. Я и помыслить такого не мог.

– Кто – он? – насторожился Чарли. Дядя опустил веки.

– Гризелда нарочно зажгла свет, чтобы меня испытать. Хотела убедиться, что я потерял свои способности. Что ж – так оно и есть.

– Но кто вас так отделал, дядя?

Дядя Патон попытался покачать седой головой.

– Я полагал, будто он давно умер. Но нет, он никогда не умрет.

– Да кто же, кто?! – заклинал Чарли.

– Не могу назвать его имя. Может, завтра... – И дядя Патон отвернулся лицом к стене.

Расспрашивать его дальше было бы жестоко и бессмысленно. Чарли направился к двери, но взгляд его упал на закопченную волшебную палочку, и мальчик, осененный внезапной идеей, прихватил ее с собой.

Билли сидел на кровати в комнате у Чарли – воплощенное отчаяние.

– Не переживай из-за Босха, – подбодрил приятеля Чарли. – Он умница, он друга не бросит. Вот давай поспорим, он скоро объявится. На что хочешь поспорим, а?

Оказывается, Билли даже не слушал. Он впился потрясенным взглядом в волшебную палочку. Чарли проследил его взгляд и ахнул. Палочка зашевелилась в руке у мальчика и начала преображаться на

глазах: копоть исчезала, из-под нее проступала белизна – гладкая, как шелк, и теплая, точно солнечный луч. Вот сверкнул серебряный наконечник, и вместо горелого прутика перед Чарли вновь была волшебная палочка – целая и невредимая.

– Как это у тебя получилось? – выдохнул Билли.

– Не знаю, – удивленно пожал плечами Чарли. Он сел рядом с альбиносом и повертел палочку так и сяк.

– Это же волшебная палочка, верно? Смотри, взяла и сама починилась! Она чья, твоего дяди?

– Нет, – тщательно взвешивая слова, ответил Чарли, – я ее позаимствовал у... у одного человека, а он украл еще кое у кого.

– Она ведет себя как живая. Словно хочет принадлежать только тебе, – сказал Билли.

– Это невозможно, я же не волшебник и не чародей, – возразил Чарли.

– Но ты же одаренный, как и я, а это уже немало.

– Ну, не совсем как ты, – пробормотал Чарли, потом вытащил из-под кровати небольшую картину в старинной раме. На ней был изображен седовласый бородатый старик в черной хламиде, который, стоя посреди комнаты, озаренной свечами в высоких канделябрах, мелом чертил на каменном полу, испещренном непонятными знаками, звезду-пентаграмму.

– А-а, помню, как же, ты приносил эту картинку в школу в том полугодии, – протянул Билли, но в подробности вдаваться не стал.

– Точно. Старика зовут Скорпио, и он – чародей. Вот у него я и... кхм... украл палочку.

Билли разинул рот. Глаза у альбиноса опять стали такие круглые, что он сделался похож на очкастого красноглазого совенка.

– Как? – От изумления Билли даже осип.

– А вот так. Я проник в картину – раньше никогда не пробовал, только голоса с картин и фото слышал. – Заметив, что в глазах чародея мелькнул зловещий блеск, Чарли поспешно перевернул картину изображением вниз. – Тьфу! Мне нельзя на него засматриваться, а то опять утащит меня внутрь.

Билли слушал как замороженный, потом протер очки и спросил:

– Как же ты выбрался?

– Честно говоря, это было не так-то просто. Хорошо еще, что Лизандр мне помог.

Чарли помедлил. Он никак не мог понять, стоит ли полностью доверять альбиносу. Как-никак, в прошлый раз, когда он приносил картину с чародеем в школу, Билли с подачи теток пытался науськать Чарли, чтобы тот заинтересовался кинжалом, лежавшим на столе у Скорпио, рядом с палочкой. И было это не так уж давно. Чарли вздохнул и решил рискнуть:

– Понимаешь, Билли, в чем штука... Я, наверно, попробую забраться к чародею еще разок. Он ведь очень могущественный, и у него в берлоге столько разных разностей, ну, магических, – видел? Травы там, гусиные перья, всякое такое.

– И кинжал, – не утерпел Билли. – Я заметил.

Чарли развернул к нему картину лицевой стороной – так, чтобы самому прежде времени не глядеть.

– Что ты там еще видишь?

– Куча склянок с разноцветными жидкостями, здоровенные свечи, на стене и на полу какие-то мудреные закорючки, – перечислял Билли. – Ой, а из кармана у него выглядывает мышь! На столе полно всякой всячины.

– Вдруг у Скорпио найдется лекарство для дяди Патона? – предположил Чарли. – Если я верну ему палочку, может, он взамен даст мне что-нибудь – микстуру или там трав каких. И еще его можно спросить насчет Рики – раз Скорпио чародей, может, он знает средство от невидимости?

– Можно-то можно, только Лизандра тут нет, – заколебался Билли. – А если ты там застрянешь и тебе будет не выбраться?

– Вот ты мне и послужишь. Все, что от тебя требуется, – просто держать меня за руку, понял? И если я начну делать что-то не то и вообще вести себя странно, дерни меня за руку. Я же не на самом деле забираюсь в картины, я это делаю мысленно. Но он видит меня оттуда и может заметить палочку. Так глубоко, как в прошлый раз, я не полезу. Просто... вроде как постою на пороге и попробую с ним потолковать.

Чарли прислонил картину к ночнику у кровати, потом встал и взял в правую руку палочку, а левую протянул Билли. Тот соскочил с постели и вцепился в руку Чарли.

– Готов?

– Готов!

Чарли стал пристально смотреть на чародея. Не прошло и минуты, как Скорпио заметил его.

– А-а, вернулся, отрок, – нараспев произнес он надтреснутым старческим голосом.

Мальчик ощутил, что какая-то сила властно тянет его вперед, – он точно заскользил в белом тумане, не видя ничего, кроме костистого лица Скорпио прямо перед собой. Желтые ястребиные глаза чародея гипнотизировали, и Чарли поспешно отвел взгляд. В ноздри ему ударил пряный запах курящихся трав, и от дыма Чарли чихнул.

– Прекрати! – велел чародей.

– А-а-апчхи! Извините, я не нарочно, – отозвался Чарли, поспешно осматривая келью Скорпио, особенно стол.

– Чего тебе надобно на сей раз, воришка? – недовольно спросил чародей.

– Я пришел, чтобы вернуть вам волшебную палочку, – сказал Чарли. – И еще хотел узнать...

– Что? – Скорпио уставился на палочку. – Забери ее. Забери прочь! – глухо приказал он.

– Но я думал, она вам нужна! – удивился Чарли. – Вы так рассердились, когда я ее унес. Вот я и хочу ее вернуть – точнее, обменять... ну, в общем, мне нужен совет, а вы столько знаете про магию и всякие волшебные штуки. Я решил, а вдруг вы мне посоветуете что-нибудь дельное?

– Палочка сия не моя, теперь я вижу. – Скорпио по-прежнему был не в силах отвести глаза от «не своей» волшебной палочки. – Что ж, да будет так. Она твоя с самого начала, отрок.

– Не понял. – Чарли удивился еще больше. – Никакая она не моя. Но я вообще-то не за этим. Понимаете, мой дядя заболел, да так, что утратил всю свою волшебную силу. Кстати, именно он мне про вас и рассказал. Может, у вас найдется какое-нибудь средство, чтобы вернуть одаренному его дар, если тот пропал?

– Мне нужно осмотреть твоего дядю. – Скорпио шагнул вперед.

– Это невозможно, – попятился Чарли. Чародей неуклонно надвигался на него.

– Дитя мое, это необходимо. Как могу я судить о состоянии больного, не видя его? И к тому же я давно лелею мысль навеститься в

ваш век.

– Вам туда нельзя! – Чарли старался говорить твердо. – Вы же отсюда, из картины, вот тут и оставайтесь.

– Ты меня подбросишь! – Бледные пальцы чародея вцепились в свитер Чарли, и мальчик шарахнулся назад, повторяя, как заклинание:

– Нет! Нет! Я ухожу! Нет! Пустите! Да пустите же!

Он пятился и пятился и вдруг, потеряв опору под ногами, почувствовал, что падает в бездну. При этом Чарли почему-то мотало и бросало в разные стороны, да с такой силой, что он не выдержал и зажмурился.

Бац! Чарли стукнулся обо что-то затылком и открыл глаза. Он лежал на полу в своей комнате, вернее, не на полу, а на каком-то небольшом бугорке.

– Чарли, ты меня придавил, – сдавленно пискнул бугорок.

Чарли поспешно перекатился на бок и понял, что шлепнулся на Билли. Тот лихорадочно нашаривал очки, но глаза у него и без толстых стекол с перепугу были как иллюминаторы.

– Извини, – сказал Чарли. – А что было-то?

– Сам толком не знаю. – Билли сел и водрузил на нос очки. – Я тебя держал, как ты велел, а ты вдруг начал пятиться, пятишься и твердишь «пустите, пустите», а потом ты об меня споткнулся, и мы как рухнем на пол! Ты упал прямо на меня, и мне стало ничего не видно. Потом поднялся страшный вихрь, и кто-то наступил мне на руку, и я еще слышал, как дверь распахнулась.

Только он это произнес, как внизу грохнула входная дверь. Мальчики замерли, ожидая шагов в прихожей. Тишина. Чарли поднялся и выглянул в окно. Несколько обыкновенных прохожих, несколько автомобилей... И вдруг он увидел какую-то темную фигуру, стремительно удалявшуюся и почти неразличимую в вечерних сумерках.

Чарли сделалось не по себе: то ли оттого, что головой стукнулся, то ли оттого, что события повернулись таким неожиданным образом. Да что уж там, неправильно они повернулись!

– Что там произошло? – спросил Билли, кивнув на картину.

Чародей по-прежнему пребывал на полотне! Это Чарли отчасти успокоило. Он перевернул картину и положил плашмя на ночной столик.

– Скорпио хотел выбраться, – объяснил мальчик.

– Хотел или все-таки выбрался?

– Нет. Не мог он этого сделать. Никак не мог. Ладно, давай спать.

Иди в ванную первый.

Они переоделись в пижамы, и Билли послушно пошел умываться. Через несколько минут он вернулся, по уши в зубной пасте и... прижимая к груди Босха.

– Смотри, кого я нашел! – радостно возопил альбинос.

– Босх! А где он прятался?

– Под ванной. – Билли посадил крысу на кровать Чарли. – Ух, как хорошо, что ты нашелся, Босси!

– Знаешь, как-то мне не улыбается ночевать с Босси в одной постели, – заметил Чарли и поплелся на кухню, поискать подходящую коробку.

Увы, кухня не пустовала: бабушка Бон с чавканьем сметала второе блюдо слив.

– Что тебе там понадобилось? – недовольно поинтересовалась она, когда Чарли стал рыться в кладовке.

– Коробку ищу, – коротко ответил он.

– За... чавк!... чем?

– Так, кое-что положить. – Чарли нашел и коробку, и небольшой запас печенья, который поспешно припрятал в карман.

– Что за «кое-что»? Тьфу ты, пропасть! Одна из слив шмякнулась на скатерть.

– Ах, какая незадача, – не удержался Чарли.

– Я спрашиваю, что ты собираешься положить в эту коробку? – прогремела старуха.

– Страшное вонючее чудище о шести глазах и пяти хвостах! – выпалил Чарли и поспешно ретировался.

– Не смей дерзить! – гаркнула ему вслед бабушка Бон.

Она даже оторвалась от слив, вышла в прихожую и, кажется, собиралась высказаться более пространно, но потом передумала и сладким голосом окликнула внука, поднимавшегося по лестнице:

– Чарлз, передай от меня нашему маленькому гостю пожелания спокойной ночи и приятных снов!

Этот сахарный голос Чарли настолько не понравился, что он чуть коробку не выронил. Никак, бабушка Бон решила настроить Билли

против него? Еще не хватало!

– Уф... Бабушка, похоже, прониклась к тебе пламенной любовью, – сообщил Чарли, вручая Билли коробку. – На, держи, это для Босха. И еще я ему принес печенья на ужин. Билли! Ау!

Альбинос сидел насупившись, озадаченный и озабоченный.

– Что стряслось? – тотчас спросил Чарли.

– Я поговорил с Босхом, – странным тоном отозвался Билли.

– И он, судя по твоей физиономии, ничего хорошего не сказал.

– Он говорит, что учуял в ванной какую-то вонь.

– Там всегда пахнет, – сокрушенно объяснил Чарли.

– Нет, Чарли, не в этом дело, – мрачно покачал белой головой Билли. – Босх имел в виду, что учуял там скверные чары и что-то очень древнее. Что-то, чему полагается быть мертвым.

Чарли вместе с Билли и Босхом пошел в ванную – проверить. Еще с порога он потянул носом и недоуменно сказал:

– Ничем особенным не пахнет.

– Ой, смотри! – приглушенно ахнул Билли. – Там! Под раковиной!

Под раковиной сидела бурая мышка. Завидев мальчиков, она запищала – прямо-таки истерически, а Босх послушал-послушал и в ответ запищал еще громче.

Билли, морщась от напряжения, принялся переводить взбудораженную тираду:

– Босх говорит, что мышка напугана... напугалась до полусмерти... она не понимает, куда попала... и каким образом здесь очутилась. А про запах Босх говорит, что пахнет стариной, такой древностью, что у него просто в голове не укладывается.

– Древностью? – Чарли ошалело посмотрел в лицо Билли, который только руками в ответ развел.

– А ведь у Скорпио в кармане сидела мышь... – медленно, едва веря в случившееся, проговорил Чарли.

– И где, получается, теперь Скорпио? – прошелестел Билли.

Глава 9

ПРЕСТАРЕЛАЯ МЫШЬ

Древняя бурая мышка наконец-то смолкла.

– Что будем делать? – спросил Билли. – Отпустим ее или себе оставим?

Чарли осторожно сделал шаг вперед, и это решило дело. Мышь шмыгнула под ванну, а когда Чарли попытался вползти вслед за ней, юркнула в дырку в полу и была такова.

– Смылась, – констатировал Чарли, поднимаясь с четверенок и отряхиваясь.

– А с чародеем как быть? – спросил Билли.

– Никак. Все равно мы ничего не можем сделать. Придется просто ждать.

Чарли не удавалось заснуть почти до самого утра: Билли нервно ворочался и бормотал во сне, а крыса нервно попискивала – тоже, видимо, бормотала на своем наречии. Время от времени Чарли не выдерживал и приглушенно рывкал: «Да прекратите вы оба!» – но гости и ухом не вели.

Немудрено, что завтракать Чарли спустился очень рано. И в доме, и на улице царила непривычная ему тишина. Теперь Чарли понял, что Босх был прав: в доме действительно присутствовало ощущение чего-то скверного, отчетливое, как запах. Так вот, значит, как пахнет черная магия. А вдруг древняя мышь принесет несчастье?

Позавтракав, Чарли налил чашку чаю, прихватил печенья и понес все это дяде Патону. Тот полусидел на кровати, облокотившись на подушку, по-прежнему мертвенно-бледный, но вот волосы у него как будто чуточку потемнели.

– Доброе утро, мальчик мой, – слабым голосом приветствовал он племянника.

– Вы уже выглядите лучше, – заметил Чарли. – У вас даже волосы вроде как поправляются. Такое бывает?

– Пепел, – сипло пояснил дядя, потом показал на горло и добавил: – Говорить больно.

Лампочка под потолком все так же была зажжена. Правда, иногда она мигала, но ничего даже отдаленно похожего на взрывы, которыми дядя славился раньше, не происходило.

– Может, оно и хорошо, что вы потеряли свои... свой... – Чарли запнулся. – Ну, я хочу сказать, лампочки вокруг вас больше не взрываются.

– Думал об этом, – прошептал дядя. – Не утешает. Пришел к выводу, что терять талант всегда скверно. С ним теряется частица души. Личности.

– Да, наверно, так и есть. – Чарли помрачнел. – Дядя, а что с вами случилось?

Дядя прикрыл глаза.

– Потом расскажу, Чарли. Увидишь мисс Ингльдю, передай... передай ей...

– Да, понял, если увижу мисс Ингльдю, то что ей передать? – с энтузиазмом спросил Чарли.

– Передай, что мне... я... – Дядя покачал головой. – Нет. Боюсь, слишком поздно.

– Что «слишком поздно»? – взвился Чарли, напуганный отсутствующим выражением на дядином лице. – В каком таком смысле?

– Довольно об этом. Чарли, ступай. Мне лучше одному.

Чарли беззвучно прикрыл дверь и поплелся к себе. Что бы и кто бы ни сделал с дядей Патеном, похоже, теперь это надолго, если не насовсем. Ужас какой.

Билли с Босхом на руках сидел на краешке кровати и ждал Чарли.

– Я сначала, как проснулся, думал, все это был кошмарный сон, – сказал он, протирая глаза. – Я про чародея и мышь. Но ведь это правда?

– Увы, – уронил Чарли.

– Как по-твоему, что предпримет Скорпио, если он где-то... неподалеку?

– Поживем – увидим. – Чарли вздохнул. – Билли, ты ведь никому про все это не проболтаешься?

Билли тоже вздохнул:

– Про Скорпио не скажу, а про твои способности кто надо уже, наверно, и так знает. Я раз слышал, как мистер Иезекииль и

надзирательница, ну мадам Лукреция, совещались насчет тебя и картины. Спорили, полезешь ты внутрь или как. Я тогда не понял, о чем это они.

Чарли сел рядом с Билли.

– Слушай, давай начистоту, – решительно сказал он. – Я знаю, тебя заставляют шпионить. Но ты реши наконец, на чьей ты стороне, а? Иначе я не могу тебе доверять, сам понимаешь.

Билли понурился:

– Мистер Иезекииль обещал, что найдет мне новых родителей... хороших, добрых... и все налгал. Больше я ему не верю.

– Да Блуры только и делают, что лгут! – воскликнул Чарли. – Но когда вся эта эпопея кончится, у тебя обязательно появятся родители. Кто-нибудь поможет.

– Кухарка обещала помочь, да только когда эта опу... эпопея кончится? – горестно спросил Билли.

Ответа на этот вопрос Чарли и сам не знал. Может, когда наконец удастся вытащить из заточения Рики Сверка? Когда исчезнет Белла, она же Иоланда? Когда дядя Патон придет в себя? Когда найдется Лайелл Бон, папа Чарли? А может, когда закончится борьба между теми, кто, не добившись желаемого, готов разрушить чужую жизнь, и теми, кто не может не противостоять этому злу?

– Дети Алого короля... – пробормотал Чарли. – И все мы воюем. Вот когда одна из сторон победит, тогда все и кончится.

– Может, эта битва никогда не кончится, – усомнился Билли. – Или будет продолжаться и продолжаться еще не знаю сколько. Я бы, конечно, мог подождать – ну год, но не больше. А я не хочу вырасти, пока она тянется! Не хочу без родителей! Жаль, я совсем не помню папу с мамой. И никто мне так и не рассказал, как они погибли на самом деле.

Мысли Чарли невольно обратились к его собственному отцу. Все вокруг делали вид, будто Лайелл Бон умер, но Чарли-то знал, что это неправда. У Билли хоть фотография родителей есть, а у него, Чарли, и того нет: мама говорила, что бабушка Бон уничтожила все папины фото.

– Ты мне как-то показывал фотографию своих родителей, – вспомнил Чарли, повернувшись к Билли. – Они такие славные.

– Угу. – Билли понурился еще больше.

– Ладно, хватит кукситься, одевайся, – как можно бодрее сказал Чарли.

На кухне они обнаружили маму, которая уже хлопотала, готовя обильный завтрак.

– Ребятки, извините, но мне надо бежать. Справитесь тут самостоятельно? В холодильнике полно еды. Какое счастье, что Патону лучше!

Если бы, подумал Чарли. Наверху хлопнула дверь. Значит, бабушка Бон вот-вот явится.

– Какое уж тут «самостоятельно». – Чарли многозначительно поднял глаза на потолок.

Мама прислушалась к грузным шагам, потом быстро бросила:

– Я не про это. Ну, приятного аппетита, а я помчалась. – И исчезла.

По счастью, к тому моменту, как бабушка Бон вплыла в кухню, мальчики уже успели расправиться с завтраком, а Билли даже напихал в карман гренков и бекона – для Босха.

– Тебе полезно поголодать, после того как ты слопал все мои деликатесы! – злобно сказала Чарли бабушка Бон, решив, видимо, что на завтрак внук получил только хлеб и воду.

Чарли уже был готов признаться, что паштет достался Спринтеру-Бобу, но передумал: ему хотелось провести выходные в мире и покое.

– Извините, бабушка, я по ошибке, – пробормотал он. – Мы пошли в парк. – Он поставил свою грязную тарелку в раковину и увидел, что старуха смотрит на него с улыбочкой, не предвещающей ничего хорошего.

– Ни в какой парк вы не идете, – объявила она. – Сейчас к нам придут важные гости.

– Кто это еще? – насторожился Чарли.

– Узнаешь, – прищурилась бабушка. – А теперь оба марш наверх, приведите себя в порядок. Через полчаса они будут здесь.

Билли тоже поставил тарелку в раковину. Вернувшись в комнату Чарли, он покормил проголодавшегося Босха, после чего альбинос и крыса завели беседу. Чарли терпеливо слушал попискивание на два голоса.

– Босх говорит, что мыши следует вернуться домой, – перевел Билли. – Незачем ей тут оставаться.

– Во-во, и нам незачем, чтобы она тут оставалась, – поддержал мысль Чарли. – Но даже если мы ее поймаем, то я лично понятия не имею, как запихнуть ее обратно в картину. То есть, конечно, я мог бы отнести ее сам, но соваться туда в третий раз не хочу. Со Скорпио станется вообще не выпустить меня.

– Если он все еще там, – напомнил Билли.

– Должен быть, – не слишком веря в свои слова, сказал Чарли. – Если бы Скорпио все-таки проник сюда, ну в наш век, мы бы давно об этом узнали. Он опасен, потому что занимается только всякими злыми чарами. Сам говорил – мол, обожаю пытать, отравлять, калечить и все такое.

– Ужас, – прошептал Билли. – Ну и тип. Время до приезда загадочных посетителей тянулось невыносимо долго. Оба мальчика беспокойно ерзали и то и дело бегали к окну, но по улице шли самые обычные прохожие и ехали самые обычные машины. В очередной раз выглянув в окно, Билли отскочил и весь задрожал.

– Он! Приехал!

К дому плавно подкатил черный автомобиль с тонированными стеклами. Чарли узнал эту машину с первого взгляда. Она уже приезжала за Билли, когда он здесь гостил. Пассажира Чарли тогда рассмотреть не удалось: он сунулся к машине и больно получил тростью по ноге. Такое и захочешь – не забудешь!

Из автомобиля вынырнул могучий шофер в черном костюме и вразвалку двинулся к задней дверце. Несмотря на то что его бритую голову покрывал шоферский картуз, Чарли все равно узнал приплюснутый нос, красное лицо и глазки-щелочки. Уидон! Школьный завхоз, он же и садовник. Тот, который все время гоняет ребят.

Уидон широко распахнул дверцу, потом сунулся внутрь, причем скрылся почти целиком, а затем вытащил на свет божий какой-то странный узел с тряпьем, накрытый клетчатым пледом. Впрочем, у узла имелась голова в черной ермолке, а также две тощие ноги в белых носках и красных бархатных шлепанцах.

– Это он и есть? – спросил Чарли у Билли. Альбинос кивнул с самым несчастным видом:

– Мистер Иезекииль. Он приехал за мной.

– Может, еще и нет. Давай подождем, там видно будет.

Тут из недр автомобиля появилась еще одна особа, захлопнула все дверцы и зашагала к крыльцу вслед за Уидоном с его ношей. Тетка Лукреция!

– Так и знал, что без нее не обойдется, – обреченно уронил Чарли.

– Чарли, Билли, ну-ка бегом сюда! Вас ждут! – крикнула снизу бабушка Бон.

Билли оставил Босха в коробке и вместе с Чарли спустился на первый этаж. Старуха Бон караулила их под дверью гостиной.

– Заходите, мальчики, заходите! – пригласила она с такой улыбкой, словно оба они выиграла билеты на футбольный матч.

Чарли вошел в гостиную первым и оказался лицом к лицу с древним-предревным стариком, которого бабушка Бон усадила в лучшее кресло. Морщинистое лицо старика, обтянутое пергаментной кожей, больше напоминало череп, жидкие сосульки седых волос падали на плечи. Запавший беззубый рот, крючковатый нос... и опасно поблескивающие черные глаза, пристальные и недобрые.

– Чарли Бон! Наконец-то мы познакомимся! – Мистер Иезекииль протянул Чарли жилистую руку, покрытую старческими пятнами.

Чарли замешкался: старик выглядел жутковато. Деваться было некуда, но, когда мальчик все-таки решился на рукопожатие, его пальцы оказались защемлены в железной хватке. Чарли дернулся и зашипел от боли, и тогда Уидон, сидевший на стуле подле старика, растянул рот в злорадной ухмылке.

– Ну а с Билли мы давние знакомые, – сказал мистер Иезекииль, отпуская руку Чарли, – даже, можно сказать, закадычные друзья, верно, Билли? – Он ухватился за палку, прислоненную к креслу, и постучал в пол у самых ног перепуганного альбиноса.

Билли только и смог, что кивнуть.

– Присаживайтесь, молодые люди, – проскрипел старик.

Мальчики повиновались и вдвоем втиснулись в ближайшее кресло. Бабушка Бон поместилась на диване бок о бок с теткой Лукрецией, которая светским тоном заметила:

– Как все чудненько устроилось.

Ага, мрачно подумал Чарли, просто хочется плакать от счастья.

– Итак, – мистер Иезекииль с шорохом потер костлявые руки, – прежде всего, я весьма рад, что вы подружились, юноши. Ведь нам

всем следует держаться плечом к плечу. Чем нас больше, тем лучше. Вы согласны?

– Не то чтобы... – отважился Чарли. – Это как посмотреть.

Старик нахмурился, а бабушка Бон возмутилась:

– Какая наглость! Чарлз, не дерзи!

Тетка Лукреция поддержала ее недовольным ворчанием.

– Я надеюсь, ты не собираешься пойти по стопам своего папаши, а? – ощерился на Чарли мистер Иезекииль. – Между прочим, тебе известно, по чьей вине я обезножел? Это все он, чтоб ему! Это он меня покалечил! Он заслужил смерти!

Чарли стиснул зубы. Внутри у него все кипело, и он с трудом держал себя в руках.

– Папа не умер, – процедил мальчик.

– Что?! – возопил старик. – Что ты сказал?

– Я сказал, что мой папа жив! – выпалил Чарли.

Старик сверкнул глазами и впился в Чарли взглядом. На несколько мгновений в гостиной повисло молчание, потом мистер Иезекииль трескуче хихикнул.

– Чем докажешь? – глумливо спросил он. Чарли молчал.

– А-а-а, нечем! Нечем!

Внезапно на старика напал приступ кашля, и бабушка Бон метнулась на кухню, принести воды. Воспользовавшись ее кратким отсутствием, тетка Лукреция напустилась на Чарли:

– Что ты за тупица, Чарлз! Что ты несешь чушь! Почему ты не можешь взять в толк, что говорить и что делать?

Чарли упрямо молчал, а Билли со страха вжался в спинку кресла.

Бабушка Бон принесла старику стакан воды, а потом сервировала чай – но почему-то только на три персоны: для мистера Иезекииля, тетки Лукреции и Уидона. Когда Чарли протянул руку к тарелке с печеньем, тетка Лукреция больно шлепнула его по руке.

– Ой! – Чарли поспешно отдернул руку.

– Ну зачем же так? Не надо обижать Чарли, – сказал мистер Иезекииль. – Нам нужно, чтобы он был за нас.

– Меня уже берет сомнение, стоит ли мальчик таких усилий. – Бабушка Бон фыркнула.

Чарли не удержался:

– Если вам так приспичило переманить меня на свою сторону, какой-то у вас странный подход, честное слово!

Бабушка Бон подняла брови. Тетка Лукреция двумя пальцами взяла печенье. Старик шумно отхлебнул чаю, потом проговорил:

– Что ты, Чарли, у нас и в мыслях не было причинить тебе вред. По крайней мере, ничего серьезного. Но время от времени нужно преподносить тебе урок, чтобы наставить на путь истинный.

– Это на какой же? – настороженно поинтересовался Чарли.

Мистер Иезекииль покачал головой:

– Чарли, я хочу, чтобы мы все объединили наши усилия. Только подумай, что будет, если вы все – одаренные, незаурядные дети, потомки Алого короля – объединитесь и примкнете к нам. Вместе мы сможем многое! Вот Билли уже это понял, верно, Билли?

Маленький альбинос заерзал в кресле.

– Билли – хороший мальчик, послушный, – вступила в разговор старуха Бон. – Ему что скажешь, то и делает. И не бунтует, правила соблюдает.

– Правила? – переспросил Чарли, весь подобравшись. – Папа нарушил правила, и что вы с ним сделали? А с дядей Патонем? Он поехал туда, куда вы не хотели его пускать, и теперь он... Это нечестно!

– На войне как на войне, – внезапно подал голос Уидон, подавшись вперед.

Прочие воззрились на него в изумлении, и Чарли вдруг почему-то показалось, что из всей этой компании завхоз Уидон – самый страшный тип.

Старик Иезекииль отставил чашку и в изнеможении вздохнул.

– Как это все утомительно, – проворчал он. – С меня хватит, я не привык спорить с маленькими детьми. Вот что, Чарли Бон, просто води себя хорошо и не прекословь нам. Ты прекрасно знаешь, что я делаю с теми, кто встает мне поперек дороги.

Чарли лихорадочно соображал, как бы отбрить старика, но... На каминной полке неизвестно откуда возникла та самая бурая мышка. Она лавировала туда-сюда между подсвечниками, потом села возле часов на задние лапки, подняла мордочку и запищала.

Бабушка Бон с теткой Лукрецией подняли было визг, но старик прикрикнул на них и быстро спросил Билли:

– Что она говорит? Ну же, переведи!

– Говорит – заблудилась, – поспешно сказал Билли. На самом деле мышка жаловалась не только на это: «Я тут с ума сойду! Где я? Как это меня сюда занесло?»

Билли хотел успокоить мышь, но не успел: Уидон метнулся к камину и прихлопнул ее картузом.

– Попалась, зараза! – провозгласил он.

Чарли и Билли в ужасе смотрели, как он вытаскивает несчастную мышь из картуза, и ждали самого худшего. Но Уидон вдруг злобно взревел, затряс рукой и выронил и картуз, и мышь.

– Кусается, дрянь! – рявкнул он.

– Если повезет, он подхватит чуму, – шепнул Чарли на ухо Билли.

Мышь молниеносно скрылась под диваном.

– Уидон, да оставьте вы эту гадость! – разозлился старик Иезекииль. – Я хочу немедленно покинуть этот дом! Билли, собирай вещи, поедешь со мной.

– Но я гощу у Чарли, – воспротивился Билли, – я приехал на все выходные и не хочу обратно в академию.

– Не смей перечить! – заорал старик. – Он на тебя плохо влияет. Марш за вещами, я сказал.

Билли кинул на Чарли отчаянный взгляд и, выбравшись из глубин кресла, побрел из комнаты с таким видом, будто шел на эшафот.

– Это несправедливо! – заявил Чарли. – Билли и так по выходным торчит в академии один-одинешенек.

– То ему несправедливо, это ему несправедливо, – передразнила внука бабушка Бон. – Тебя послушать, так вокруг сплошная несправедливость.

– Вот именно. – Чарли так трясло от всей этой компании, что он встал и пошел прочь, бурча себе под нос: – А держать мальчиков-невидимок под замком – это справедливо?

– Что ты сказал, несносный мальчишка? – крикнула ему в спину бабушка Бон.

Билли уже стоял посреди прихожей – с сумкой на плече и коробкой с Босхом в руках. Чарли только хотел посоветовать ему спрятать крысу подальше, как Уидон вынес из гостиной мистера Иезекииля.

– Это что такое? – Старик ткнул в коробку тростью.

– К-к-рыса! – Билли с перепугу и соврать не смог.

– Что-о-о? Немедленно выбрось.

– Но это моя крыса... мой друг, – заикнулся Билли.

– В моем доме никаких крыс, – отрезал старик.

– Но это бывшая крыса мистера Краплака, – пустился в объяснения Билли, не понимая, что губит себя. – А мистер Краплак исчез, и теперь о Босхе некому позаботиться.

В прихожую вылетели бабушка Бон с теткой Лукрецией. По поводу бурой мышки им повизжать не удалось, поэтому на крысе в коробке они отыгрались с двойной силой.

– Что? Крыса в доме? – бушевали обе. – Убить! Сию минуту!

Глаза Билли за толстыми линзами очков наполнились слезами.

– Как «убить»? Вы что? Не надо! – всхлипнул он.

Чарли не вытерпел и отнял у него коробку.

– Я за ним пригляжу, не волнуйся, – заверил он Билли.

– Я тебе пригляжу! – Старуха Бон разъярилась еще пуще. – Тоже мне выдумал, крыс в дом тащить! Уидон, ну-ка прибейте ее!

Но Уидон был занят транспортировкой мистера Иезекииля, поэтому Чарли, не теряя времени даром, выскочил на улицу и, обернувшись, крикнул:

– Билли, пока! Я отнесу Босха в надежное место! Понял?

– Вернись! – потребовала бабушка Бон.

– Мальчишка совершенно отбился от рук, – провозгласила тетка Лукреция.

– Ничего, это ненадолго, – заверил ее мистер Иезекииль, которого Уидон как раз загружал в автомобиль.

Но этого угрожающего обещания Чарли уже не услышал: он вихрем промчался по Филберт-стрит и бегом устремился к Надежному Месту. Лишь один раз он остановился и заглянул в коробку, чтобы проверить, как Босх переносит такую скачку. Крыса переносила скачку плохо: из коробки на Чарли глянули испуганные глаза-бусинки. Нос у Босха непрерывно дергался.

– Извини, старина, – пропыхтел Чарли, – извини, что пришлось тебя выселить, но ты бы там долго не продержался. – И он пустился бежать дальше.

На углу Лягушачьего переулка Чарли перевел дух и устремился к «Зоокафе».

– Привет, Чарли! – кивнул мальчику швейцар Нортон. – Что это ты такой взмыленный?

– Мне... нужен... мистер Комшарр. Он тут? – быстро спросил Чарли, показав Нортону коробку. – Крыса. Ей деваться некуда.

– Хозяин на кухне, проходи, – пригласил Нортон.

Сначала Чарли чуть не споткнулся о птичью клетку, потом едва не наступил на хвост какой-то колли, но наконец благополучно обогнул стойку и попал в кухню. Раскрасневшиеся мистер и миссис Комшарр пили чай за длинным столом. На плите наперебой булькало несколько кастрюлек, и жара в кухне стояла тропическая.

– Никак Чарли пожаловал! – воскликнул мистер Комшарр, вытирая лоб платком. – Садись, приятель, попей чаю.

– Спасибо, но я спешу, – отказался Чарли.

– Гав! – радостно раздалось из-под стола, и оттуда выскочил соскучившийся Спринтер-Боб.

Чарли поставил крысиную коробку на стол и обреченно терпел, пока пес не облизал ему все лицо. Потом он почесал Спринтера-Боба за ухом и оглянулся.

Босх сидел у самой чашки миссис Комшарр.

– Вот так сюрприз! – удивилась она. – Какой славный.

Спринтер-Боб, завидев крысу, заворчал, но Чарли сделал ему внушение:

– Тихо ты, он и так сам не свой! Понимаете, – мальчик обернулся к Комшаррам, – я принес его сюда, потому что больше некуда. У нас там бабушка Бон его просто убьет, вот я и подумал, тут он будет в безопасности. Его Босх зовут. Миссис Комшарр, вы ведь за ним присмотрите? Пожалуйста!

– Вот что, Чарли, объясни нам толком, в чем дело, – велел мистер Комшарр.

– И заодно чаю с тортом попей, – предложила его жена. – Садись, будь как дома.

Вообще-то Чарли задерживаться не собирался и очень нервничал: ведь мама вернется с работы и попадется прямиком в когти его разъяренной бабушки. Но кухня «Зоокафе» так благоухала свежими булочками и пирогом, а Комшарры так приветливо улыбались ему, что мальчик не устоял. Он устроился за столом и, уплетая огромный кусок шоколадного торта, рассказал хозяевам все с самого начала про

лазурного питона и мальчика-невидимку Рики Сверка, томящегося в одиночном заключении на чердаке. Кроме того, Чарли описал все события последних двух дней, включая визит старика Иезекииля, забравшего беднягу Билли.

– Понимаете, Билли хотел оставить Босха себе, они очень подружились, – объяснил Чарли, скармливая крысе крошки, – а Билли к тому же умеет разговаривать с животными. А этот мерзкий старикашка не позволил ему ни крысу взять, ни у нас дома остаться, а бабушка Бон велела Уидону – это стариков шофер – пристукнуть Босха.

– Ах, бедная зверюшка! – Миссис Комшарр прижала руки к груди. – Иди ко мне, лапочка!

Босх перепрыгнул через тарелку и приземлился на колени к миссис Комшарр. Похоже, он понимал не только Билли.

– Значит, твой дядя заболел чем-то таинственным, – задумчиво сказал мистер Комшарр, глубоко уважавший дядю Патона. – И ты не знаешь, чем и отчего.

– Я знаю только, что он ездил в замок Юбим и там его кто-то отделал, – отозвался Чарли.

Комшарры в ужасе уставились на мальчика.

– Страшное место, – вымолвил наконец мистер Комшарр с дрожью в голосе.

– А вы там бывали? – спросил Чарли.

– Никогда в жизни. Меня туда и волоком не затащишь. Чарли, повторяю, это страшное место. Там гнездится зло. Считаю, твоему дяде сильно повезло, раз он выбрался оттуда живым.

– Выбраться-то выбрался, но... что с ним будет дальше? Он выживет?

– Нам остается только надеяться, Чарли, – ответила миссис Комшарр, и в голосе ее не звучало ничего похожего на надежду.

Глава 10

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

По дороге домой Чарли заглянул в книжный магазин Ингльдью. Эмма стояла за прилавком, а ее тетя возилась в кладовой, упаковывая книги.

– Передай мисс Ингльдью, что дядя Патон вернулся, ладно? – попросил Чарли. – Только он неважно себя чувствует.

– А что с ним? – спросила Эмма.

– Как тебе объяснить... Какой-то ужас, на него смотреть страшно, – пожаловался Чарли. – Ох, я уже боюсь, что он вообще... вообще не поправится.

– Но почему? – встревожилась Эмма. – Ты объясни толком, что с ним стряслось? Это какая-то тайна? Нет?

– Сам точно не знаю, – отрывисто бросил Чарли. – Все, мне надо бежать, извини. У нас там дома... кое-что произошло, когда я уходил. – И он выбежал из магазина, оставив Эмму в полнейшем недоумении.

Дома его встретила подозрительная тишина.

Билли явно увезли обратно в академию. Бабушки Бон было не видно. Проголодавшийся Чарли, которому шоколадного торта в «Зоокафе» оказалось определенно мало, полез в холодильник и выставил на стол сыр, масло и колбасу. Все это он утрамбовал между двух толстенных ломтей хлеба, подумал и намазал бутерброд снаружи ореховой пастой. Чарли уже хотел приступить к еде, но вспомнил про дядю Патона. Соорудив еще один такой же бутерброд, прибавив к нему стакан сока и поставив все это на поднос, мальчик отправился наверх.

К его великой радости, дядя отозвался на стук немедленно и крикнул: «Заходи!» – а при виде бутербродов и сока воскликнул: «Отлично, закусим!» Он устроился на подушках повыше и похлопал по постели. Чарли водрузил поднос на кровать и с облегчением заметил, что дядя Патон нашел в себе силы переодеться из костюма в пижаму. Видимо, его даже хватило на то, чтобы принять душ, хотя в комнате по-прежнему пахло как-то странно: то ли гарью, то ли чем еще.

– Дядя Патон, так что случилось? Сейчас вы можете рассказать?

Дядя одним глотком опустошил полстакана сока, прочистил горло и начал:

– Кхм... Видишь ли, Чарли, для начала необходим некоторый экскурс в прошлое нашего семейства. Все началось, когда мне было семь. Помнишь, я тебе говорил, как в день рождения обнаружил свой дар?

– Еще бы! – ответил Чарли. – Это когда все лампочки взорвались и все гости разбежались и вам досталось столько мороженого, что у вас живот разболелся?

– У тебя отличная память, – кивнул дядя. – Так вот, вскоре мы с родителями отправились в замок Юбим навестить мою тетку Иоланду.

Дядя потер шею, как будто что-то его душило. Чарли ждал, затаив дыхание.

– Моя мама была француженкой, – продолжал дядя. – Красавица неопикуемая, актриса, но когда она вышла за отца, то обнаружила, что обожает детей. Родила пятерых и оставила сцену. Моими способностями она очень гордилась – в ее семье почти никто талантами не выделялся, тем более такими. В первый же вечер, как только мы прибыли в замок, мама рассказала о моем даре Иоланде. Это произошло за ужином. Как сейчас помню, столовая в замке помещалась на первом этаже – длинная, темная зала. Всего нас за столом было восемь, в том числе твой папа, Лайелл, тогда двухлетний малыш. Его отец, летчик, к тому времени уже погиб – его самолет разбился где-то в пустыне. Итак, мама сказала: «А знаете, тетушка Иоланда, Патон из одаренных». Глаза у Иоланды прямо загорелись – я до сих пор вижу их перед собой как наяву. – Дядя Патон прервался и с удовольствием впился в бутерброд. – И тут моя сестрица Венеция – ей тогда было двенадцать – подает голос. «Ах да, – говорит, – одаренный, как я. А Юстасия у нас ясновидящая. А Гризелде с Лукрецией не повезло, бедняжкам, у них никаких талантов». Можешь себе представить, старшие сестры разобиделись, а потом Гризелда и отвечает: «Кто знает, может, когда-нибудь малыш Лайелл проявит дарование». Тетка Иоланда обвела нас голодными глазами – ну сущий крокодил! – Дядя опять откусил бутерброд и с интересом осмотрел остаток. – С чем это он, а, Чарли? Безумно вкусно!

– Не помню, – нетерпеливо сказал Чарли и взмолился: – Дядя Патон, рассказывайте дальше, ну пожалуйста!

Дядя внезапно помрачнел и отложил бутерброд на поднос.

– Замок Юбим – ужасное место. Он выстроен на высокой скале, и вокруг него как будто все время клубится мгла. И сам он тоже как мрак ночной, что внутри, что снаружи. А внутри к тому же весь в саже. Вообрази, хозяева так и не провели туда электричество. Все лестницы темные, узкие, крутые. На второй день мама упала на одной из них и сломала себе шею. – Тут дядя Патон опять смолк и потер горло. Потом глубоко вздохнул и продолжал: – В это время мы все гуляли в саду. То есть в замке это называлось садом, но на самом деле – просто запущенный луг. Мы слышали мамин крик, папа добежал до нее первым, за ним я. Она... она лежала у подножия самой крутой и темной лестницы, которая вела из холла. Мама успела выговорить только: «Не позволяйте ей...» – и ее не стало. – Дядя Патон вытащил из-под подушки носовой платок и бурно высморкался.

– Это что же получается – Иоланда ее толкнула? – угрюмо спросил Чарли, заранее зная ответ.

Дядя опять вздохнул:

– Конечно, я уверен. Но как это докажешь? К тому же мои сестрицы уже полностью подпали под ее чары и горло бы за нее кому угодно перегрызли. Знаешь, они даже отказались тогда уезжать из замка. Меня Иоланда тоже попыталась оставить у себя. Чего только она не испробовала: и уговаривала, и умасливала, и орала на меня, и ногами топала, и чашками кидалась! В змею перекидывалась, в летучую мышь, в волчицу – она ведь умеет менять обличья. Попыталась было загипнотизировать отца, но он подхватил меня и был таков. И потом день и ночь держал меня под присмотром, пока я не подрос.

– Так вы ездили в замок Юбим, чтобы Иоланда не наведалься сюда? – догадался Чарли.

Дядя Патон кивнул и подтвердил:

– Тогда, ночью, я случайно услышал, как мои сестрицы строят планы, вот и решил успеть к Иоланде первым. Но я опоздал: в замке ее не было и...

– Дядя Патон! – перебил Чарли. – Она здесь.

– Как?! – Дядя откинулся на подушку. – Этого я и опасался. И что она? В каком облике явилась?

– Выглядит как девочка, – сообщил Чарли, – причем довольно симпатичная, но только у нее глаза все время меняют цвет – будто она забывает, какими они должны быть. Я как ее увидел, сразу почуял: что-то с ней не то.

Она поселилась у теток, в Сквозняковом проезде. Но скажите, что ей здесь понадобилось, теперь-то? Ведь столько лет прошло.

– Мне удалось разобрать только обрывки фраз тогда ночью, – ответил дядя Патон. – Это было в полночь, я как раз пошел на кухню перекусить, и тут они. Терпеть не могу, когда они трещат, поэтому я спрятался в кладовку. Конечно, это недостойно джентльмена. Хорошо еще, у меня была с собой чашка чаю. Они начали что-то обсуждать про Иоланду, потом перебрались в гостиную, а я обдумал услышанное и понял, что Иоланда приглашена помочь старику Иезекиилю. Он явно задумал какое-то темное дело.

У Чарли перехватило дыхание.

– Питон! – вскрикнул он. – Старик заполучил лазурного питона, который превращает людей в невидимок. Из-за него уже пострадал Рики Сверк.

– И похоже, что пока это волшебство работает только в одну сторону, – подхватил дядя, – то есть стать невидимкой можно, но расколдоваться обратно нельзя. Ясное дело, Иезекиилю-то хочется свободно превращаться туда-сюда. Но волшебник он никакой, поэтому у него мало что получается.

– Вот он и тренируется на Рики... – пробормотал Чарли. – А Рики заперт на чердаке.

– Боже милосердный, что же дальше будет? – покачал головой дядя Патон.

Чарли попытался переключить дядино внимание обратно на неудачный визит в замок: мальчику страстно хотелось узнать, что же там произошло.

– Дядя Патон, – осторожно спросил он, – а как вы потеряли свой дар? Там, в замке?

Дядя мгновенно побледнел, прикрыл глаза, и лицо у него лишилось всякого выражения. Похоже, пока он не мог заставить себя рассказать о пройденном испытании – слишком страшным и тяжким оно было.

Кто-то позвонил во входную дверь.

Видимо, старуха Бон все это время хотя и не показывалась, но была дома, потому что до ушей Чарли донеслись ее шаги в прихожей, а затем и голос:

– Нечего вам тут делать. Уходите!

Чарли распахнул окно и выглянул на улицу.

– Это мисс Ингльдью, – быстро сказал он, – и с ней Эмма. Привет, Эм! – крикнул он.

– Джулия? – Дядя Патон распахнул глаза. – Так она хочет меня видеть?

– Привет-привет! – Эмма помахала Чарли внушительным букетом роз.

Мисс Ингльдью тоже посмотрела вверх:

– Здравствуй, Чарли. Я к твоему...

– Я, кажется, попросила вас убраться! – прорычала бабушка Бон, шагнув на крыльцо.

– Но я хочу навестить мистера Юбима, – возразила мисс Ингльдью. – Мне сказали, что он заболел, мы вот ему бананов принесли... – Она показала старухе кулек. – Они очень полезны при...

– Обойдемся без ваших бананов, свои есть! – Бабушка Бон надвигалась на ненавистных ей гостей. – А мистер Юбим слишком скверно себя чувствует, чтобы принимать посетителей.

– Ничего подобного! – вмешался Чарли.

– А ну цыц! – рявкнула на него бабушка, не поворачивая головы и все надвигаясь на мисс Ингльдью с Эммой, которые вынуждены были сойти с крыльца.

– Ну что вы, право, миссис Бон, – увещевала старуху мисс Ингльдью, – я уверена, что Патону наш визит не повредит. Я так за него волнуюсь! Как вы не понимаете!

Дядя Патон из бледного тотчас сделался алым, как помидор, после чего побледнел обратно, потому что попытался подняться с кровати.

– Джулия! – обессиленно прошелестел он. – Чарли, не отпускай ее, удержи!

– Прекратите преследовать моего брата, – отчеканила между тем старуха, тесня гостью. – Я уже сказала, нечего вам тут делать.

– Я его не преследую! Я вообще в жизни никого не преследовала! – Мисс Ингльдью, до глубины души оскорбленная такой клеветой, гордо вскинула голову, увенчанную тяжелым узлом темных

волос, развернулась и с очень прямой спиной пошла прочь. Эмма растерянно помахала Чарли, подхватила розы и побежала за ней.

– Ушла? – сипло спросил дядя Патон.

– Увы, – развел руками Чарли. – Похоже, бабушка Бон здорово ее обидела.

Дядя в отчаянии закрыл лицо руками.

– Все кончено, – простонал он. – Несчастный я человек. Лучше бы мне умереть!

– Прекратите! Не смейте так говорить! – От такого невыносимого зрелища Чарли взвился как ужаленный. – Я сейчас же пойду и уговорю ее вернуться.

Но в прихожей дорогу ему преградила бабушка Бон.

– Ты куда это направляешься? – спросила она.

– На улицу, – процедил Чарли.

– Никуда ты не пойдешь. Тебе уроки учить надо. Готовиться к контрольной, которая, насколько мне известно, в понедельник. Еще зубрить и зубрить, так что марш к себе, и за учебники! Сию же секунду!

Чарли чуть не лопнул от возмущения.

– Как вы могли так поступить с дядей Патоном?! – обрушился он на бабушку. – Он так хотел видеть мисс Ингльдю, так ее ждал!

– Нечего ему водиться с этой особой. Более чем неподходящее знакомство, – отрезала старуха. – Если ты сейчас же не сядешь за уроки, я сообщу кому надо и в следующие выходные тебя домой не отпустят. В сущности, после твоих безобразных выходов нынче утром ты и так уже заработал наказание.

– Да я... Да вы... – Чарли вовремя заставил себя замолчать и, стиснув зубы, ушел к себе. Еще секунда – и он бы наговорил бабушке Бон столько грубостей, что не видать бы ему выходных до конца дней своих.

Мальчик засел за уроки и принялся яростно затверживать наизусть исторические даты, названия рек, гор и морей, английскую грамматику и французские глаголы. Через несколько часов у Чарли отчаянно разболелась голова и он понял, что уже не зубрит, а забывает вызубренное. Вскоре он уже впал в такое состояние, что время от времени высовывался в окно поглядеть, не покажется ли Бенджамин, пребывавший в данный момент в далеком Гонконге. Но на улице не

мелькало ни одного знакомого лица, а в голове жужжали, путаясь друг с другом, даты, глаголы, названия рек и морей, и день все не кончался и не кончался, и все было хуже некуда, пока Чарли не вспомнил о волшебной палочке.

Та валялась под кроватью и серебристо поблескивала в лучах солнца. Чарли поднял палочку и погладил пальцем теплую гладкую поверхность — держать ее в руках было приятно и как-то успокаивающе, точно кота за ухом чешешь или на перине лежишь.

И тут Чарли осенило: раз Скорпио увел палочку у валлийского чародея, почему бы не попросить у нее помощи по-валлийски? Ведь он, Чарли, один раз уже проделал это прошлой зимой, и весьма удачно, когда вызволял попавшего в переplet Генри Юбима, гостя из прошлого. Чарли поспешно пролистал англо-валлийский словарь. Оказалось, что слово «помоги» по-валлийски произносится почти как по-английски, только все гласные надо тянуть нараспев.

Вернувшись за стол, Чарли уставился на колонку французских глаголов, рядом с которыми стояли их английские значения. Он сжал волшебную палочку в руке и нараспев произнес: «Поо-о-о-мо-о-о-ги-и-и!» Потом для верности повторил это слово еще раза два.

Сначала ничего особенного не происходило, а потом Чарли померещилось, будто кто-то прошептал ему в самое ухо: «Смотри сюда!» Мальчик покрепче перехватил палочку и еще внимательнее вперился в тетрадку. Потом набрался решимости, закрыл линейкой столбик английских слов и принялся за проверку.

О чудо! Он запомнил все глаголы!

Чарли пришел в такой буйный восторг, что, захлопнув тетрадку, влетел в комнату к дяде и даже не постучался.

Дядя лежал на постели навзничь, с закрытыми глазами и самым трагическим выражением на лице. Чарли начисто забыл о несостоявшемся визите мисс Ингдью.

— Дядя Патон, извините, что потревожил, — тихо, но настойчиво окликнул его Чарли. — Тут... такое случилось! Такое! Просто потрясающе!

— Что? — вяло отозвался дядя.

— Помните, вы брали с собой волшебную палочку, когда ездили в замок Юбим? И она там вся обгорела? Так вот, она почему-то опять в полном порядке, совсем как новенькая! Посмотрите! И еще я

попробовал поколдовать, чтобы она мне помогла французский вызубрить. И знаете что? Сработало! Разве не фантастика? – единым духом выпалил Чарли.

Дядя открыл глаза, не без труда сел и с интересом посмотрел на Чарли, а затем – на сверкающую палочку.

– Весьма любопытно, – пробормотал он. – Чрезвычайно.

– Может, это мне глупости в голову лезут... – Чарли замялся. – Дядя Патон, а вдруг палочка на самом деле моя?

– Милый мой, но как это может быть? – возразил дядя. – Ты же извлек ее из старинной картины.

– Да, но... – Чарли заколебался, сообщать ли дяде, что Скорпио не пожелал забрать палочку обратно. Как-никак, дядя Патон неоднократно предупреждал его, Чарли, чтобы больше не смел носа совать в картину.

Дядя неожиданно уставился Чарли под ноги, и мальчик мгновенно с дрожью догадался, на что тот смотрит. Дверь-то он запереть забыл, вот в комнату и пролезла незваная гостья. Чарли тоже глянул себе под ноги. Ну точно – вот она! Сидит около его ботинка и попискивает.

– Это непростая мышь, – заметил дядя Патон. – Я и раньше знал, что у нас дома водятся мыши, но эта какая-то несусветно дряхлая. Не знаю, почему мне так кажется.

– Она и есть дряхлая, – со вздохом сознался Чарли.

Дядя перевел на племянника подозрительный взгляд и потребовал немедленно объясниться.

Чарли, экая, мекая и запинаясь, рассказал, как на минутку заглянул в картину к Скорпио... одним глазком... туда и обратно...

– Я для вас старался, дядя Патон! – оправдывался он. – Думал, может, у Скорпио найдется что-нибудь целебное. Вот тогда-то он и сказал, что палочка на самом деле моя. Представляете, этот колдун так и рвался на вас посмотреть, но я его не пустил. Ну вы же видите, я выбрался оттуда цел и невредим, а мышь почему-то пролезла вслед за мной, хотя вообще-то сидела у Скорпио в кармане.

– Что?! – Дядя Патон рухнул обратно на подушки. – Значит, чародей тоже здесь!

– Может, еще и нет... – со слабой надеждой в голосе предположил Чарли. – Я хочу сказать, если бы он пробрался в наш мир, он бы уже успел натворить бед, разве нет?

– Дурень! – сердито сказал дядя. – Размышь здесь, значит, и Скорпио здесь.

– Так ведь он до сих пор на картине! – робко возразил Чарли.

– Это просто его изображение, понимаешь? – повысил голос дядя. – А его сущность, его дух, его дурь, его колдовство и коварство – все это на свободе! У нас! Здесь!

Чарли невольно втянул голову в плечи. Повисло тягостное молчание. Потом мальчик спросил:

– А как мне быть с мышью?

Та на всякий случай юркнула под дядину кровать.

– Да какая теперь разница! – обессиленно отмахнулся дядя Патон. – Чарли, Чарли, что же ты натворил! Я уж думал, положение мое хуже некуда, а нет: я лежу пластом, а этот тип шастает на свободе. – Он прикрыл глаза.

Пристыженный Чарли хотел было вернуть разговор к завлекательной теме волшебной палочки, но понял, что дядя не желает больше его видеть.

– Извините, дядя Патон, я нечаянно, – прошептал мальчик и прикрыл дверь, оставив дядю в одиночестве, если не считать общества древней бурой мышки.

На кухне позвякивали чашки и блюда – это мама вернулась с работы. Обрадованный Чарли для скорости съехал по перилам.

– А где Билли? – удивилась мама. Пришлось поведать ей о неожиданном посещении мистера Иезекииля.

– Бедный ребенок, – вздохнула мама. – Должно быть, ему очень одиноко. Надо что-то придумать! Уверена, желающие его усыновить найдутся, он такой славный.

– Блуры нипочем его не отпустят, – хмуро сказал Чарли. – Им нравится держать людей в рабстве.

– Что да, то да, – тихо отозвалась мама, на миг замерев с чайником в руке. – Отнесешь дяде чаю, ладно?

– Кхм... – замешкался Чарли, – по-моему, лучше мне к нему не соваться.

– Почему вдруг?

– Ну... мы с ним... кажется, он на меня немножко рассердился.

Чарли всегда считал, что мама у него просто отличная: никогда не делает трагедии из его ссор с домашними. Вот и сейчас она только

вздыхнула и, поставив на поднос чашку и вазочку с печеньем, сказала:

– Хорошо, я сама.

Через несколько минут мама вернулась с пустым подносом и обеспокоенно сказала Чарли:

– Что-то мне Патон совсем не нравится. Лежит носом в подушку, бледный как мел, без сил и еле отвечает. Чарли, что с ним такое стряслось?

– Он побывал в замке Юбим. – Чарли решил не скрывать правду.

Мама чуть поднос не выронила.

– Как? В обителище этой жуткой Иоланды? Это она с ним такое сотворила?

– Нет, мам, это кто-то другой. Или что-то другое. Дядя ни в какую не говорит, кто и что. А Иоланда сейчас не у себя в замке, а тут, у нас в городе. Она живет у теток, только не в виде старухи, а в виде девочки – примерно моего возраста. Называет себя Беллой. Она с тетками уже один раз приходила в гости, когда ты была на работе.

Испуганная, мама прижала ладонь ко рту.

– Чарли, не становись им поперек пути! – взмолилась она. – Когда-то Иоланда пыталась силой оставить у себя в замке твоего папу. Он тогда был еще ребенком. Ему повезло: оказалось, что он не из одаренных, поэтому Иоланда утратила к нему интерес.

– Не знаю, повезло или нет, – усомнился Чарли. – Будь папа одаренным, он бы, может, еще постоял за себя.

– Кто знает? – Лицо у мамы сделалось задумчивым. – Как жаль, что ты тоже из этого семейства!

– Ничего не попишешь, какой уж есть. – Чарли расправил плечи. – И я их не боюсь. Пусть только попробуют ко мне лезть – крепко пожалеют!

Мама ободряюще улыбнулась ему.

В воскресенье Чарли решил прогуляться в «Зоокафе»: благодаря волшебной палочке он как раз успел подготовиться к контрольной и выучить все уроки.

– А, вот и ты, Чарли! – приветствовал его швейцар Нортон. – А Спринтер-Боб тебя заждался. Ты ведь с ним погуляешь?

Чарли виновато замешкался на пороге. Он совсем забыл про бедного пса.

– До парка далековато, – неуверенно сказал мальчик.

– Тогда хоть на пустоши погуляйте, – предложил Нортон. – Ты не представляешь, как он без тебя скучал.

Чарли уже хотел было пройти на кухню, но заметил в дальнем углу Оливию и Лизандра. Едва завидев Чарли, Оливия вскочила и замахала руками: мол, иди к нам! Выглядела она сегодня до странности нормальной: ни тебе радужного грима, ни тебе экстравагантной прически дикой расцветки.

Не без труда Чарли пробрался к столику – под ногами путалось целое полчище мохнатых кроликов.

– Что это ты нынче без боевой раскраски? – поинтересовался он у Оливии, причем чуть не споткнулся о ее белого кролика и ухватился за стул.

– Готовлюсь к спектаклю перед каникулами, – объяснила девочка. – Дай, думаю, похожу пока в человеческом виде, а потом ка-а-а-ак загримируюсь на премьеру – все просто рухнут!

– Жду не дожусь! – заверил ее Чарли. – Вот уж не ждал встретить вас здесь.

– Мне надоело сидеть дома, – сказала Оливия. – А у Лизандра были свои резоны прийти.

Чарли бросилось в глаза, что африканец, обычно весьма жизнерадостный, сегодня просто не мог усидеть на месте: он ерзал на стуле, бросал по сторонам встревоженные взгляды. Его серый попугай Гомер то и дело перепархивал с одного плеча хозяина на другое, а то и на голову.

– А Танкред где? – спросил Чарли.

– Отец засадил его за уроки – к контрольной готовиться. Я-то уже все вызубрил, не мог больше дома торчать.

– Что-то случилось? – забеспокоился Чарли. Лизандр покачал головой.

– Духи предков на меня рассердились, – пробормотал он. – Спать не дают. Всю ночь грохотали у меня в голове своими барабанами и завывали заклинания.

Попугай вдруг завопил:

– Кар-ра-ул! Катастр-р-рофа!

– Гомер нутром чует, когда дело неладно, – кивнул на птицу Лизандр. – Он всегда такой, когда предки мной недовольны.

– А почему бы предкам не объяснить тебе, что им не нравится? – удивилась Оливия.

Лизандр бросил на нее мрачный взгляд:

– Потому что я должен сам это выяснить! Надо сказать, духи предков Лизандра были больше, чем просто какие-то заурядные привидения: они обладали огромной магической силой. Чарли уже случалось иметь с ними дело: не раз и не два их сильные коричневые руки, их острые копья и крепкие щиты вызволяли мальчика из беды. И если уж духи предков разгневались, то неспроста.

– Пошли прогуляемся! – предложил друзьям Чарли, надеясь, что свежий воздух приободрит Лизандра.

– Отличная идея! – Оливия подхватила за шкурку своего кролика.

Как раз в этот момент мистер Комшарр и вывел в зал Спринтера-Боба. Пес рвался к Чарли, а кошки с кроликами так и брызгали от него в разные стороны.

– Он соскучился по тебе, Чарли, – сказал мистер Комшарр, наблюдая за тем, как мальчик терпеливо сносит крепкие псиные объятия и липкие поцелуи в нос.

– А как Босх? – спросил Чарли, когда Спринтер-Боб немного утомился.

– Цветет и пахнет, – сообщил хозяин «Зоокафе». – Моя жена души в нем не чает, да и Огнецы тоже.

– Надо же! – поразилась Оливия. – Кошки мышку не едят.

– Это непростые кошки, – серьезно напомнил ей мистер Комшарр. – Ну, шагайте, ребятки. Чарли, смотри погуляй с псом как следует, и пусть он побегает. Мне-то за ним не угнаться.

Троица друзей и их питомцы отправились на вересковую пустошь, которая начиналась сразу за окраиной города. Оливия несла кролика в корзинке, а попугай так и *ехал* на плече у Лизандра, подсакивая в ритм его шагам.

На пустоши Чарли сразу спустил Спринтера-Боба с поводка, и пес, заливаясь счастливым лаем, стал носиться туда-сюда и нюхать траву. Попугай Гомер снялся с плеча Лизандра и тяжелыми нырками летел за Спринтером, хрипло выкрикивая какую-то чушь:

– Кар-ра-ул! Сор-р-рвался с катушек! Слетел со свор-р-рки!

– Гомер! Наоборот! Это со сворки срываются, а с катушек слетают! – весело крикнула вслед попугаю Оливия.

– Что ты к словам цепляешься, это он от расстройства, – одернул ее Лизандр.

– Умственного, что ли? – захихикала девочка, бойко прыгая по вереску.

– Ничего смешного! – зарычал африканец. – Когда Гомер расстроен, он все путает! Как я! А я тоже расстроен!

– Ах, извини-и-и! – пропела Оливия. – Вижу, ты тоже с катушек слетел.

Чарли недовольно покосился на хохочущую Девочку. Вольно ей потешаться над Лизандром!

Она и понятия не имеет, каково бедняге! Слов нет, Оливия – отличная девчонка и надежный друг, но некоторых вещей она в упор не понимает, особенно насчет одаренности. Вот побывала бы в нашей шкуре, так знала бы, что одаренным быть – не сахар. Совсем не сахар...

– Уймись, – вполголоса попросил он Оливию, поймав за рукав.

Та вопросительно подняла брови, но многозначительный взгляд Чарли сделал свое дело.

– Пожалуй, не пойду я завтра в школу, – пробурчал Лизандр.

– Почему? – спросил Чарли.

– Сам не знаю. Не хочется. Что-то мне подсказывает – попаду я там в передрыгу. – Лизандр говорил все тише и тише, так что Чарли с Оливией еле разбирали его слова.

– Как это не пойдешь? – взвился Чарли. – Надо! А как же скульптура? Как же Рики Свек?

– А тебе-то что? – удивился его горячности Лизандр.

– Мне? Тоже сам не знаю, – подумав, ответил Чарли. – Ну, вроде как виноватым себя чувствую перед Рики, потому что больше не пытался его спасти. Не до того было. Но ты сам подумай, каково ему там, на чердаке, одному, в пылице, в темнотище, да еще и невидимкой. И к тому же он понятия не имеет, сколько там просидит и выберется ли вообще! Нет, надо его вытащить, и как можно скорее! Мы должны, Лизандр, мы обязаны! Ну пожалуйста, пообещай, что придешь в понедельник в школу! Прошу тебя!

– Ладно, подумаю, – неопределенно откликнулся Лизандр.

Он посвистал попугаю, и большая серая птица, покружив, опустилась к нему на плечо.

– Пока! – Лизандр повернулся и размашисто пошел прочь, глядя себе под ноги.

Попугай Гомер ехал у него на плече задом наперед, глядя на Чарли с Оливией блестящими круглыми глазами.

– Бер-р-р-регитесь! – прокричал он напоследок.

Глава 11

ПОЗОЛОЧЕННАЯ ПАУТИНА И БЫК ИЗ БИФШТЕКСОВ

Поднимаясь по крутому склону холма к дому, на Вершины, Лизандр неожиданно для себя запыхался. Мальчик насторожился: раньше с ним ничего подобного не случалось! С чего бы это он, такой сильный, на голову выше всех в классе, отличный спортсмен и школьный чемпион по легкой атлетике, вдруг стал задыхаться, как дряхлый старик?

Барабаны предков! Вот в чем дело! Они оглушительно гремели в голове у Лизандра, и голова у него шла кругом. Вот потому-то он и задыхался.

– Катастр-р-рофический обор-р-рот! – проорал попугай с плеча хозяина.

– Хуже некуда, – согласился Лизандр. Он как раз преодолел самую крутую часть подъема, с облегчением очутился на ровной площадке и остановился передохнуть. Отсюда, с Вершин, город был виден как на ладони, и над всем властвовал огромный и величественный купол собора. Прочие здания рядом с ним казались скворечниками, и только мрачная постройка на северном конце города могла с ним состязаться.

– Академия... – неприязненно процедил Лизандр.

От одного вида школьных стен ему почему-то стало дурно: глаза ело, кожа горела, горло саднило. Лизандр рванул воротник рубашки так, что пуговица отлетела, а сам рванулся к дому. Вот наконец и высокие кованые ворота! Миновав их, мальчик припустил по ровно подстриженным зеленым лужайкам к шикарному белому дому.

Его мама, миссис Джессамин Вед, красивая и статная женщина, смотрела какую-то телевизионную игру, но, стоило зазвучать шагам Лизандра, она мгновенно поняла, что с сыном неладно. Он с топотом промчался к себе в комнату, и каждый его шаг отдавался под крышей дома барабанным грохотом. Лизандр унаследовал свой дар именно от матери: миссис Вед тоже временами слышала, как духи предков

барабанной дробью требуют внимания, чтобы сообщить какое-нибудь пророчество или дать совет.

Миссис Вед не без труда поднялась из удобного глубокого кресла. Ей, такой полной и крепкой, последнее время стало тяжело двигаться, но миссис Вед и без голосов предков точно знала, что ждет ребенка. Придерживаясь за перила, она спустилась на первый этаж. Комната Лизандра помещалась между комнатами его сестер, десяти и четырнадцати лет, и обе девочки слушали что-то оглушительное и крайне немелодичное – судя по всему, рэп. Громкий речитатив и гитарные аккорды заглушали барабанный бой, если он и раздавался.

– Гортензия! Александра! Утихомирьтесь! – Повелительный голос матери прозвучал так непрерываемо, что обе дочери тотчас послушались и сделали музыку потише. Теперь стала отчетливо слышна громкая барабанная дробь в комнате у Лизандра, а когда миссис Вед заглянула к нему, звуковая волна едва не сшибла ее с ног.

– Лизандр, успокойся! – крикнула миссис Вед, попятившись. Она всегда выражалась весьма лаконично: зачем тратить лишние слова?

Сын лежал на кровати, закрыв глаза и заткнув уши. Но мамин голос он слышал и поднял веки.

– Ну-ка о дереве думай, сынок, – нараспев начала миссис Вед, – ствол его крепок, могуч и высок, ветви его до небес достают, листья его не шуршат, а поют. Думай о дереве – о короле, долго бродившем по этой земле...

Лизандр больше не затыкал уши и с облегчением вздохнул.

– То-то же! – Миссис Вед опустилась на край кровати. – Тебе лучше?

Мальчик кивнул. Заклинание всегда срабатывало. Стоило Лизандру представить себе дерево с алой листвой или портрет Алого короля, украшавший класс в академии, где одаренные учили уроки, – и он успокаивался. Барабанная дробь постепенно стихала и теперь звучала у него в голове не громче стука дождя по крыше. По крайней мере, соображать она уже не мешала.

– Рассказывай, – велела мама.

– Передр-р-ряга! – подал голос попугай, сидевший на подоконнике.

– Тебя не спрашивают! – цыкнул на него Лизандр. – Но он прав, случилась какая-то беда – не знаю, что именно, но в академии

страслось нечто скверное. Я видел, как над ней поднимается дым, и у меня вся кожа просто огнем горела. И еще, мам, предки вне себя от гнева.

– Без причины они не гnevаются, – коротко заметила миссис Вед.

– Не пойду я в школу в понедельник, – заявил Лизандр. – Я... мне никогда не было так паршиво. Я просто не могу... не готов столкнуться с тем, что там произошло.

– Ты должен. – Миссис Вед ободрительно похлопала сына по плечу. – Тебе обязательно надо пойти в школу.

– Вот и Чарли Бон то же самое говорит.

– Чарли?

– Да. Ну, знаешь, тот пацаненок, который вечно ходит лохматый. Помнишь, мы были на дне рождения у его дяди? Чарли младше всех, но он только и делает, что ввязывается в какие-то истории, а мы с Танкредом и Габриэлем – вслед за ним. На этот раз он пытается вызвать одного мальчика, которого превратили в невидимку.

– В невидимку? – встревоженно переспросила миссис Вед.

– Ага. Я вырезаю его портрет из дерева, – продолжал Лизандр. – Знаешь, мам, так здорово получается! Наверно, самая удачная моя работа. Понимаешь, я решил, что предки помогут расколдовать невидимку, если будут знать, как он выглядит. Но барабаны... они твердят, будто я сделал что-то не так.

Миссис Вед встала.

– Не ты, сынок. Кое-кто другой. Отправляйся в школу и разберись. – Она двинулась к двери, и ее длинная цветастая юбка шуршала, как морской прибой.

– Пр-рекр-р-расное р-р-развлечение! – закричал попугай.

– Кому как. – И миссис Вед удалилась.

Наступил понедельник, и предчувствия Лизандра не замедлили оправдаться.

Первое, что увидели Чарли с Фиделио, выбежав в сад после контрольной по истории, была компания их друзей, столпившаяся вокруг кострища, причем довольно свежего. В самом кострище ничего особенного не было – захоз Уидон частенько жег на задворках академии мусор, – но вот выражение на лицах друзей Чарли насторожило. Лизандр как будто окаменел и уставился на угли, точно не веря своим глазам. Танкред весь напрягся, и его соломенная

шевелюра искрилась от волнения. Оливия, стоявшая по другую руку от Лизандра, заметила Чарли и отчаянно замахала ему. Чарли с Фиделио мгновенно оказались рядом.

На выжженном пяточке валялись какие-то обгорелые сучья, клочки бумаги, а из них смотрели... два голубых глаза. Это было все, что осталось от деревянного шедевра, в который Лизандр вложил столько времени и сил.

– Как они могли?! – одними губами спросила Эмма.

Лизандра затрясло. Он стоял руки по швам, сжав кулаки, и весь дрожал от гнева и обиды. Говорить он, похоже, просто не мог.

Чарли краем глаза заметил, что на них, как на подопытных зверьков, глядит кучка старшеклассников, все как на подбор – заклятые враги Чарли и его друзей. Тут был Аза Пик с удовлетворенной усмешечкой на остренькой физиономии, рядом злорадно ухмылялась Зелда Добински. А вот Манфред не улыбался – он свирепо уставился прямо на Лизандра: не иначе злился, что тот придумал такой отличный способ выручить Рики Сверка.

– Никто же про нее не знал... – прошелестел Лизандр. – Никто, кроме нас... Как же... Кто же...

– Кто-то с живописи, ясное дело, – откликнулась Оливия.

Повисло молчание. Затем Лизандр, а за ним и остальные посмотрели туда, где у входа в руины за ними наблюдали Белла и ее хвостик – Доркас.

– Но почему? – Лизандра все еще трясло.

– Потому что скульптура получилась слишком хорошо, – мрачно объяснила Оливия. – И еще потому, что кое-кому совершенно не улыбается, чтобы Рики расколдовали.

– Ты только не сдавайся, Лизандр! – решился Чарли. – Ладно?

– Знал бы ты, каково ему! – вмешался Танкред. – Он же душу в эту скульптуру вложил! Ему же самому больно – верно, Зандр? А ты, Чарли, и понятия не имеешь, что это такое!

Чарли смутился.

– Извини... – выдавил он. – Я правда не знал... что это так.

Фиделио наострил уши. Потом помотал головой.

– Что за дела? – удивился он. – Барабаны бьют. Совсем рядом!

– А ты как думаешь? – обрушился на него взвинченный Танкред. – Хватит, Зандр, пошли отсюда. – Он крепко ухватил друга за

руку и повлек за собой к школе. Лизандр шел покорно, с пустыми глазами, но, похоже, плохо соображал, кто и куда его ведет. Чарли и остальные смотрели ему вслед и отчетливо слышали затихающий вдали звук барабанов, похожий на стук огромного сердца.

– Я же его не просил скульптуру резать! – тоненько, сдавленно сказал Чарли, обращаясь к невыносимо живым голубым глазам, глядевшим из пепла. – Он сам захотел! Сам придумал!

– Ты ни в чем не виноват, – подбодрил его Фиделио. – Ничего, оклемается Лизандр. А нам просто надо придумать другой способ.

– Все равно ужас. – Эмма даже не могла смотреть в кострище. – Точно... сгорел настоящий мальчик.

– Ладно, будет терзаться, пошли, – сквозь зубы сказала Оливия, косясь на розовощекую Беллу и Доркас. – А то эти вон прямо упиваются, на нас глядя. Хватит им потешаться.

Не успели они направиться к школе, как к кострищу подбежал Габриэль.

– Слушайте, со мной сейчас такое было! – выдохнул он. – Я пошел на урок фортепиано и... В общем, чуть не застрял там лет так на сто! А еще... – Тут его взгляд упал на кострище, и Габриэль воскликнул: – Это что?! Неужели...

– Именно. Скульптура Лизандра, – подтвердил Чарли. – И все мы прекрасно знаем, кто ее спалил.

Оливия попыталась переключить внимание друзей на что-нибудь повеселее и сказала:

– А я фрисби из дома привезла! Давайте сыграем!

Десять минут прыганья по траве и метания летающей тарелки сделали свое дело: компания немножко приободрилась. Оливия то и дело теряла туфли и очень веселилась. Когда они, запыхавшиеся, уселись на бревно, Габриэль вновь вернулся к рассказу о необычном уроке фортепиано.

Собственно, мистер Пилигрим, который преподавал этот предмет, всегда был престранным человеком и уж точно самым чудаковатым из всех школьных учителей. Долговязый, бледный, темноволосый, всегда с отсутствующим видом, он редко появлялся где-нибудь помимо музыкальной комнаты наверху западной башни и даже позволял себе пропускать утренние собрания в актовом зале. Кроме того, мистер Пилигрим славился крайней молчаливостью, из-за которой желающих

учиться у него почти не было: в самом деле, какой же это учитель музыки, если ты играешь-играешь, а он и слова не вымолвит? Только Габриэль и ходил к нему на занятия. И, о чудо, на этот раз мистер Пилигрим разговорился (конечно, на свой лад), причем сообщил пораженному Габриэлю немало интересного.

– Ну, так что он сказал? Не тяни! – Оливия нетерпеливо постучала носком канареечно-желтой туфли по траве.

– Да бред какой-то, – ответил Габриэль. – Дело было так. Играл я, играл, а мистер Пилигрим вдруг ни к селу ни к городу говорит: «Не знаю, как его сюда занесло, но я ему помочь не смог». Я спрашиваю: кого занесло? А он в ответ: мол, для него это слишком, и светофоры, и транспорт, и пластмасса всякая. Они ему не нравятся – слишком непонятно. Рано или поздно он все это уничтожит, но я бы не стал его винить. – Габриэль развел руками. – Ничего себе, а? Потом посмотрел на меня в упор и говорит: «Только не знаю, как именно он это сделает, а ты? Ты что думаешь?» А я ему на это...

В душе у Чарли зашевелилось нехорошее подозрение, и он уронил летающую тарелку на ногу Габриэлю.

– Ты чего? – вскинулся тот.

– Рассказывай! – потерявила его Оливия, сгоравшая от нетерпения. – А ты ему на это...

– Я говорю: понятия не имею, сэр. А что тут еще скажешь?

– Эх ты! Надо было спросить: «Кто такой он и что именно сделает?» – подсказал Фиделио.

Нехорошее подозрение набирало силу, и Чарли нервно заерзал.

– Что случилось? Ты прямо позеленел! – участливо заметила Эмма.

– Минутку-минутку... – Чарли дернул Габриэля за рукав. – А мистер Пилигрим не сказал, как выглядел этот таинственный «он»?

Габриэль помотал головой:

– Нет, и даже имени его не назвал. Просто расписывал, какой этот тип могущественный и необыкновенный. А потом показывает мне ноты – между прочим, Бетховена, сонату номер двадцать семь, – и говорит: «Смотри, что он сотворил с музыкой!» У меня глаза на лоб полезли: все ноты до единой из черных стали золотыми! Потом я огляделся, – а у мистера Пилигрима же в башне летучих мышей полно.

Они вообще-то симпатичные, мне нравятся, считай, те же хомячки, только крылатые...

– И что мыши? – поторопил его Фиделио.

– Тоже стали как позолоченные! – выпалил Габриэль.

– Мамочки... – вырвалось у Чарли. Он чуть с бревна не упал.

Эмма забеспокоилась:

– Нет, тебе определенно плохо!

– Все нормально, – промямлил Чарли.

– И пауки с паутиной тоже стали позолоченные, – растерянно продолжал Габриэль, – но это как раз мило, похоже на новогодние украшения.

Чарли обливался холодным потом. Впервые в жизни он услышал звонок на урок (точнее, охотничий рожок на урок) с плохо скрываемой радостью. И впервые в жизни перспектива контрольной по математике казалась ему радужной. Что угодно, лишь бы отвлечься и ни слова больше не слышать про подозрительные чудеса, о которых повествует Габриэль. Поди знай, о чем он еще собирался рассказать!

Фиделио еле удалось нагнать приятеля – с такой скоростью Чарли мчался к школе.

– По-моему, тебе известно, кто приходил к мистеру Пилигриму! – проницательно заявил Фиделио.

– Тс-с! – взмолился Чарли, но было поздно: рядом уже галопировала Оливия.

– Давай расскажи! Жалко тебе, что ли? – воскликнула она.

К счастью, именно в этот момент они всей кучей ввалились в холл, и Чарли возблагодарил устав академии за строгое правило молчания. Сжав губы в ниточку, он направился на урок математики. За ним спешил заинтригованный Фиделио. Разочарованные девочки пошли по своим классам, а Габриэль с тяжким вздохом поплелся на контрольную по сольфеджио, которая уже дня три преследовала его в кошмарных снах.

Как Чарли ни надеялся погрузиться в спасительные дроби и уравнения, чтобы забыть о чудесах в музыкальной комнате, ему это не удалось: мысли все равно крутились вокруг таинственного посетителя, позолотившего паутину и летучих мышей над головой у мистера Пилигрима. Ну кто бы еще додумался до такого? Кто еще станет шарахаться от светофоров и транспорта? Контрольную Чарли сдал

позже всех и был уверен, что написал ее на двойку. Эх, надо было не французский с волшебной палочкой зубрить, а к математике готовиться!

Однако рассказом Габриэля скверные новости не закончились: на следующей перемене Чарли услышал еще кое-что. Одна из буфетчиц в столовой, трясущимися руками разливая суп, во всеуслышание рассказывала:

– Захожу я утром к мяснику, бифштексов купить, и только я к витрине, а они вдруг как вспорхнут с прилавка – и превратились в быка! В живого быка! Выбил он витрину – и на улицу! Еле увернуться успела. Ужас, ужас! Бык из бифштексов воскрес! Куда мир катится?

– А и правда, куда, миссис Джилл? – широко улыбнувшись, спросил Фиделио. Взбодороженная миссис Джилл, не глядя, плюхнула половину супа ему мимо тарелки, и он еле успел отскочить.

– Ты ведь ей не поверил? – прошептал Чарли, усаживаясь рядом с приятелем за стол.

– А ты разве поверил? – Фиделио хохотнул. – Бедная тетенька, у нее крыша поехала!

– Я – да, – мрачно сказал Чарли. – Даже и не сомневаюсь.

К ним подсел измученный контрольной Габриэль.

– Слыхали? – спросил он. – Миссис Джилл быка у мясника встретила!

– Еще как слыхали! – прервал его Фиделио. – Чарли вот верит. Потому что знает, кто это устроил, почему и зачем. Ну, Чарли, признавайся: кто?

– Картину помните? – со вздохом спросил Чарли. – Маленькую такую, старинную, я ее в той четверти в школу приносил.

Фиделио и Габриэль замерли, не донеся ложки до рта.

– Это которая с чародеем? – свистящим шепотом уточнил Габриэль.

Чарли быстро огляделся. В столовой царил обычный гвалт, смешанный со стуком ложек и вилок. Никто вроде бы не обращал внимания на их компанию, да и попробуй разбери хоть слово в такой гаме. Но мальчик на всякий случай придвинулся поближе к приятелям и, понизив голос, вкратце рассказал о визите к Скорпио и его последствиях, включая и бурую мышку.

– По-твоему, раз мышь тут, так и колдун тут? – спросил Фиделио.

– А как же иначе? Я сначала подумал – быть того не может, он же остался на картине. Но дядя Патон утверждает, что это только изображение Скорпио, а не суть. В общем, я все время убеждал себя, что Скорпио не мог выбраться, потому что... ну, страшно не хотел в это верить.

– Значит, позолоченная паутина и бык из бифштексов – его рук дело? – допытывался Фиделио.

– А чьих же еще, – буркнул Чарли. – Знаете, у меня такое тихое чувство, что это еще цветочки. А ягодки впереди. Он еще развернется!

И Скорпио развернулся.

Ученики академии только было собрались в сад на вторую большую перемену, как на яркое солнце набежало темное облако. За ним другое, третье, и вскоре над академией сгустились уже не облака, а настоящие тяжелые тучи, причем какого-то необыкновенного цвета: сначала они были свинцовые, потом стали темно-синими, а потом и вовсе почернели. Наступил непроглядный зловещий мрак.

Дети столпились у двери в сад, не решаясь выйти. Собственно, сада в крошечной темноте видно не было.

– Ну вы все и нюни! – Зелда Добински выступила вперед и насмешливо фыркнула. – А ну марш на улицу! В сад, все в сад! Подумаешь, тучек испугались!

Чтобы подать пример младшим, она протиснулась сквозь толпу и, храбро задрав голову, сделала несколько шагов в темноту. Младшие потянулись за ней.

Плюх!

На гордо задранную голову Зелды шлепнулась жаба.

Плюх!

И еще одна.

На первой жабе Зелда открыла рот, а на второй – пронзительно завизжала и метнулась обратно в помещение.

После чего над садом пошел натуральный дождь из жаб и лягушек.

Кое-кто из ребят заверещал и кинулся под крышу, другие, наоборот, пытались поймать хоть одну жабу, но скользкие земноводные были такие увесистые и так больно били по рукам, что после нескольких «ай» и «ой» охота прекратилась. Больше в сад никто не совался.

В отдалении завывали сирены: полиция, пожарные и «скорая помощь» кружили по городу, охваченному паникой. Жабы все сыпались. Лягушки тоже.

Чарли постарался встать как можно дальше от окна в сад, но все равно прекрасно их видел. Да где же Скорпио? Тьфу ты! Как его теперь изловишь? Как вернешь обратно?!

Перемену пришлось отменить: в темноте, да еще под непрекращающимся ливнем из жаб делать в саду было нечего. В академии зажгли свет, детям было велено расходиться по классам. Чарли предстоял урок английского у мистера Хека – краснолицего раздражительного толстяка, который имел мерзкое обыкновение чуть что лупить по рукам указкой и драть за уши. Чарли уже наострился уклоняться от этих атак, но, судя по охотничьему блеску в глазках мистера Хека, тот твердо решил рано или поздно всыпать мальчику. Едва войдя в класс, Чарли заподозрил, что роковой день настал и трепки не миновать.

Фиделио, сидевший позади Чарли, прошептал ему в самое ухо:

– Чарли, а что колдун устроит дальше? Ты же, как-никак, его знаешь – есть прогнозы?

Чарли только головой мотнул. Мистер Хек стукнул указкой по столу и визгливо провозгласил:

– Даю вам полчаса на то, чтобы повторить Вордсворта*^[1] перед контрольной.

Класс, оберегая уши, молча вытащил учебники и принялся зубрить стихи.

Тучи между тем разошлись, выглянуло солнце. В окно было видно, как завхоз Уидон и несколько старшеклассников бродят по саду, собирая жаб и лягушек в мешки, коробки и пакеты. Интересно, подумал Чарли, это только нам такая честь или дождик над всем городом пролился? Судя по сиренам – так и было. Он увидел, как Манфред, содрогаясь от омерзения, пихает жаб в пластиковый пакет и вытирает руки о штаны. Вот смеху-то! Чарли не выдержал и улыбнулся, но долго улыбаться ему не пришлось.

Над городом раздался перезвон колоколов собора. Поначалу никто не удивился, но, когда вступили колокола пяти остальных городских церквей, горожане забеспокоились. Колокола трезвонили отчаянно, наперебой, без всякой мелодии и так громко, что оконные стекла

дрожали. Викарии, священники, церковные привратники и служки запрокидывали головы и видели, что колокола непостижимым образом звонят сами по себе. Растерянные пономари застыли у подножия колоколен разинув рты.

Класс мистера Хека ничего этого не видел, но окно от оглушительного трезвона дрожало и в академии. Все пригнулись и зажали уши. Фиделио толкнул Чарли в спину. Тот обернулся и только плечами пожал.

Внезапно Роза Стаббс за первой партой подняла руку. Мистер Хек, забывший про указку и заткнувший уши, поначалу не обратил на нее внимания, но девочка закричала:

– Сэр! Извините! В саду слон!

Все головы, как одна, повернулись к окну. По саду разгуливал слон. Мистер Хек побагровел и замахнулся на Розу указкой. Та съежилась. Колокола сотрясали небо.

– Замолчите! Всем молчать! Тишина в классе! – заорал мистер Хек, хотя ученики и так молчали. – Прекратить! Чьи это шуточки?! Убить за такое мало!

Класс чуть под парты не попрятался. Мистер Хек рявкнул, стараясь перекрыть звон:

– Урок отменяется! Уберите учебники! Все равно заниматься невозможно!

Класс проворно сложил учебники и тетради и высыпал в холл. Здесь уже собралась почти вся академия. Учителя, кто растерянный, кто разгневанный, мчались со всех концов школы в учительскую, их плащи развевались, бумаги разлетались, учебники сыпались на пол.

Правило молчания, разумеется, было забыто: ученики шушукались и переговаривались. Наконец старосты разогнали всех по столовым – полдник перенесли на час раньше.

Чарли с Фиделио едва успели получить по стакану апельсинового сока с печеньем, как возле них возник Билли Грифф.

– К директору! – пискнул он.

– Кого – меня? – Душа у Чарли ушла в пятки.

– Всех вас. Габриэль, тебя тоже.

– Всех нас? – Габриэль отставил стакан. – Неслыханно. Что такое стряслось?

Глава 12

КОЛДУН РАЗБУШЕВАЛСЯ

В директорский кабинет Чарли попал впервые, и, хотя ужасно трусил, его снедало любопытство.

– А я там уже бывал, – приглушенно сообщил ему Габриэль, пока они шли за Билли в холл, – давно, когда еще только поступил в академию. Пришлось пойти к доктору Блуру и объяснить, какие у меня сложности с одеждой – ну, что с чужого плеча носить не могу. У него в кабинете сразу чувствуешь себя виноватым и хочется срочно покаяться, даже если на самом деле ничего не натворил. Не знаю почему – уж такое это место.

В холле мальчиков поджидали Манфред и Зелда. Постепенно туда подтянулись все одаренные: Доркас и Белла, за которой по пятам следовал Аза с глупейшей улыбкой; Танкред, который так нервничал, что в волосах у него простреливали голубые искры; Эмма с карандашом за ухом.

– Ну-ка мигом убери! – обрушилась на нее Зелда. – Приведи себя в порядок, Толли! Ты похожа на огородное пугало!

Эмма в изумлении распахнула глаза, и Чарли быстренько объяснил ей про карандаш, который девочка тут же спрятала в карман и стала поспешно приглаживать белокурые волосы.

– А вот и наш великий скульптор явился! – издевательски объявил Манфред, когда в холле показался угрюмый, ссутуленный Лизандр. – Выше нос, маэстро! Что случилось?

– Ты прекрасно знаешь что, – резко бросил Лизандр.

Доркас хихикнула, а у Беллы глаза из фиалковых стали васильковыми, от чего Чарли передернуло. Манфреда, кажется, тоже, но он быстро взял себя в руки и скомандовал:

– Билли, веди нас. Ты знаешь, куда идти.

– Хорошо, Манфред.

И Билли послушно засеменил к двери в западное крыло. Она со скрипом отворилась, и Чарли, который шел за Билли, очутился в знакомом коридоре, ведущем в музыкальную башню, – темном и

пыльном. За ним шагали остальные одаренные, но на площадке крутой лестницы маленькому отряду пришлось остановиться.

На ступеньках неподвижно сидел мистер Пилигрим.

– Простите, сэр, нам бы пройти, – робко сказал Билли, но учитель не шелохнулся. Похоже, он даже не слышал Билли.

– Сэр, нам надо в кабинет доктора Блура, – подал голос Чарли.

Мистер Пилигрим поднял на него озадаченное лицо.

– Колокола... Столько колоколов... – удивленно сказал он. – Но почему? Кто-то умер? Кто? Я?

Чарли уже готов был ответить, но Манфред, грубо оттолкнув его в сторону, навис над учителем и повелительно сказал:

– Мистер Пилигрим, дайте пройти. Сейчас же. Мы спешим.

Учитель музыки задумчиво отвел со лба прядь черных волос.

– В самом деле? – неожиданно твердо спросил он, и не думая двигаться с места.

– Да! – гаркнул выведенный из себя Манфред. – Прочь с дороги! Давайте вставайте! Кому говорят!

Его сверлящие глаза сузились в щелочки, и он впился в мистера Пилигрима своим печально известным гипнотическим взглядом.

Чарли покосился на Манфреда и с дрожью вспомнил, как действуют эти чары. Его так и подмывало сказать мистеру Пилигриму, чтобы тот сопротивлялся, дать знать, что гипнозу Манфреда можно противостоять. В конце концов, у него, Чарли, это однажды получилось!

Но похоже, учитель был слишком слаб и безволен, чтобы вступить в поединок с Манфредом. Мистер Пилигрим со стоном закрыл лицо руками, поднялся и, пошатываясь, двинулся вверх по лестнице – в свое убежище, музыкальную комнату на самом верху башни. Вскоре эхо его шагов затихло, и удовлетворенный Манфред повел одаренных вниз, на первый этаж.

Миновав низенькую дверь, они оказались в коридоре, застланном толстым ковром, а потом – перед другой дверью, дубовой и массивной. Манфред дважды постучался, и гулкий голос директора отозвался изнутри:

– Войдите.

Мистер Блур восседал за громоздким дубовым письменным столом, и свет зеленой лампы бросал на его широкое мучнистое лицо

нездоровый отблеск. Снаружи был яркий солнечный день, но шторы были задернуты, и в кабинете царила мрачная полутьма. Подчиняясь мановению директорского пальца и шипению Манфреда, одаренные выстроились в шеренгу перед столом.

Доктор Блур пристально изучал их лица стальными глазами, и наконец его тяжелый взгляд остановился на Чарли.

– Я хочу знать, кто устроил все это безобразие, – ледяным тоном произнес директор.

Коленки у Чарли стали как ватные. Взгляд директора пригвоздил его к месту. Это было даже хуже, чем гипноз! Чарли знал, что никаких магических способностей у доктора Блура нет, зато власти более чем достаточно и он любого в бараний рог скрутит.

– Потомки Алого короля! – презрительно скривился директор. – Тоже мне! Поглядите на себя! Позорище, вот кто вы! Уродцы из кунсткамеры! В цирке вам выступать! В балагане на ярмарке! Там ваше место.

Манфред нервно переминался с ноги на ногу. Поганое, должно быть, ощущение, когда родной папаша тебя позорищем обзывает.

– Всех касается! – добавил директор, потом глянул на Беллу и вдруг сбавил тон. – Или почти всех.

– Прощу прощения, сэр, – расхрабрилась Зелда, – но вы про что спрашиваете – кто напустил быков, жаб и прочее? Потому что это точно не я. Меня жабой по голове стукнуло. Даже двумя жабами.

Чарли понимал, что стоит на краю пропасти, но тем не менее едва сдержал смехок.

– Я не имел тебя в виду, Зелда, – холодно сказал директор, – поскольку прекрасно осведомлен, что тебе подобное не по плечу.

Зелда побагровела, обвела злобным взглядом всех остальных и выпалила:

– Тогда, по-моему, это все Танкред, сэр!

– Жабами не занимаюсь! – сердито огрызнулся Танкред. – Бурями и ураганами – да!

– Буря или ураган способны заставить зазвонить колокола, нагнать тучи и устроить дождь из жаб, – вмешался Манфред.

– Ты еще скажи, что я слона бурей пригнал! – вскинулся Танкред, причем из взъерошенной его шевелюры полетели молнии, а зеленый

плащ вздулся от неведомо откуда налетевшего ветра. С директорского стола тут же разлетелась пачка документов.

– Прекратить! – взревел доктор Блур.

Танкред скрипнул зубами. Доркас присела на корточки и принялась услужливо собирать бумаги.

– Мне известно, кто виноват, а кто нет, – заявил директор, – но я хочу, чтобы преступник сознался сам. Вы меня поняли? Хорошо поняли? – Он резко встал и начал расхаживать взад-вперед по темному кабинету. – Поясню. Населению города известно, что я собираю под этой крышей детей с необыкновенными, а в отдельных случаях, – директор многозначительно глянул на Азу, – и нежелательными способностями. Вас терпят только из уважения ко мне. Блуры – одна из старейших семей в городе, наша родословная насчитывает почти тысячу лет. – Доктор Блур величественно кивнул на книжные полки. – Эти стены видели алхимию и гипноз, превращения и оборотничество, сильнейшие чары всех мастей и даже... – он кашлянул и понизил голос, – даже привидения.

Директор выдержал эффектную паузу, потом простер руку над втянутыми в плечи одаренными головами и воскликнул:

– Но никогда – слышите, вы, никогда! – то, что творилось в этих стенах, не выходило за их пределы. Никогда наши дела не касались города, да еще таким образом! Никогда горожане не страдали от наших... странностей. А теперь?! – Директорский кулак шарахнул по столу. – Город в панике! В ужасе! Беглые бифштексы превращаются в быков! Гроза среди бела дня! Дождь из лягушек! Бешеные колокола! Да будет вам известно, что сегодня за несколько минут в городе произошло столько аварий, сколько не бывало раньше и за год! Мне тут же позвонил мэр – он мгновенно понял, от кого все неприятности.

– Полагаю, и мы знаем, сэр, – отчетливо сказал чей-то звонкий голосок.

Все уставились на Беллу. Она поправила локон, ослепительно улыбнулась, и глаза ее из сиреневых стали изумрудно-зелеными.

– Это все Чарли Бон – ведь правда, Чарли? Во рту у Чарли тотчас пересохло, земля ушла из-под ног.

– Н-н-не знаю... – растерянно промямлил он.

– Лжешь! – прошипел Манфред.

– Трус! – поддержала его Зелда.

Аза просто фыркнул – как волк, идущий по следу.

– Все свободны, – махнул рукой доктор Блур. Ошеломленные неожиданным оборотом событий, одиннадцать одаренных заспешили к двери, но Чарли даже не успел протолкаться к выходу, как директор остановил его:

– А тебя, Бон, я попрошу остаться. Габриэль сочувственно оглянулся на Чарли, но Манфред выпихнул его за порог, дверь захлопнулась, и Чарли остался один перед лицом директора. Доктор Блур уселся обратно за стол и, сплетя пальцы, сложил руки на кипе бумаг. Потом он устало вздохнул и заявил:

– Ты на редкость глуп, Бон. Пока вы не предстали передо мной, у меня еще были какие-то сомнения, но стоило мне увидеть ваши физиономии, и я мигом опознал виновного. Я дал тебе шанс сознаться. Зря ты им пренебрег.

– Да, но... Я не... – Чарли запнулся и смолк.

– Безмозглый сопляк! – загремел доктор Блур. – Ты что же, полагаешь, будто мне неизвестны твои возможности? Я прекрасно знаю, в какую картину ты умеешь... пробираться. И знаю о том, кого ты по недомыслию выпустил оттуда. Кто еще мог устроить подобную суматоху, как не разбушевавшийся чародей? Так вот, я желаю знать, что ты намерен предпринять!

– Э-э-э... найти его! – брякнул Чарли.

– А как именно это сделать, ты хоть представляешь?

– Э-э-э... поискать его! – ляпнул Чарли.

– Блестяще! – полным сарказма тоном воскликнул директор. – Гениально! – Он опять шмякнул кулаком по столу и заорал: – Если к завтрашнему дню, к девяти часам утра, это безобразие не прекратится, ты за это заплатишься.

– Каким образом, сэр? – выдавил Чарли.

– А вот увидишь, – зловеще пообещал директор. – Твои знаменитые родственники, помнится, уверяли меня, будто ты – сущая находка для академии. Но пока что от тебя сплошные неприятности. Ты очень, очень разочаровал своих почтенных тетушек, и уверен, они всецело одобряют любое наказание, какое я сочту нужным. Даже если при этом простятся с тобой навсегда.

Мальчик содрогнулся: он вспомнил об отце, который исчез, потерял память, имя, забыл дорогу домой.

– Да, сэр, – тихо сказал он. – Можно идти и начинать искать?

– И чем скорее, тем лучше, – сурово *напутствовал* его директор. – Времени у тебя в обрез.

Чарли пулей вылетел из кабинета, но стоило ему очутиться в коридоре, как мысли его приняли новое, несколько неожиданное направление. «Пожалуй, обратно я пока не пойду, а обследую окрестности, – решил Чарли. – Рано или поздно обязательно найду ту лестницу, которая ведет на чердак. Где же еще прятаться Скорпио, как не в пыльных сумерках, среди паутины?» Приняв решение, Чарли торопливо затрусил по коридору, мимо дубовых дверей, старательно отводя глаза от портретов в позолоченных рамах. Еще по дороге ему попадались полки, забитые пыльными книгами, коллекция скелетов каких-то мелких животных в застекленном шкафу, оскаленная голова медведя, прибитая к полированному деревянному кругу. «Жуть кошмарная!» – пробормотал Чарли себе под нос и прибавил шагу. С потолка свисали чучела птиц и пучки каких-то высушенных трав.

В конце коридора и впрямь обнаружилась узкая лестница, по которой Чарли поднялся на второй этаж. Мальчик быстро огляделся: перед ним открылся сумрачный коридор, кончавшийся тупиком, где зловеще темнело нечто вроде гроба, поставленного на попа. Разбираться Чарли не стал и кинулся вверх по следующему лестничному пролету. Здесь ковер обрывался, под ногами был скрипучий разошедшийся пол. Чарли понял, что попал в душный коридор, освещенный газовыми рожками. Да это же то самое место, которое они с Эммой проходили, когда искали мальчика-невидимку! Значит, надо пройти до конца, а там будет следующая лестница – на чердак.

До слуха Чарли донеслась далекая музыка. Но эти звуки никоим образом не напоминали виртуозные трели фортепианных клавиш под пальцами мистера Пилигрима: кто-то слушал запись военных маршей в исполнении духового оркестра, да еще и подпевал надтреснутым дрожащим голосом. Чарли замер, прислушался и узнал этот голос. Ясно, в этих мрачных покоях находится берлога старика Иезекииля!

Крадучись, на цыпочках, стараясь не скрипеть по разошедшимся доскам, Чарли добрался до чердачной лестницы и уже преодолел несколько ступенек, когда что-то заставило его поднять взгляд.

На верхней площадке поблескивало нечто странное. Больше всего эта штука походила на толстый серебристо-голубой канат, свернутый в кольцо. Но Чарли мигом понял, что перед ним никакой не канат: он явственно различал блестящие чешуйки!

Таинственный обитатель чердака почуял человеческое присутствие, и над витками лазурного туловища поднялась голова – треугольная, вся в странных узорах и с черными глазками. Почему-то на загривке у змеи пучками торчали бирюзовые перья. Внезапно странное существо разинуло пасть и зашипело.

От неожиданности Чарли попятился, споткнулся и покатился с лестницы, приземлившись на четвереньки. Шипящий питон медленно полз вниз, прямо на него, стекая по ступеням, как ручей. Чарли вскочил и с топотом помчался прочь: теперь ему было не до конспирации, главное – ноги унести. Вслед ему неслось злобное шипение и не менее злобные вопли старика:

– Кто здесь? Кто посмел потревожить мое сокровище? Эй, берегись, кто бы ты ни был, а не то от тебя мокрое место останется!

– Мокрое место? – задыхаясь, переспросил Чарли, мчась вниз по крутой винтовой лестнице. – Да какое там! Прах! Ноль! Вакуум! Вот что от меня останется.

Однако злключения еще не кончились: на площадке перед холлом он влетел головой в живот завхоза Уидона.

– Что это ты делал в западном крыле? – подозрительно спросил тот. – Туда вход запрещен.

– А мне разрешили! – пропыхтел Чарли.

– Да что ты говоришь? И кто именно? – недоверчиво поднял брови Уидон.

– Доктор Блур, – решительно сказал Чарли. В конце концов, директор же велел ему отправляться на поиски Скорпио, а искать можно где угодно. – Я ищу одного человека, может, он вам попадался? Знаете, такой седой старик в темной хламиде и шапочке и...

– Так это твоих рук дело! – не дослушав, зарычал Уидон. – Ну конечно. Ах ты, маленький паршивец! Значит, по твоей милости мне пришлось разгребать весь этот бардак! Я уже не говорю о слоне: эта подлая скотина чуть не растоптала меня, когда я попытался сдвинуть ее с места.

– И что случилось со слоном? – полубопытствовал Чарли.

– Что-что, исчез! Зато осталась целая гора навоза! И весь газон вытоптан! Ну, попадись мне этот треклятый колдун, сверну ему шею!

– Я бы на вашем месте... – начал Чарли.

– А ну брысь с дороги! – злобно велел Уидон. – Глаза б мои вас не видели, поганцев. Тоже мне, одаренные! – И он зашагал в западное крыло.

Чарли вздохнул – встревоженно и вместе с тем облегченно.

Холл между тем наполнялся учениками: начиналась большая перемена и все стремились в сад. Вот показались Фиделио и Габриэль. Пойду-ка я поищу Скорпио на свежем воздухе, решил Чарли.

– Что с тобой случилось? – первым делом поинтересовался Фиделио.

– Мне позарез нужно найти беглого чародея до завтрашнего утра, иначе мне кранты, – заявил Чарли и многозначительно провел ребром ладони по горлу.

Друзья тотчас вызвались помочь ему.

– Поищем в лесу? – предложил Габриэль.

Втроем они углубились в заросли, со всех сторон окружавшие садовую площадку, но здесь была настоящая чаща. А в лесной полутьме не очень-то поймешь, что перед тобой – ствол дерева или высокая фигура в хламиде. А деревья к тому же размахивали ветками, словно руками, так что Скорпио мерещился Чарли на каждом шагу.

К началу последнего урока Чарли совсем растерялся. Ну и задачку задал ему директор! А главное, если он, Чарли, будет прочесывать окрестности как следует, то неминуемо нарушит школьный устав, нарвется на наказание и будет оставлен после уроков. А делать нечего – придется рискнуть.

Продолжать поиски Чарли решил в спальнях. Таким образом, ему предстояло обследовать двадцать пять помещений на трех этажах. До ужина он успел осмотреть только десять – и без толку. К этому времени живот у мальчика уже подвело от голода. Что дальше? Неужели директору все равно, что он, Чарли, останется без ужина? Ну уж нет. Чарли пустился в долгую дорогу с третьего этажа в столовую. Он порядочно опоздал, боялся остаться без первого. Еще на подходе было слышно, что в столовой стоит недовольный гвалт, а когда Чарли переступил порог, то чуть не оглох.

– Вот он! – выкрикнул кто-то. – Это все он виноват!

Чарли втянул голову в плечи, но поздно: его уже заметили и вся столовая уставилась на мальчика. Кто-то успел раззвонить по академии, что жабий дождь, бешеные бифштексы, слон в саду и тучи над городом – на его совести. Но, что гораздо хуже, на его совести оказался и сегодняшней ужин.

Подсев к Фиделио, Чарли недоумевающе уставился в тарелку: перед ним лежала горка вареной капусты и малопривлекательный ломоть черствого хлеба. На тарелках соседей было то же самое.

– В чем дело? – шепотом спросил Чарли у приятеля.

– На кухне чрезвычайное происшествие. Все с ума посходили, – приглушенно объяснил Фиделио. – На ужин полагалась яичница, но одна из поварих обнаружила, что все яйца в холодильнике вылупились. Слышишь, как цыплята пищат?

Чарли прислушался – и сердце у него в который раз за этот день упало. Яичница определенно отменялась.

Вокруг с отвращением жевали капусту и хлеб. То и дело с разных сторон слышались негодующие реплики: «Тьфу!», «Бе!», «Гадость!», «Отрава!». Только Билли Гриф, сидевший подле Чарли, в утешение сообщил ему, что любит капусту во всех видах.

Из-за стола театрального отделения поднялся задира Дамиан Сморг.

– Есть невозможно! – завопил он. – Эй, Бон, я вот возьму и запихну эту гадость тебе в глотку!

– А ну цыц! – прикрикнула на него Оливия. – Чарли ни при чем.

– Да-а, вот запихнуть бы ему эту склизкую капусту...

Остаток сморговской реплики перекрыл пронзительный голос Доркас:

– Давайте наловим в саду улиток и накормим Бона! Будет знать! – Она громко захихикала, поддерживаемая целой компанией сторонниц с отделения живописи.

Гвалт усилился. Танкред что-то крикнул в защиту Чарли, но слов было не разобрать. Судя по всеобщим ахам и охам, это была серьезная угроза Доркас и Сморку.

Над учительским столом воздвигся доктор Блур, но сказать ничего не успел, потому что гнев Танкреда вылился в ураганный порыв ветра, который пронесся по столовой, круша посуду.

Ученики попрятались под стол, а учителя негодующе вскочили.

– Прекратить! Торссон, немедленно возьми себя в руки! – громогласно приказал директор. Он подошел к краю помоста, на котором помещался учительский стол, и, заложив руки за спину, в упор смотрел на Танкреда, пока тот не успокоился и ветер в столовой не улегся. – А теперь марш на кухню, возьми щетку и совок и прибери за собой, – гневно добавил доктор Блур.

– Да, сэр. – Танкред послушно двинулся на кухню, но его зеленый плащ по-прежнему вздувался от ветра, а волосы искрились.

Чарли пришел в уныние: это все его вина, и даже Танкред расплачивается сейчас не за свою вспыльчивость, а за его, Чарли, ужасную оплошность. И надо же было так лопухнуться – выпустить из картины колдуна!

Когда директор велел: «Бон, встань!» – Чарли повиновался едва ли не с облегчением. Правда, ноги у него подгибались и пришлось ухватиться за край стола.

– Тебе известно, Бон, чем ты сейчас должен заниматься? – во всеуслышание спросил доктор Блур.

– Э-э-э... нет, сэр, – протянул Чарли.

– Искать! Искать, мальчик!

– Я уже искал, сэр. Но я ничего... то есть никого... не нашел.

– Бон, я уверен, что ты еще искал далеко не везде. Кое-где ты пока не посмотрел, ведь верно? – Директор, насупив брови, ждал ответа, но Чарли как в рот воды набрал, и доктор Блур с нажимом продолжил: – Ты ведь знаешь, о чем я?

Чарли проглотил комок в горле и полузадушенным голосом отозвался:

– Да, сэр.

– Так где надо поискать, Бон?

– В руинах, сэр.

Столовая замерла. Ножи и вилки повисли над тарелками. Стало очень тихо. Все взоры устремились на Чарли. Похоже, каждый из присутствующих оценил счастье быть собой, а не Чарли Боном.

– Тогда тебе, наверно, уже пора отправляться? – зловеще понизил голос директор.

– Хорошо, сэр. – Чарли бросил прощальный взгляд на капусту в тарелке и поплелся прочь из столовой.

В руины.

К вечеру погода в очередной раз переменилась, стало пасмурно и так сыро, что по дороге к руинам Чарли дрожал не только от страха, но и от промозглого холода. Конечно, больше от страха: ведь одно дело – пойти в руины при дневном свете и с другом, а без компании и в надвигающихся сумерках – совсем, совсем другое.

Стены красного кирпича наполовину тонули в лесных зарослях. Миновав сводчатую арку и очутившись во внутреннем дворе руин, Чарли остановился и попытался собраться с мыслями. Перед ним зияло пять темных каменных арок, и каждая вела в свою часть руин – бывшего замка Алого короля. Какой проход выбрать? В конце концов выбор Чарли пал на центральный проход, – по крайней мере, мальчик знал, куда он ведет.

Чарли решительно вздохнул и углубился в темный коридор. Из-под ног у него с писком разбегались мыши, а когда он хватался рукой за скользкую стену, под пальцами что-то шевелилось и расползалось. Наконец он вышел в другой, мощеный дворик, пересек его, поднялся по лестнице и оказался на прогалине, где кольцом выстроились каменные статуи. Посреди высилось массивное надгробие, поросшее мхом. Чарли вскарабкался на него и прислушался, надеясь различить любые звуки, которые могут выдать убежище Скорпио, – потрескивание, шорохи и тому подобное.

Но увы, усилия его оказались тщетны. Звуков было в избытке, но все не те: шелест листвы, непрерывный топот мышиных лапок, временами – шорох осыпающихся стен.

Чарли спрыгнул наземь и, обойдя статуи, протиснулся в темную бойницу в стене. Он продирался сквозь заросли колючего кустарника, натыкался на стены, спотыкался на полуразрушенных лестницах, а потом начал звать:

– Скорпио! Вы тут? Господин чародей, отзовитесь! Пожалуйста, откликнитесь, я что хотите для вас сделаю, только помогите! – Когда последняя фраза необдуманно сорвалась с губ Чарли, он сообразил, что это перебор, но чего не брякнешь от отчаяния.

По стенам скользили тени, деревья зловеще перешептывались, ветер стонал в развалинах, и даже голоса птиц звучали как-то приглушенно – только вороны каркали во все горло.

Чарли глянул на часы: девять вечера. Его друзья уже приготовили уроки и торопятся по спальням, скоро отбой. А доктор Блур не сказал,

когда возвращаться. Это что же получается, ему, Чарли, придется проторчать в руинах всю ночь?!

– Ишь чего захотели, – буркнул Чарли. Он прекрасно знал, что по ночам руины – место небезопасное, по ним бродит Аза Пик, оборотень, принимающий ночное обличье клыкастого и коварного хищника вроде волка или гиены, и глаза его горят желтым огнем. И лучше ему не попадаться, потому что он безжалостен и кровожаден.

Надо срочно идти обратно, понял Чарли. Пожертвовав клочками одежды, он опять продрался сквозь колючки и очутился перед статуями даже быстрее, чем ожидал. Но не успел он пересечь прогалину, как краем глаза уловил какое-то движение на верхней площадке каменной лестницы – и поспешно шмыгнул в кусты. Последние лучи солнца озарили зрелище, от которого Чарли задрожал как осиновый лист. Там, на лестнице, стояла древняя старуха – иссушенное временем лицо в паутине морщин, жидкие седые волосы рассыпались по плечам, белое платье болтается на костлявой фигуре как на вешалке.

«Иоланда! Она же Белла», – догадался Чарли. Он уже жалел, что заметил ее, и еще больше жалел, что заметил серый силуэт хищника, притаившегося у ног Иоланды.

Старуха прищурилась, и Чарли показалось, будто она смотрит прямо на него. А потом... она повернулась и заковыляла прочь. Хищник послушно, как преданный пес, затрусил за ней, держась у ноги. Но это был не пес, и не волк, и не гиена, а нечто среднее – с гнутым, как у борзой, хребтом, длинным вислым хвостом и мордой, больше напоминавшей кабанью, чем волчью.

Чарли зажмурился и задержал дыхание. Они одного поля ягоды, понял он: и Аза, и Белла умеют менять обличье, только Аза – просто оборотень, а способности Беллы гораздо разнообразнее. Неудивительно, что он бродит за ней как пришитый.

Некоторое время мальчик просидел в колючих зарослях, выжидая, и только когда окончательно стемнело, он решился сдвинуться с места. И хотя темнота руин источала угрозу, Чарли крался к выходу медленно, на цыпочках, чтобы не привлекать внимания. Выбравшись наконец за пределы руин, он галопом помчался через сад к академии и молнией влетел в холл, будто за ним гнались полчища демонов.

В академии царила тишина. Измученный Чарли с трудом доплелся до спальни и, забыв об умывании, рухнул на койку.

– Ну как, удачно? – сонно прошептал Фиделио.

– Нет, – отозвался Чарли, с ужасом думая о неминуемом наказании. Теперь-то его точно накажут, потому что на дворе уже ночь и найти Скорпио до девяти утра вряд ли возможно. Чарли был уверен, что не сомкнет глаз всю ночь, но он так устал, рыская по руинам, что мгновенно отключился.

Проснувшись, он не сразу понял, в чем дело, и решил, будто ему снится кошмар. В спальне было темно, и в дальнем углу что-то бормотал Билли Гриф. И еще в спальне невыносимо воняло.

Дамиан Сморг приподнялся на койке и простонал:

– Гриф, вытолкай отсюда эту мерзкую псину, от нее вонь хуже, чем от помойки.

Билли не отозвался и продолжал бормотать. По полу простучали когти, хлопнула дверь.

Чарли повернулся на другой бок, однако заснуть не получилось – кто-то подкрался к койке и взволнованно зашептал ему в самое ухо:

– Чарли, ты не спишь?

– Ым? – сонно спросил Чарли.

– Это я, Билли. Душка только что приходил. Он говорит, кухарка хочет с тобой поговорить. Срочно!

Глава 13

ВСЛЕД ЗА ОГНЕННЫМИ КОТАМИ

В самом дальнем закоулке школьной кухни помещался чулан. Его содержимое – швабры, тряпки, совки и прочее – скрывало низенькую дверцу, на ручке которой неизменно болталась тряпка – для маскировки. Однако достаточно было повернуть ручку, и вы попадали в едва освещенный коридорчик. Вел он в жилище кухарки.

Когда кухарка Дара только поступила на службу в академию Блура, ей отвели холодную каморку в западном крыле, которая решительно не пришлась Даре по вкусу. Блуры и понятия не имели, кто скрывается под простоватой внешностью кухарки; не знали они и о том, что Даре известно о древнем здании академии гораздо больше, чем им всем, вместе взятым. Кухарка почти сразу перебралась жить в потайную подземную комнату, о существовании которой Блуры и не подозревали.

Они и предположить не могли, что крепкая немолодая женщина по имени Дара нанялась на кухню с одной-единственной целью – приглядывать за детьми Алого короля и помогать им. Кухарка и сама была одаренной (об этом Блуры тоже не имели ни малейшего понятия) и всегда стремилась оберегать детей, которые могут пострадать от собственных талантов. Кроме того, теперь у Дары было сильное подозрение, что из всех одаренных именно Чарли Бону, с его безрассудным рвением помогать другим и умением влипать в истории, ее участие требовалось больше, чем остальным.

«Ох и недотепа этот Чарли! – размышляла кухарка, поджидая гостя. – Мальчик, конечно, хороший, и сердце у него доброе. Но вот досада: сначала сделает, а потом подумает». Сейчас, когда Чарли был готов вот-вот учинить очередную глупость, кухарка твердо решила остановить его.

Между тем старый пес Душка, пыхтя и переваливаясь, довел Чарли до кухонной двери и улегся на пол, тем самым показывая, что дальше не пойдет. Он положил голову на лапы и устроился поудобнее. До Чарли дошло, что Душка охраняет кухаркино обиталище по ночам.

Чарли пересек кухню, стараясь не свернуть какую-нибудь кастрюльку, благополучно добрался до чуланчика и неуклюже полез внутрь. Он уже дважды бывал в подземном жилище кухарки. Кроме него об этом месте знал только Габриэль, а тот поклялся молчать как рыба. С трудом преодолев преграду из швабр, тряпок, совков и банок мастики, Чарли нащупал дверную ручку и шагнул в коридор. Прикрыв за собой потайную дверцу, он помчался к комнате кухарки. Дорога туда вела по лестнице и еще через один чулан, больше похожий на шкаф. Чарли постучался.

– Это ты, Чарли Бон? – спросил изнутри голос кухарки.

– Да, я, – приглушенно ответил мальчик.

– Тогда входи.

Чарли очутился в уютной комнате с низким потолком. Здесь стояли потертые и удобные кресла, а также буфет темного дерева. Зимой кухарка обычно топила плиту, но сейчас воздух в комнате был по-летнему спертый и чуточку сыроватый – все-таки подвал. Одно из кресел было развернуто к плите, и в нем кто-то сидел. Из-за высокой спинки Чарли не мог понять кто, но под креслом виднелись край черной хламиды и остроносый башмак.

– Т-с-с! – Кухарка поспешно приложила палец к губам.

Чарли на цыпочках обошел кресло и чуть в обморок не упал. У холодной плиты крепко спал чародей Скорпио.

– Как он здесь очутился?! – пораженным шепотом воскликнул Чарли.

– Это тебя надо спросить. Что ты такое учинил, Чарли? – спросила кухарка.

– Честное слово, я ни при чем. Я даже и не думал, что подобное возможно! Понимаете... – Мальчик на мгновение умолк. – Я забрался в картину, на которой был вот он. И наверно, он выбрался вслед за мной – я не уследил как.

– Ай-ай-ай! – покачала головой кухарка. – Когда я наткнулась на него, бедняга был невменяем. Прятался в чулане и со слезами умолял отправить его обратно домой. Для него все это невыносимо – огни, машины, шум, суета, толпы народу. Он в ужасе.

– Он, между прочим, натворил немало ужасного. – Забыв об осторожности, Чарли повысил голос.

Чародей подскочил в кресле и открыл глаза.

– Ты?! – хрипло воскликнул Скорпио, вперившись в Чарли.

– Да, я, – дрожащим голосом отозвался тот. Скорпио страстно заговорил, прижимая руки к груди, но Чарли не понял ни слова.

– О чем это он? – спросил мальчик кухарку.

Та развела руками и не слишком жизнерадостно объяснила:

– Он говорит на каком-то древнем наречии. Хорошо еще, что мы, как-никак, из одной страны, так что я его худо-бедно понимаю. Старик умоляет тебя отправить его домой.

– Каким образом? – взвился Чарли. – Его картина дома, а домой я попаду только в пятницу вечером.

Скорпио внимательно смотрел на Чарли, точно пытаюсь прочесть его слова по губам, потом свел брови и повернулся к кухарке, и та, к большому удивлению Чарли, начала что-то объяснять напевным тоном.

Чародей выслушал ее и в отчаянии застонал.

– У меня и так из-за вас сплошные неприятности, господин Скорпио, – сердито сказал Чарли. – Доктор Блур догадался, что все из-за меня – и трезвон, и слон, и жабы, и цыплята в холодильнике. Если я не прекращу эти ваши колдовские штучки, мне конец. Так что вы лучше прекратите колдовать, а то я и помогать вам не стану.

Скорпио сморщился, как от боли, и что-то забормотал.

– Понял без перевода, – заметила кухарка и вздохнула. – Что же, похоже, мне придется поддержать его тут до пятницы, хотя честно тебе признаюсь, Чарли, жить бок о бок с чародеем мне совсем не по душе. Подумать только, его батюшка приплыл из Италии вместе с Риччио, сердечным дружкой Марии Шотландской!*[2]

– Его разве не убили? – встрепнулся Чарли, чьи познания в истории все-таки были не совсем безнадежны.

– Еще как, и весьма жестоко, только потом, – понизила голос кухарка. – Ладно, Чарли, теперь все ясно, и иди-ка ты спать, а то утром тебе головы от подушки будет не оторвать.

Чарли уже повернулся, чтобы идти, но остановился как вкопанный.

– А как же он выберется отсюда незамеченным? – спросил мальчик, кивнув на скрюченного в кресле Скорпио.

– Так же, как и попал сюда, – загадочно ответила кухарка. – Спокойной ночи, Чарли.

С самого утра Чарли ожидал новых магических неприятностей: Скорпио он не доверял.

Но день шел своим чередом – лягушек с неба не сыпалось и слоны по саду не бродили. Небо оставалось безоблачно-голубым, сосиски в обед ни во что не превратились, как, впрочем, и картофельная запеканка с мясом за ужином.

– А жаль! – сказал по этому поводу убежденный вегетарианец Фиделио.

Впрочем, запеканка застревала у Чарли в горле, потому что доктор Блур весь ужин не сводил с него свинцового взгляда. Чарли даже померещилось, будто директор чуть ли не разочарован. А, все понятно: доктор Блур, наверно, предвкушал, как жестоко накажет преступника, но его надежды не оправдались.

После ужина в Королевской комнате была такая напряженная атмосфера, что воздух просто звенел. Чарли различил отчетливый шепот Зелды: «Черный Понедельник Чарли», а рыжий Аза ощерился в обычной своей омерзительной ухмылке. Да, нелегко было высидеть отведенный на уроки час в Королевской комнате: Лизандр все еще нервничал, и потому всем слышался приглушенный гул барабанов, а Танкред нервничал и того сильнее, поэтому штормовой ветер время от времени сметал тетрадки со стола. Зельда решила поставить повелителя бурь на место и принялась, прицельно сощурившись, передвигать учебники и письменные принадлежности так, чтобы владельцы не могли до них дотянуться. А Манфред уставил на Чарли свои пронизывающие глаза и не отводил.

Белла тоже неотрывно следила за Чарли, и выражение на ангельском личике было самое коварное. Что это она задумала?

Чарли никому не сказал о ночном посещении кухарки, но когда он вместе с Габриэлем и Фиделио направлялся спать, последний спросил:

– Ну, Чарли, так что нового? Ты нашел старикашку?

– Ага, – кивнул Чарли и поспешно обернулся проверить, не подслушивает ли кто, после чего негромко описал эпизод с заламывающим руки колдуном.

Друзья слушали так, что даже шаг замедлили.

– Теперь понятно, почему сегодня паутина и летучие мыши в западной башне уже были обычными, а не позолоченными! – с некоторым разочарованием подытожил Габриэль.

Чарли закончил свой рассказ очень вовремя: из-за угла на них вылетела надзирательница, она же тетка Лукреция, и зашумела:

– Вы почему до сих пор еще не в постели? А ну марш спать! – И она громко захлопала в ладоши, точно мошь ловила. Пришлось разойтись.

К величайшему облегчению Чарли, остаток недели прошел мирно, безо всяких магических происшествий. Никто уже не пялился на него как на диво и не шушукался за спиной, а к пятнице академия переключилась на грядущую премьеру школьной пьесы и напрочь забыла о Черном Понедельнике Чарли.

Чарли нередко жалел, что не принимает никакого участия в постановке: все его друзья имели то или иное отношение к спектаклю – кто не играл, тот шил костюмы, рисовал декорации, помогал с бутафорией или играл в оркестре. Даже Билли Грифу дали роль крошки-домовенка с большим барабаном. Но Чарли не приняли даже в оркестр: его музыкальные успехи оставляли желать лучшего.

Однако в эту пятницу Чарли радовался свободе и уже не завидовал тем, кто задержался на репетицию (а таких было немало). И все же, когда школьный автобус подкатил к Филберт-стрит, в животе у Чарли заурчало от волнения. Если Скорпио и удалось проскользнуть в дом незамеченным, то где он спрятался? И главное – чем занят?

Чем ближе Чарли подходил к дому, тем медленнее шел. По дороге, в автобусе, ему не удалось как следует обдумать сделку, которую мальчик намеревался заключить с чародеем. Надо будет поступить так: он, Чарли, согласится отправить Скорпио обратно в картину, но при условии, что тот даст совет, как вернуть Рики Сверка в нормальное состояние. Уж наверно, чародей знает способ расколдовать мальчика-невидимку!

Чарли поднялся на крыльцо, вытащил ключи, но тут дверь распахнулась и он чуть не свалился со ступенек.

На пороге стоял Скорпио собственной персоной.

– Ай! – вскрикнул Чарли.

Чародей одарил его широкой улыбкой, показав все свои гнилые зубы. Чарли проворно огляделся: нет, вроде бы никто на них внимания не обратил. Соседи привыкли к тому, что в доме номер девять творятся чудные дела.

Скорпио прошипел что-то непонятное и втащил Чарли в дом.

– Вас кто-нибудь видел? – в панике спросил Чарли. – Женщина? Старушка?

– Не зрел я стариц, – отозвался Скорпио и, вцепившись в Чарли как клещ, поволок его в кухню, где на столе, прислоненная к вазе с фруктами, стояла злополучная картина. Кивнув на нее, чародей с нажимом сказал: – Немедля!

– Только не здесь, – возразил Чарли, – а вдруг кто войдет? – Он потыкал пальцем в потолок и добавил: – Идемте наверх.

Скорпио бережно прижал картину к груди и выпихнул Чарли из кухни. Всю дорогу он что-то бормотал не умолкая, но мальчик не мог разобрать ни слова. В комнате у Чарли чародей уселся на кровать, не выпуская из рук картины, и выжидающе уставился на мальчика.

Странное это было зрелище: седобородый старик в черной хламиде сидел на кровати и что-то без умолку говорил, держа в руках картину с изображением себя самого посреди лаборатории.

– Чтоб сей же миг! Прокладывай стезю!

– Знаете, это все не так-то просто, – осторожно начал Чарли. – Для начала вы должны кое-чем мне помочь.

– О горе! – сказал Скорпио и чуть не выронил картину.

– И смотрите не разбейте ее, а не то никогда обратно не вернетесь. Чародей оскалился.

Тщательно подбирая слова и стараясь выговаривать их как можно четче, Чарли объяснил суть чар, наложенных на Рики.

Скорпио задумчиво нахмурился.

– Что змей содеял, он же вспять повернет, – отчеканил чародей.

Слова прозвучали более чем понятно, но Чарли на всякий случай переспросил:

– Змей? Змея должна расколдовать мальчика-невидимку?

– Истинно глаголю – змей, – закивал Скорпио. – Теперь влеки ж меня отсель.

– Погодите секундочку. – Чарли поднял палец. – Еще один вопросик.

– Несть им числа! – возопил Скорпио.

– Есть им число! Один-единственный, – твердо сказал Чарли. – Вы говорили, что сможете вылечить моего дядю, если посмотрите на него. Так вот, он в соседней комнате.

Скорпио скрипнул зубами и тоскливо посмотрел на картину, потом решительно поднялся и без дальнейших разговоров устремился вон.

– Стойте! – Чарли испугался, что чародей ненароком налетит на бабушку Бон. Но Скорпио уже пронесся в дядину комнату. Мальчик поспешил за ним.

Скорпио с бесцеремонным любопытством рассматривал, что стоит на ночном столике, а изумленный дядя Патон, выкатив глаза, следил за каждым его движением. Потом, стараясь не шевелить губами, он спросил:

– Чарли, ответь мне, это он или не он?

– Ну... да, он самый, – откликнулся Чарли. – Думаю, он вас вылечит.

– Каким образом? – нервно осведомился дядя.

Скорпио одним прыжком пересек комнату и запер дверь, после чего извлек из недр своей хламиды цепь и, улыбнувшись дяде Патону, со свистом раскрутил ее в воздухе.

– Он что, затеял приковать меня к кровати? Не дамся! – вскричал дядя и изготовился сопротивляться до последнего.

Чародей улыбнулся еще шире, неуловимым движением спрятал цепь, и вместо нее в руках у него возник серебряный колокольчик. Скорпио позвонил им в точности над самыми ногами дяди Патона. Звон был мелодичный, а чародей вдруг запел.

– Это еще что – отходная молитва? – простонал дядя.

– Да ну что вы! – возразил Чарли. – А вот знаете, странная штука: когда я попал внутрь картины, то преспокойно его понимал, а теперь ни слова не разберу.

– Да и я тоже. Видимо, когда ты попадаешь «внутри», то приспосабливаешься к окружающей обстановке. Если подумать, это вполне логично.

– А, ясно, – кивнул Чарли, решив обмозговать это попозже.

Между тем чародей мерно ходил взад-вперед по комнате, помахивая колокольчиком и не то напевая, не то декламируя что-то глубоким, звучным голосом. Потом он вдруг навис над дядей и строго сказал:

– Кажи язык!

Дяде Патону ничего не оставалось, как нехотя повиноваться.

Скорпио выпрямился и спросил:

– Реки же, куда влекли тебя стопы твои, несчастный?

– Если я вас правильно понял, – отозвался дядя, – вы интересуетесь, где я был? Отвечаю: в замке Юбим.

– Клянусь драконьим зубом! – вскричал Скорпио. – Что за горькая участь тебя постигла! Ужасный род – отъявленные негодяи, кровопийцы и аспиды, все до единого! Увы тебе!

– Что верно, то верно – увы мне, – слабым голосом согласился дядя Патон.

– Вервейна! – веско провозгласил колдун. – Священная трава. Надобно непременно взять свежую. Испей, омойся в отваре оной, вдыхай ее пары. Тогда с одра восстанешь и недуг отринешь.

В это мгновение дверная ручка задержалась, чародей кинулся к двери и распахнул ее настежь. Чарли, к своему ужасу, не успел его остановить.

На пороге стояла бабушка Бон. Мгновение она ошарашенно глядела на колдуна, выкатив глаза, а потом сползла по стенке и рухнула на пол.

– То обморок! – авторитетно заявил Скорпио.

– Что там стряслось? – спросил дядя, которому с кровати происходящее в коридоре видно не было.

– Бабушка Бон бухнулась в обморок, – доложил Чарли. – Ну еще бы, такое потрясение – столкнуться со Скорпио нос к носу!

– Надо уложить ее в постель, – сообразил дядя Патон. – Очнется, подумает – кошмар приснился.

Скорпио соображал еще быстрее: он уже перекинул бесчувственную старуху через плечо, как мешок с картошкой, и, следуя за Чарли, отнес к ней в комнату, где не особенно бережно сбросил на кровать.

– Вы поосторожнее! – запоздало предупредил Чарли. – Еще сломаете ей что-нибудь.

Чародей громко хмыкнул, после чего преградил Чарли дорогу и потребовал:

– Сию же минуту верни меня домой! Доколе мне терпеть?

– Вот теперь пожалуйста, – согласился Чарли.

Однако стоило мальчику, на пятки которому наступал колдун, вернуться к себе в комнату, как его охватили сомнения.

– Но вы ведь не станете задерживать меня? – осторожно осведомился Чарли у Скорпио. – Мне не больно-то хочется застрять там, у вас, навсегда.

– Ни сном ни духом! – яростно воскликнул Скорпио. – На что ты мне сдался, отрок? Я тебя вытолкну в обратный путь, под отчий кров.

– Договорились, – все еще неуверенно сказал Чарли.

Он извлек картину и водрузил ее на ночной столик, прислонив к лампе, а сам уставился прямо в глаза нарисованному колдуну. Но ничего не происходило. Впрочем, чего он ожидал, если настоящий Скорпио дышал ему, Чарли, в затылок и цеплялся за рукав? Там, на картине, была лишь безжизненная нарисованная фигура, бессильная втянуть Чарли внутрь.

– Знаете, по-моему, вам нужно от всей души захотеть, чтобы я попал в картину, – проговорил Чарли.

– Внемлю, – отозвался Скорпио и положил костлявые руки на плечи Чарли. Подчиняясь нажиму, мальчик сделал к картине шаг, затем другой...

– Сильней старайся, неслух! Еще натужься! – проскрежетал ему в ухо свирепеющий колдун.

– Да не мешайте вы, я и так делаю что мо...

Чарли осекся, потому что вдруг полетел куда-то вперед с головокружительной скоростью. Клешни Скорпио вцепились в него железной хваткой, уже не столько подталкивая, сколько волоча за собой. Вокруг Чарли за клубились облака пыли, легкие просто разрывало, он зажмурился и отчаянно расчихался.

В ноздри мальчику ударил знакомый запах – смесь плесени и свечных огарков. Чарли протер глаза: впереди замигали язычки пламени. Навстречу ему плыла келья чародея – вот показались свечи в канделябрах, длинный стол и на нем череп, пентаграмма на стене. А посреди комнаты стоял сам Скорпио, остекленело глядя в никуда пустыми ястребиными глазами.

Чарли приготовился совершить посадку в берлоге у чародея, но, к его удивлению, едва приблизившись, комната вдруг опять начала отдаляться. Мальчик протянул было руки, стараясь ухватить нарисованного колдуна, но они встретили только пустоту. Он выбросил вперед ногу, чтобы нащупать почву под ногами, но его

тошнотворно качнуло в пространстве, перевернуло вверх тормашками и поволокло обратно.

Бум!

Чарли ничком рухнул на пол собственной комнаты, больно ударившись коленками. Рядом застонали.

Скорпио стоял тут же, на четвереньках, и черная хламида завернулась ему на голову.

– Что случилось? – кашляя, спросил Чарли. Чародей не без труда разгладил свое одеяние и сел прямо на пол. Некоторое время Скорпио горестно тряс головой, потом воздел руки к потолку и произнес:

– Ея мы позабыли! Горе! Горе! Увы нам! Где она блуждает?

– Что-что? – Чарли, пошатываясь, поднялся. – Кого позабыли? Где? Мы же почти попали обратно в картину! Почему нас выпихнуло?!

– Нам путь закрыт. Во всем твоя вина! – Скорпио обвиняюще нацелил на Чарли костлявый палец. – Презренный вор! Украл мою зверюшку!

– Зверюшку? – Чарли в замешательстве уставился на чародея, решительно не понимая, о чем тот говорит, потом сделал над собой усилие, и до него дошло. – А, так вы про мышь! Ну да, ясное дело, без мыши путь назад закрыт. Я так понимаю, чтобы вы могли вернуться, на картине все должно стать тютелька в тютельку как раньше.

– Сиречь с мышью, – простонал Скорпио. – А мыши нет.

– Последний раз она попадалась мне в дядиной комнате. Посидите тут, я мигом.

Но Скорпио резво вскочил, опасаясь хоть на секунду выпустить Чарли из поля зрения. Они влетели в комнату дяди Патона, бурно жестикулируя и на два голоса рассказывая о беглой мыши и несостоявшемся возвращении.

– Да тихо вы! – взмолился дядя. – У меня и так голова раскалывается. Чарли, почему этот господин все еще у нас?

Чарли сделал Скорпио знак молчать и объяснил:

– Нужно обязательно найти ту бурую мышь, иначе ему обратно не попасть.

– Смеху подобно! – Судя по всему, дяде было совсем не смешно. – Да ваша мышь давно уже убежала. Вам ее не отыскать. Сидит где-нибудь под полом, где наверняка полно крошек – на год хватит.

Скорпио со стоном упал в кресло, закрыл лицо руками и начал раскачиваться туда-сюда, завывая все громче и громче, как полицейская сирена.

От этих звуков дядя зажал уши и тоже чуть не взвыл.

– Смилуйтесь! – тщетно воззвал он к невменяемому Скорпио, потом понял, что надо действовать иначе, и, перекрывая колдуна, обратился к Чарли: – Найди-ка мой мобильник.

Дело в том, что дядя Патон не так давно приобрел себе (разумеется, по почте, а не в магазине) мобильный телефон, которым пользовался, как правило, чтобы заказывать книги. Правда, время от времени ему на дом доставляли на редкость неудачные костюмы, шляпы и галстуки, которые дядя примерял, проклинал и поспешно отсылал обратно, потому что они прескверно сидели или оказывались неподходящей расцветки.

Перерыв под затихающие вопли Скорпио груды бумаг и книг на дядином письменном столе, Чарли в итоге обнаружил мобильник и вручил дяде.

– Что вы намерены предпринять? – спросил мальчик.

– Звоню мистеру Комшарру. Огнецы разберутся, – лаконично отозвался дядя Патон, набирая номер.

– Коты?! Да они слопают мышь – и поминай как звали! – испугался Чарли, слишком живо представив себе, что будет, если Скорпио застрянет в их мире и в их доме навечно.

Дядя и ухом не повел.

– Мистер Комшарр? – сказал он. – Патон Юбим на проводе. Видите ли, у нас с Чарли и... еще кое с кем возникла некоторая сложность. Буду весьма рад, если вы и знаменитые Огнецы сможете к нам заглянуть. Конечно, если они сейчас не заняты. – Дядя Патон замолк, выслушал то, что сообщил ему певучий голос мистера Комшарра, и обрадовался: – Ах вот как? Превосходно. – Он покосился на Скорпио. – Чем скорее, тем лучше. Премного благодарен!

Скорпио уже давно прекратил рыдания и с интересом наблюдал за действиями дяди Патона.

– Твои персты наделены магическими свойствами! – заключил он, ткнув в мобильник.

– Можно сказать и так, – легко согласился дядя Патон, стараясь не смотреть на Чарли. – Итак, господин... Скорпио, верно? Терпение и

еще раз терпение. Вскорости на подмогу прибудет один наш надежный друг. А пока что я бы очень просил вас соблюдать тишину. Как видите, я неважно себя чувствую, и шум меня просто доконает. Договорились?

Колдун внимательно выслушал дядю Патона, и обещания с увещеваниями на него явно подействовали. Скорпио затаился в кресле и лишь время от времени что-то шептал себе под нос, а в остальном в комнате настала такая тишь, что было слышно даже тиканье часов, которые дядя Патон по ошибке запрятал куда-то в шкаф.

В тишину погрузился и весь дом, и так продолжалось до тех пор, пока не вернулась с работы мама. Заслышав ее шаги в прихожей, Чарли помчался вниз и пустился в торопливые объяснения: надо же предупредить, что наверху, у дяди, сидит всамделишный чародей! Правда, от волнения Чарли тараторил на пулеметной скорости и путался в словах, однако мама быстро сообразила, о чем речь. От удивления она выронила авоську и, опустившись на стул, воскликнула:

– Вот чудеса! Чарли, неужели это настоящий средневековый чародей?

– По-моему, он не из Средневековья, а из времен Тюдоров, – уточнил Чарли. – Его папаша был знаком с Марией Шотландской.

– Просто в голове не укладывается, – вздохнула мама. – Вот уж никогда бы не подумала, что твой дар принесет такие плоды! А бабушка в курсе?

– Бабушка Бон? Ага, только она как его увидела – хлоп в обморок!

– Еще бы...

Кто-то позвонил в дверь, и Чарли побежал отворять.

– Вот и мы, Чарли. Всецело к твоим услугам. – В прихожую влетел мистер Комшарр, а за ним три огненных кота. – Добрый вечер! – поздоровался он с миссис Бон, выглянувшей на звонок из кухни.

– Ну, вы разбирайтесь, не буду мешать, – сказала мама и занялась ужином.

Как всегда, стоило Чарли завидеть Огнецов – и его залила горячая волна необъяснимой радости. Ощущение было примерно такое, будто унылым дождливым днем вдруг развиднелось, на небе, разогнав тучи, появилось солнышко и греет тебе нос. Коты так и вились вокруг Чарли, терлись о его ноги и громко мурлыкали. Мальчик, стараясь быть кратким, объяснил мистеру Комшарру суть дела.

– Вот дядя Патон и подумал, что Огнецы смогут изловить мышь, – закончил Чарли. – Только ведь они ее не убьют? Мистер Комшарр, пожалуйста, скажите, они ее не съедят?

– Конечно нет! – с жаром отозвался гость. – Раз Огнецы знают, что мышь нужна живой, ты ее получишь целой и невредимой. Ну, мои несравненные, вперед, наверх! – воскликнул он, оборачиваясь к котам.

Огненная кошачья тройца кометой промчалась по лестнице: впереди – медно-рыжий Феникс, вторым – ярко-оранжевый Везувий, а за ним – ослепительно желтый Саламандр.

Именно этот неподходящий момент бабушка Бон и выбрала, чтобы очнуться от обморока и высунуть нос из своей комнаты.

– Ай! Кошки! – взвизгнула она.

В ответ Феникс зашипел, Везувий заурчал, а Саламандр выгнул спину и распушился, став в три раза толще.

Старуха поспешно отступила, с грохотом хлопнув дверью, и уже из комнаты донесся ее вопль:

– И шагу наружу не сделаю, пока эти твари не уберутся!

– Вот и отлично, – сказал себе под нос Чарли.

Мистер Комшарр уже склонился над изголовьем дяди Патона, а коты чинно расселись на ковре.

– Мне сообщили, что вы больны, мистер Юбим. Отдыхайте, а мы сделаем все, чтобы вам помочь, – торжественно пообещал гость.

– Благодарствую, Орвил, – улыбнулся дядя, – но вот этому господину помощь требуется срочно, а я подожду. – Он кивнул на Скорпио.

Мистер Комшарр чуть не подпрыгнул: он и не заметил чародея, скорчившегося в кресле.

– Вот те на! Ах, простите, сэр! Какая честь. Орвил Комшарр. – Хозяин «Зоокафе» протянул Скорпио руку, напоминавшую мохнатую лапку.

Колдун даже не заметил рукопожатия – его взгляд был прикован к котам, уже сновавшим по комнате и обнюхивавшим углы.

– Сколь они прекрасны, сии древние создания! Пардусы, сиречь леопарды, сомнений нет! Твои ль они, мой добрый господин?

– Огнецы не принадлежат никому, хотя когда-то были монаршими котами, – спокойно ответил мистер Комшарр. – Как вы понимаете, я имею в виду Алого короля.

– О да, мне это имя ведомо. – Скорпио кивнул, не спуская глаз с котов. Колдун смотрел на них, как голодный – на мясо, и Чарли это страшно не понравилось.

– Даже и не думайте, забрать их нельзя! – как можно строже предупредил мальчик.

Скорпио оскорбленно затряс бородой:

– Да будет тебе известно, отрок, что я не из воря.

– Ну, это положим... – Чарли с усилием заставил себя не заговаривать об украденной волшебной палочке. И без того положение непростое.

– Итак, Чарли, где картина? – деловито спросил мистер Комшарр.

Чарли принес злосчастное изображение чародея, и мистер Комшарр, уперев длинный ноготь указательного пальца в нарисованную мышь, обратился к котам:

– Огнецы, видите эту мышку? Бурая, высовывается из кармана у чародея? Вот ее и надо изловить.

Коты некоторое время переводили непроницаемые янтарные глаза с картины на Скорпио в кресле и обратно. Мгновение – и они, проворно обежав комнату и заглянув под кровать, выскользнули вон.

Чарли стало интересно, как пойдут поиски, и он последовал за котами. Дом озарился теплым золотистым сиянием, исходившим от их шубок, а поскольку Огнецы ни секунды не сидели на месте, то сияние это колебалось и танцевало по стенам и потолку, будто где-то горел невидимый огонь в камине или кто-то носил по комнатам факелы. То тут, то там раздавалось нетерпеливое мяуканье, мягко топотали бархатные лапки, легко скреблись коготки, что-то таинственно постукивало и поскрипывало. Коты умудрялись приподнимать ковры, поворачивать дверные ручки, выдвигать ящики, заглядывать во все закоулки; их янтарные глаза не упускали ничего. Они то разбегались, то вновь собирались втроем, точно совещаясь, и вот уселись посреди прихожей и наострили уши. Потом хором принюхались и устремились куда-то в кладовку.

Тишина.

Чарли затаил дыхание и ждал.

В кладовке что-то пискнуло, стукнуло, один из котов победоносно мяукнул, и вот все трое показались на пороге, причем Саламандр нес в зубах бурую мышку. В комнате у дяди Патона кот с довольным

урчанием выложил добычу на колени к Скорпио. Мышь была глубоко потрясена, но совершенно невредима.

– Ужель она?! Она! – радостно вскричал колдун, хватая мышь. – Какое дивное проворство! Я твой должник, премного благодарен! – Скорпио благоговейно погладил Саламандра, опустил мышь в карман, встал и отвесил всем присутствующим церемонный поклон. – Засим позвольте мне проститься, господа.

Прислонив картину с самим собой к стопке книг на столе, Скорпио решительно взял Чарли за плечи и развернул лицом к полотну.

– Домой, немедленно! – велел он.

– Ладно. – Чарли оглянулся на дядю и мистера Комшарра. – Если я застряну, помогите?

– Огнецы будут тебя охранять, – сказал мистер Комшарр.

И точно, коты сели у ног Чарли.

Мальчику и чародею пришлось начать всю неприятную процедуру с толканием и пиханием сызнава, но на этот раз дело пошло гладко: Чарли, не спускавший глаз с нарисованного Скорпио, почти сразу ощутил, что летит куда-то вперед. Страшно ему при этом не было ни чуточки. Мальчику казалось, будто его со всех сторон омывают волны теплого воздуха, который то и дело вспыхивал алым и золотым. И когда в глазах чародея на картине наконец-то засветился живой огонек, Чарли с облегчением понял: получилось! Теперь нужно быстро убраться отсюда, пока Скорпио не устроил какую-нибудь пакость.

Однако у чародея, судя по всему, и в мыслях не было обманывать своего спасителя.

– Ступай, Чарли Бон! И помни о целебной траве, которая вылечит твоего достопочтенного дядю, – напутствовал мальчика Скорпио.

То, что произошло далее, случилось отнюдь не по вине чародея: Чарли сам углядел за спиной у Скорпио высокое узкое окно – и уже не смог оторвать от него взгляда. За окном простиралось море, и гладь его поблескивала в лунных лучах. Не успел мальчик опомниться, как вылетел в это окно и устремился к морю.

Страх он по-прежнему не ощущал: здесь, над морем, Чарли все так же согревало присутствие Огнецов, и в голубом лунном воздухе все так же вспыхивали золотистые и алые искорки. Но вот впереди показался берег, поросший густым лесом. У Чарли захватило дух от

волнующего предчувствия чуда. Минута – и он уже летел над верхушками деревьев, тронутыми огненными отсветами.

Чарли глянул вниз, и глазам его предстала поляна, озаренная светом костра. Какой-то человек подбрасывал в огонь ветки; он был в алом плаще, смуглый, как нагретая солнцем земля, и Чарли показалось, что на свете нет никого печальнее этого незнакомца.

Искры от костра взлетали вверх, и, когда человек в алом, наблюдая за ними, поднял глаза к небу, он заметил Чарли. Печальное выражение мгновенно исчезло со смуглого лица, уступив место широкой радостной улыбке. Глубоким, мелодичным голосом человек в алом произнес три имени, и три гибких создания выплыли по его зову из темноты. Отсветы костра танцевали на их пятнистых шкурах, а золотые глаза устремились прямо на Чарли.

Глава 14

ВПЕРЕД, ЗА ВЕРБЕНОЙ!

– Огнецы! – вырвалось у Чарли.

– Ты вернулся, Чарли? – окликнул мальчика знакомый голос.

Поляну, костер, незнакомца, пятнистых зверей – все тотчас затянуло серебристым туманом, а когда он рассеялся, моргающий Чарли увидел, что на него в упор смотрят три пары золотых кошачьих глаз.

– Ой, – только и сказал он, наклонившись погладить Огнецов.

– Это было нечто, Чарли! Такое зрелище в жизни не забудешь.

Туман растаял окончательно, и Чарли увидел, что кресло, в котором недавно сидел Скорпио, занято мистером Комшарром.

– И что было? – спросил Чарли.

– Ты смотрел на картину, а чародей – на тебя. И вдруг он прошел сквозь тебя и постепенно начал просвечивать, таять, как туман, и вот уже превратился в тень, – увлеченно рассказывал мистер Комшарр, подавшись вперед, – а потом и вовсе исчез. Фьюить – и нету!

– А со мной что произошло?

– С тобой? Ты просто оставался на месте. Застыл, как камень, и вперился в картину. То ли дело Огнецы! Они так и сновали туда-сюда! Все кружили у тебя под ногами, и мурлыкали, и пели свои песни – я ни разу такого не видывал.

– Мне кажется, они... они побывали *там* со мной, – объяснил Чарли. – То есть сопровождали меня мысленно.

– Правда? Ну что ж, меньшего я от них и не ожидал.

Чарли не стал рассказывать о встрече с незнакомцем в алом и с тремя леопардами. Мальчик решил сохранить встречу в тайне, ведь это было настоящее чудо, и, по правде говоря, Чарли не просто не хотел о нем никому рассказывать – у него все равно не нашлось бы слов.

Он повернулся к дяде Патону и обнаружил, что тот мирно спит.

– А дядя Патон видел, что произошло? – спросил Чарли.

– Нет, бедняга заснул еще прежде, чем Скорпио исчез, – отозвался мистер Комшарр. – Он очень ослабел, Чарли. Вот горе-то: такой храбрец, такой умница – и посмотри, до какого состояния его довели!

– Я хочу ему помочь, и обязательно помогу, – твердо сказал Чарли. – Скорпио говорил – дяде надо выкупаться в свежем отваре какой-то травы... как же ее? Вервейна, вот. Как по-вашему, где мне ее отыскать? Да еще в свежем виде?

– Хм... – Мистер Комшарр задумчиво расправил бакенбарды. – Он имел в виду вербену. Сушеную-то еще можно найти, а свежую... Я спрашиваю, Чарли. Ну, мне пора. Удачи! – И мистер Комшарр с обычным своим молниеносным проворством вылетел из комнаты, прежде чем Чарли успел задать ему следующий вопрос.

– Всего наилучшего, миссис Бон! – донеслось через секунду из прихожей, и мистер Комшарр вместе с Огнецами скрылся в конце Фил-берт-стрит.

– Ушли? – крикнула из своей комнаты бабушка Бон.

– Ушли, бабушка, ушли, – со вздохом отозвался Чарли.

Старуха тут же распахнула дверь.

– Все ушли? – с нажимом спросила она. – Ты знаешь, о ком я, Чарлз.

– Да-да, и он тоже.

– Наконец-то! Скатертью дорога! – С этими словами бабушка Бон хлопнула дверью и заперлась у себя.

Чарли сел за чай вместе с мамой, но мысли его то и дело возвращались к удивительному путешествию, которое он умудрился совершить, не сходя с места. «Я видел Алого короля, это ясно, – размышлял Чарли. – И он меня видел. А еще я видел леопардов и лес, где они живут. Отвели меня туда Огнецы. Но как? Почему? Тьфу ты, ничего не понимаю!»

– Чарли, ау! – потормошила его мама. – Вернись на землю.

Мальчик поднял глаза от недопитой чашки и, поколебавшись, сказал:

– Я просто пытаюсь сообразить, где же мне взять свежую вервей... вербену.

– Вербену? – переспросила мама. – Ах да, это такое растение... лекарственное. Его в чай заваривают и еще в косметику добавляют. Но в свежем виде оно мне никогда не попадалось. Зачем тебе вербена, Чарли?

– Чтобы вылечить дядю Патона.

– Ах вот оно что! – Мама удивленно подняла брови, но ничего не сказала.

Через некоторое время она приготовила для дяди Патона легкий ужин, и Чарли отнес его больному, но тот даже не прикоснулся к пище. Комната была погружена в темноту, поэтому Чарли зажег свечку на письменном столе.

– Ну пожалуйста, поешьте хоть немного! – упрашивал он дядю. – Я-то думал, вы начали поправляться!

Дядя отвернулся: на поднос с ужином он даже глядеть не мог.

– Извини, мой мальчик, но похоже на то, что я – человек конченный. Этот недуг пропитал меня до костей. Он расквитался со мной.

– Кто – он? И что он с вами сделал? – допытывался Чарли, но тщетно: дядя не желал отвечать. Вместо этого он едва слышным, измученным голосом спросил:

– Джулия больше не приходила?

– Похоже, что нет, – нехотя ответил Чарли.

– Разумеется, – похоронным тоном откликнулся дядя.

– Может, она заглядывала, пока я был в школе, – поспешил исправить свой ляп Чарли. – Да, конечно, я уверен, что приходила! Наверно, ее бабушка Бон не пустила.

– Нет, Чарли, она не приходила. – Дядя вздохнул. – Джулия забыла меня.

Чарли не нашелся с ответом; он понятия не имел, как и чем утешить дядю. Может, рассказать ему о встрече с Алым королем? Вдруг это его подбодрит? Мальчик уже собрался с духом, но понял, что по-прежнему не решается поделиться этой историей и не знает, как описать удивительный полет над лесом, отсветы костра и улыбку на смуглом лице короля.

– Вам надо попробовать свежую вербену, – сказал он наконец. – По-моему, Скорпио и правда хотел вам помочь.

– Вербена... священное целебное растение... – пробормотал дядя.

– Вы не знаете, где она растет? Непременно нужна свежая, а то бы я в аптеку сбегал.

– Возможно, у Юстасии в саду, – тихо ответил дядя Патон. – Там чего только не растет. Но, Чарли, мой тебе совет: не суйся туда, это опасное место.

– Я не боюсь. И вообще, я там уже был, – признался Чарли.

– Не ходи, Чарли, не надо! – из последних сил попросил дядя Патон и вновь уснул беспокойным сном, ворочаясь, постанывая, скрипя зубами и от кого-то отмахиваясь.

Но Чарли уже принял решение: он проберется в сад тетки Юстасии. Только сначала нужно выяснить, как именно выглядит вербена, а то хорош он будет, если нарвет вместо нее какой-нибудь отравы, белены там или еще чего похуже. Надо понимать, у тетки в саду всякой смертоносной дряни полным-полно – под стать хозяйке. В аптеке все лекарственные растения продаются в сушеном и измельченном виде, картинки на коробочках небось есть не всегда, значит, аптека отпадает. Остается только одно.

В субботу утром Чарли, дождавшись, пока мама уйдет в магазин, отправился в книжный магазин к мисс Ингдью. Обычно там царила тишина и покой, но на сей раз Чарли ожидал сюрприз: за прилавком сутились Оливия, Танкред и Лизандр – все трое в невероятных шляпах, богато украшенных перьями.

Выяснилось, что Эмме и Танкреду поручили придумать шляпы для пресловутой школьной постановки, а Лизандра они притащили с собой, чтобы как-то развеять его скверное настроение. Мысль оказалась удачной: сумрачный гул барабанов африканца уже не сопровождал. Более того, когда Танкред подбросил свою шляпу с желтым султаном к потолку, а потом ловко поймал на голову, Лизандр даже рассмеялся, чего с ним давно не бывало.

– Какой ты серьезный, Чарли, – заметил Танкред, лихо сдвинув шляпу набекрень. – Не волнуйся, мы не забыли про Рики и все время прикидываем, как его спасти, только вот, понимаешь, сейчас с этой постановкой дел по горло.

– А про что пьеса? – поинтересовался Чарли, разглядывая шляпы. – Про птичник?

– Да нет же! – вмешалась Оливия. – Она... ну в общем, отчасти по мотивам «Огнива», а отчасти – «Двенадцати принцесс-плясуний»*[3]. Я играю одну из принцесс.

– А кому досталась главная роль?

– Представляешь, пока еще не решено! – оживленно сообщила Оливия. – Манфред хочет, чтобы ее играла Лидия Пейман. По-моему, он в нее втюрился. Зелда сама не своя от ревности.

На шум вышла мисс Ингльдью.

– Привет, Чарли. Ребятки, а не перебраться ли вам в заднюю комнату? – с улыбкой предложила она. – Мне не хочется, чтобы покупатели решили, будто у нас тут теперь шляпное ателье.

– Я, собственно, не шляпы мерить пришел, – солидно объяснил Чарли. – У меня важное дело. Насчет дяди Патона.

– Понятно. – Мисс Ингльдью старательно сделала безразличное лицо, но провести Чарли ей не удалось – было видно, что Патон ей отнюдь не безразличен. – Твоя бабушка решила, что я его преследую, так вот, имей в виду: у меня ничего подобного и в мыслях нет.

Шляпная команда раздумала уходить и наострила уши.

– Конечно-конечно. Но дело не в этом, – заторопился Чарли. – Понимаете, дяде стало хуже, он даже есть не может.

– Ах! Я и не знала! – Мисс Ингльдью всплеснула руками и заметалась. – Бедный он, бедный! Я должна... Ах, мне так жаль!

– Мне один знающий человек сказал, что, возможно, дяде Патону поможет свежая вербена, – продолжал Чарли.

Мисс Ингльдью нахмурилась.

– Кто именно тебе это сказал? – спросила она.

– Зуб даю, чародей, – вставила Оливия.

– Что, правда? – насторожилась Эмма. – Скажи, Чарли!

– Давай говори, а то сейчас как дуну – штаны потеряешь! – шуточно пригрозил Танкред.

Чарли вцепился в свой ремень (с Танкреда станется!) и сознался:

– Угу, чародей.

– Понятия не имею, о ком это ты, – серьезно сказала мисс Ингльдью. – И пожалуйста, ничего мне не объясняй – что-то мне неинтересно про колдунов.

– Дело не в колдунах. Мне нужно выяснить, как выглядит вербена, и я подумал: у вас же много всяких редких книг, энциклопедий, справочников, – может, там найдется картинка с вербеной?

Тут в магазин вошли двое покупателей, и мисс Ингльдью отправила Чарли и компанию искать вербену в энциклопедии самостоятельно – на полках в жилых комнатах.

– Посмотрите в энциклопедии на «А» – «Ароматерапия».

Том с «Ароматерапией» нашел Лизандр – отчасти потому, что был выше всех, а буква «А» располагалась на самой верхней полке.

– Вот она! – сказал Лизандр, выкладывая на стол раскрытую книгу. На цветной вкладке красовалась фотография загадочной вербены, оказавшейся кустовым растением с изжелта-зелеными листьями и крошечными лиловыми цветами на кончике каждого побега. – Здесь написано, что, по поверьям, вербена излечивает от любых недугов, включая порчу и прочие колдовские чары.

– Священное растение, – прочитала, заглянув через его плечо в книгу, Оливия. – Римляне верили, что вербена способна исцелить от чумы и снять порчу, сглаз и прочие колдовские чары.

– И я знаю, где ее найти, – негромко сказал Чарли, внимательно глядя на фотографию, чтобы лучше запомнить.

– Где?! – хором спросили все друзья и уставились на него.

– В саду у тетки Юстасии, – ответил он. – В Сквозняковом проезде.

– Мы пойдем с тобой, – решительно заявила Оливия.

– Да ну, зачем, не надо... – воспротивился было Чарли.

– Надо, Чарли, надо. Мы с тобой, и точка, – веско сказал Лизандр. – Если я в самое ближайшее время не сделаю хоть что-нибудь удачно, я просто лопну от злости.

Подумав, Чарли согласился: соваться в Сквозняковый проезд одному ему после той памятной прогулки совсем не улыбалось. Другое дело, что компания из пяти человек в столь тихом и мрачном месте неизбежно привлечет к себе нежелательное внимание.

– Решено, одного мы тебя не отпустим, – сказал Танкред.

И пятеро друзей двинулись к выходу, предупредив мисс Ингльдю, что отправляются за вербеной. Та проводила их встревоженным взглядом, но спрашивать ничего не стала: она была занята пожилой четой, искавшей какую-то редкую поваренную книгу, посвященную исключительно кексам. Однако, когда покупатели наконец удалились, мисс Ингльдю прошла в заднюю комнату и взгляд ее упал на раскрытый том энциклопедии. Прихватив его с собой, мисс Ингльдю вернулась за прилавок и погрузилась в чтение, бормоча: «Целебное... римляне... чары...»

Затренькал колокольчик, и в книжную лавку вошли две девочки.

– Чем могу помочь? – вежливо осведомилась хозяйка.

– Мы не за книгами, – ответила прехорошенькая белокурая девочка с кукольным личиком. – Мы ищем друзей.

– Они, кажется, недавно вышли из этого магазина, – добавила другая, низенькая и кругленькая. – Мы не успели их догнать.

– А, так вы про Эмму, мою племянницу! – сообразила мисс Ингльдю.

Девочки, пришедшие не за книгами, тем не менее подошли к прилавку, и белокурая без спросу развернула к себе энциклопедию:

– Вербена? Очень интересно.

– Да. – Мисс Ингльдю закрыла книгу.

– Скажите, пожалуйста, а куда пошла Эмма и все остальные? – спросила кругленькая.

– Понятия не имею.

– Вот досада! А мы-то хотели встретиться, – посетовала кругленькая.

– Какая жалость, – заметила мисс Ингльдю, которой отчего-то показалось, что девочки лгут. Они обе не понравились ей с первого взгляда. Особенно белокурая – глаза у нее были непонятного цвета и вроде бы даже переливались, от чего делалось не по себе.

– Что ж, – вздохнула белокурая, – попробуем их догнать. – Она широко улыбнулась мисс Ингльдю, показав ровные белые зубки.

– Всего хорошего. – Мисс Ингльдю подождала, пока девочки выйдут за дверь, и понесла книгу обратно на полку.

– И что они только затеяли? – вздохнула она.

Между тем Чарли и компания добрались до Банковской площади и уже хотели углубиться в темную щель Сквознякового проезда, когда оттуда выплыла дама в красных туфлях.

– Тетка Венеция! – шепотом объяснил остальным Чарли. – Бегом, пока она нас не заметила!

Перебежав дорогу, они спрятались под шатром, образованным темными ветками высокой ели, что росла посреди площади, – переждать, пока тетка Венеция не скроется из виду. Она направлялась в ту сторону, откуда они только что пришли, но по пути неминуемо должна была миновать ель. Ближе... ближе... вот уже виден золотой замочек на кожаной сумочке... Чарли поспешно затолкал друзей поглубже в полутьму.

Тетка Венеция остановилась в нескольких шагах от елки. Чарли померещилось, что она вот-вот заглянет под ветки. Но тетка помедлила секунду-другую и продолжила свой путь.

Выждав для верности еще минуту, друзья выбрались из укрытия и под предводительством Чарли зашагали к Сквозняковому проезду. Здесь, как всегда, было мрачно и темно.

– Что за жуткое место! – воскликнула Оливия. – И кто только тут живет?

– Мои тетки. Мадам надзирательница в том числе, – сказал Чарли.

Компания, озираясь и вздрагивая, прошла мимо полузаброшенных домов, мимо мусорных баков, из которых то и дело выскакивали крысы, и очутилась перед тремя домами, стоявшими в ряд. На каждом значился номер «13».

– Какой из них нам нужен? – спросил Лизандр.

– Тетка Венеция живет слева, значит, если по старшинству, Юстасия – посередине.

– Думаешь, она дома? – приглушенно поинтересовалась Оливия.

– Не знаю, – пожал плечами Чарли. – Но я и не собираюсь стучаться к ней в дверь.

– А как мы попадем в сад? – удивилась Эмма.

Чарли как-то не додумался обмозговать это заранее, но, к счастью, Танкред быстро сориентировался. Пока остальные вертели головой, он уже отыскал маленькую железную калитку.

– Нам сюда, – поманил Танкред друзей.

За калиткой открывался узкий проход между домами номер двенадцать и тринадцать. Было совершенно очевидно, что он и ведет в сад на задах дома.

Калитка издала пронзительный ржавый скрип, и Чарли, замыкавший экспедицию, нервно оглянулся на теткин дом. Но в боковой стене было только одно окно, на самом верху, да и то занавешенное, хотя и открытое.

Оказалось, что сады имеются на задах каждого из домов Сквознякового проезда, причем разделяла их высокая каменная ограда. Почти из каждого сада можно было попасть на зады Банковской площади, кроме сада, примыкавшего к тринадцатому номеру, – в него с улицы было не войти, только из дома.

– Ничего не поделаешь, Чарли, придется тебе перелезть через ограду. Забирайся ко мне на спину, – предложил Лизандр.

– Мы постоим на карауле, – вызвалась Эмма.

– А я с Чарли, – сказал Танкред.

– Нет, я! – вмешалась Оливия. – Ну пожалуйста!

– Чш-ш! Полезли втроем, только не шумите! – шикнул на них Чарли, опасливо озираясь.

Стоило мальчику вскарабкаться на спину Лизандра и глянуть через стену, как стало ясно: в этом саду без помощников ничего не найдешь. Чего тут только не росло: и кустарники, и травы, и цветы; там, где не было грядок или клумб, зеленым ковром топорщился мох. Настоящие джунгли!

– Ого! – поразилась Оливия, последовавшая за Чарли. – Ну, с чего начнем?

Танкред предложил действовать планомерно и двигаться от садовой ограды к дому. Чарли сразу понял, что прочесать сад будет непросто: зелень росла так плотно, что нельзя было сделать и шагу, чтобы не наступить на цветок или ветку. Больше всего ущерба причиняли саду тяжелые фиолетовые ботинки Оливии: она все время спотыкалась и хрупкие стебли зловеще хрустели у нее под ногами. Чарли изо всех сил старался не оглядываться, но спиной чувствовал, что Оливия давит самые редкие растения.

Молча обшаривали они сад, лишь изредка переговариваясь: «Кажется, нашел... Ой, не то!»

Экспедиция уже почти уперлась в стену дома, когда Чарли услышал, как что-то маленькое и твердое упало на широкую каменную ограду, отделявшую сад тетки Юстасии от соседнего. Забыв об осторожности, он метнулся посмотреть, что это, и в руках у него оказался гладкий серый камешек – подозрительно знакомый. Чарли наморщил лоб, и до него дошло. «Мистер Краплак! – пробормотал мальчик себе под нос. – Ну точно, сверкающие камни!» Однако откуда взялся камешек? Из дома тетки Юстасии или из соседнего, тетки Венеции?

– Чарли, ты как, нашел? – громким шепотом спросил Танкред.

– Нет, но...

С той стороны ограды донесся свист.

– Берегись, Чарли! – позвал Лизандр. – В доме что-то происходит!

Внутри мрачного дома и впрямь слышались голоса, то самое окно в боковой стене захлопнулось, а потом раздались торопливые шаги.

– Надо давать деру! – решила Оливия.

– Но я так и не нашел вербену, – возразил Чарли.

– В другой раз, сейчас не до этого! – Танкред дернул его за рукав.

Но Чарли не поддавался – ведь другого раза может и не быть. Он завертелся волчком, щуря глаза и всматриваясь в растения, хотя перед глазами у него уже рябило от зелени. Танкред с Оливией, перепрыгивая через грядки, мчались к ограде.

– Чарли, осторожнее! – крикнул Танкред. Скрипнула дверь: кто-то вошел в сад. Тетка Юстасия!

И тут Чарли наконец-то увидел вербену – прямо у себя под ногами. Но аккуратно срывать побеги было некогда, он наклонился и выдернул весь кустик с корнем.

– Ты что, с ума сошел? – завопила тетка Юстасия и сбежала по ступенькам крыльца.

Чарли, давя растения, побежал к ограде, через которую уже перелезала Оливия. Мальчик быстро уцепился за каменную стену и приготовился подтянуться, но под ногами у него что-то хрустнуло, и он почувствовал, что проваливается под землю. Чарли отчаянно завопил, пытаясь ухватиться за ближайшие кусты, которые, конечно, как назло, оказались колючими. Но и кусты не помогли: он проваливался все глубже.

– Ха-ха-ха! Попался в мою ловушку, безмозглый сопляк! – заклекотала тетка Юстасия.

– Чарли, ты где там застрял? – тревожно пискнула Оливия.

– Помогите! – Чарли пытался ухватиться за края ямы, но тщетно: земля была мокрая, а из нее торчали скользкие корни и еще какая-то гниль.

Из всех теток у Юстасии был самый противный смех, и теперь она стояла над ямой и заходилась трескучим злорадным хохотом. Чарли старался не смотреть вверх, чтобы не видеть ее бурые чулки и пожелтевшие нижние юбки. Он зажмурился и из последних сил позвал на помощь.

– Какая уж тут помощь! – Тетка Юстасия фыркнула. – Ты попался, как крыса в ловушку, Чарлз. Что бы мне такое с тобой

сделать?

Чарли не выдержал и открыл глаза.

– Детей обижать нельзя, – вызывающе сказал он. – Тем более – родных. Тем более – старушкам.

– Ах, нельзя? Ничего не поделаешь, придется, – отрезала тетка. – А если ты...

Фраза оборвалась, и тетка Юстасия внезапно подлетела в воздух легче пушинки. Чарли разинул рот от изумления, но тетка взвилась в небо и пропала в туче кружащихся листьев. Вокруг Чарли завывал ветер, взметая с земли прутья, комья земли, листья, – настоящий смерч!

– Танкред, – выдохнул Чарли.

Над краем ямы появились две пары рук.

– Вылезай, Чарли, – сказал голос Танкреда; самого его даже видно не было из-за листьев и прочего.

– Танкред разобрался со старой мымрой, – непочтительно сообщила Оливия, – так что пошли.

Но Чарли было даже не дотянуться до кончиков ее пальцев.

– Не достать! – крикнул он. – Мне никак! Появилась еще одна пара рук – темнокожих, крепких и длинных.

– Подпрыгни, Чарли! – настойчиво сказал Лизандр. – Подпрыгни и ухватись за меня! Ну же! Мы тебя вытащим!

Чарли нашарил оброненную вербену, зажал ее в зубах и послушно подпрыгнул. Лизандр поймал его за левую руку, Оливия с Танкредом – за правую, ногами Чарли уперся в стенку ямы и принялся карабкаться вверх. Особенно трудно было не выронить драгоценную вербену. Кроме того, неподалеку кто-то пронзительно визжал, и, только очутившись на поверхности, Чарли понял, что голос принадлежит тетке Юстасии. Визг доносился из-под зеленого кургана, увенчанного перепутанными стеблями и травой. Курган пытался встать, но падал под натиском неутихающего штормового ветра.

– Прекратите! – визжал курган. Но Чарли с друзьями уже неслись к садовой ограде.

Лизандр подтолкнул Чарли снизу, и экспедиция, перевалившись через каменную стену, рухнула в проулок, задыхаясь от хохота.

– Что случилось? – взбудораженно спросила Эмма, которой, даже привстав на цыпочки, не удалось разглядеть происходящее в саду.

– Танкред... своим фирменным приемом... ох... и теперь тетка Чарли стала похожа на компостную кучу! – с трудом выговорила сквозь смех Оливия.

– Она тебе этого не простит, Чарли! – Перепуганная Эмма даже не засмеялась.

Решив пока что не думать о мести тетки Юстасии, Чарли быстро вынул изо рта вербену, сплюнул комья земли, наспех отряхнулся и вслед за друзьями поспешил прочь от теткиного сада.

Когда вся компания вновь очутилась в Сквозняковом проезде, перед тремя фасадами с номером «13», Эмма – единственный предусмотрительный участник экспедиции – вытащи из кармана пластиковый пакет и протянула Чарли.

– Мы бы без тебя просто пропали! – благодарно сказал тот, укладывая кустик вербены в пакет – прямо как был, вместе с корнями.

– Раз у нее есть корни, можно будет ее посадить, и она приживется, – предложила Эмма.

– Сначала надо проверить, сработает она или нет, – резонно заметил Чарли.

После Сквознякового проезда даже угрюмая Банковская площадь показалась друзьям милым и приятным местом: здесь сияло солнце и было значительно теплее. Можно подумать, что в Сквозняковый проезд солнечный свет не заглядывает вообще никогда и там царит вечный сумрак – сырой, холодный и пугающий. Компания с удовольствием подставила носы под солнечные лучи.

– Кстати, Чарли, а что ты там такое рассматривал, когда твоя тетка выбежала в сад?

Чарли хлопнул себя по лбу, потом поспешно полез в карман: в суматохе он и думать забыл про камешек.

– Вот это, – сказал он, показывая друзьям раскрытую ладонь, на которой поблескивал гладкий серый голыш.

– Где-то я уже видел такой, – задумчиво протянул Лизандр.

– Это мистера Краплака, точно вам говорю, – уверенно сказал Чарли. – Те камешки, которые он заставлял сверкать, выглядели именно так.

– Да, ты прав, – согласилась Оливия, – но вот вопрос: каким образом этот оказался в саду у твоей тетки?

– Кто-то бросил его из окна в сад, – объяснил Чарли. – Думаю, тетка Юстасия его где-то стащила.

Остальные закивали, ничуть не усомнившись. Но кто и зачем бросил камешек из окна, все равно оставалось непонятным. Еще одна загадка...

– Сплошные загадки! – подытожил Лизандр. – Вот что, давайте-ка встретимся завтра и решим, как быть с Рики.

– А как насчет дяди Патона? – напомнила Эмма. – Вдруг вербена не подействует?

– На совещание я все равно приду, – заверил ее Чарли.

На перекрестке друзья расстались, и Чарли, размахивая драгоценным пакетом, помчался домой. Ему не терпелось проверить магическое действие целебной вербены. Так, значит, первым делом надо будет крошить часть листьев и заварить в чайнике... Вбежав на крыльцо, он рывком распахнул дверь и столкнулся с бабушкой Бон. Она что, нарочно в прихожей подкарауливала?

– Что это ты принес? – спросила старуха, подозрительно прищурившись на пластиковый пакет.

– Да так, ничего особенного... кое-какую зелень из маминой лавки, – симпровизировал Чарли.

– Наглая ложь! Мне известны все твои сегодняшние похождения! Юстасия уже звонила! Ты просто воришка!

– Нет. – Чарли попятился.

– Отдай пакет! – потребовала бабушка Бон.

– Не отдам! – крикнул Чарли.

Старуха попыталась выхватить у него мешок, но тут, откуда ни возьмись, на крыльцо в один прыжок взлетел большой пес соломенной масти и врезался в бабушку Бон так, что она отшатнулась.

– Боб! – воскликнул Чарли и вместе со Спринтером-Бобом скатился с крыльца, провожаемый злобными воплями старухи:

– Стой! Чарлз! Вернись, кому сказано! Ну смотри у меня! Это тебе с рук не сойдет!

Чарли, задыхаясь, на бегу спросил у пса:

– Откуда ты взялся? Ты мне просто жизнь спас!

Спринтер-Боб, конечно, не ответил, но стоило Фиделио показаться из-за поворота, как чудо объяснилось.

– Привет, Чарли! Он убежал от меня, – на бегу сообщил Фиделио. – Наверно, учуял тебя и не вытерпел – соскучился небось. Уф, еле догнал. Понимаешь, пришел я в «Зоокафе», думал – ты там, а напоролся на Нортон Кросса. Он мигом взял меня в оборот – сунул поводок и отправил гулять с Бобом. Говорит, совести у нас нет.

– Я забыл, – устыдился Чарли. – Все время забываю с ним погулять, дел, понимаешь, выше головы. Извини, Боб, – добавил он и потрепал радостного пса за ухо.

– Так где ты пропадал? И что нового? – поинтересовался Фиделио, сбавив скорость.

Чарли рассказал о походе в Сквозняковый проезд за целебной вербеной.

– Эх, жалко, меня там не было. – Фиделио явно расстроился, что пропустил такую авантюру. – Знаешь что, пошли-ка к нам домой – пересидишь, пока твоя бабушка не поостынет.

Чарли охотно согласился.

Спринтер-Боб, правда, ликования не выразил, но пес был настолько счастлив встречей с Чарли, что готов был ради общения с ним стерпеть даже визит в ужасный шумный дом, где все время что-то грохотало, звенело и завывало, а хозяева даже разговаривать нормально не умели.

Пса можно было понять: все семеро братьев и сестер Фиделио играли на разных музыкальных инструментах, и, когда ни приди, хотя бы пятеро из них что-нибудь да репетировали. Кроме того, папа Фиделио, мистер Дореми, изъяснялся оперным речитативом – у него был роскошный бас, от которого дрожали стекла, ну а мама обладала пронзительным сопрано. Словом, дом семейства Дореми едва ли не круглосуточно напоминал не то гигантскую музыкальную шкатулку, не то плод воспаленного воображения какого-нибудь сумасшедшего авангардного композитора.

– Идем на чердак, – перекрикивая обычную какофонию, предложил Фиделио, как только они переступили порог. – Там потише.

Спринтер-Боб, прижав уши, тенью проследовал за мальчиками вверх по лестнице, вздрагивая всем телом от каждой рулады на трубе, барабанной дроби или скрипичного аккорда.

На чердаке семейство Дореми держало сломанные музыкальные инструменты. Здесь было прохладно и полутемно. Фиделио усадил

Чарли рядом с собой на какой-то деревянный ящик, и нашему герою пришлось рассказать всю эпопею с отправкой Скорпио домой – с самого начала. Но вот что странно: и на этот раз Чарли умолчал о таинственном полете над морем и лесом, о костре на поляне, об Алом короле и золотоглазых леопардах. Не получалось про все это рассказать – язык не поворачивался. Может, как-нибудь в другой раз, решил он.

Фиделио внимательно выслушал рассказ приятеля, потом пригладил кудрявые волосы и решительно сказал:

– По-моему, тебе сегодня лучше не попадаться на глаза бабушке. И давай-ка поставим вербену в воду, а то еще завянет.

Они спустились обратно, причем по дороге пришлось то и дело останавливаться, потому что все братья и сестры Фиделио хотели погладить Спринтера-Боба и горячо приветствовали Чарли. На кухне мальчики обнаружили миссис Дореми, которая, напевая, готовила банановый крем и настоящий домашний лимонад.

– Какой интересный цветок! – воскликнула она, когда Чарли извлек поникшую вербену из пакета. – Посадить его в горшок?

– Мам, понимаешь, Чарли нужно спрятать его у нас – от бабушки. А в горшке цветок не больно-то спрячешь. Кстати, это не просто цветок, а лекарственное растение.

– Поня-я-тно, – нараспев откликнулась миссис Дореми. – Что ж, поступим так. В воде оно долго не простоит, так что лучше все-таки посадить в горшок. Чарли, перед уходом срежешь пучок листьев и отнесешь домой. А растение поживет у нас и, как только тебе понадобится еще, придешь и возьмешь. Устроит?

Чарли кивнул, завернул листья вербены в носовой платок и сунул в карман, к серому камешку. Затем с благодарностью принял два бутерброда с банановым кремом (один псу, один себе) и вместе с Фиделио повел Спринтера-Боба на прогулку в парк.

К четырем они вернулись, перекусили очередными удивительными бутербродами (острый сыр с ореховым маслом и яйцо с черной смородиной), а затем Чарли отвел умиротворенного пса в «Зоокафе». Он поклялся Нортону Кроссу, что завтра непременно погуляет с Бобом, и заторопился: нужно было успеть домой, прежде чем усталая мама вернется с работы и налетит на раскаленную

бабушку Бон. Однако дома выяснилось, что бабушка Бон куда-то ушла, а мама как раз готовит дяде Патону чай.

– Можно, я заварю? – вызвался Чарли. Он вытащил из кармана носовой платок, развернул его и выложил на стол помятые листья. – Надо напоить дядю Патона вот этим.

– Откуда они у тебя, Чарли? – насторожилась мама.

– Из сада тетки Юстасии. Если честно, я их просто спер, – со вздохом признался Чарли, – так что, возможно, будут... э-э... некоторые неприятности.

На мамином лице тотчас возникла встревоженная полуулыбка.

– Как же без этого, – обреченно сказала она. – Ладно, будем надеяться, что чай подействует до того, как вернется бабушка Бон.

Мама положила в любимую чашку дяди Патона несколько листочков, а Чарли залил их кипятком и с удивлением стал наблюдать, как вода в чашке стремительно приобретает зеленый цвет. Выглядел напиток, мягко говоря, опасно. Неужели Скорпио все-таки обманул?

– Надеюсь, это не из тех лекарств, что больше калечат, чем лечат, – еще больше встревожилась мама. – Выглядит оно как сильнодействующее... и пахнет тоже.

– Мам, пожалуйста! Может, для дяди Патона это последний шанс! – взмолился Чарли. Подождав, пока кипяток остынет, он бережно завернул остаток вербены в платок, уложил в карман и понес ярко-зеленый пахучий чай к дяде.

Дядя Патон лежал в полутемной комнате: шторы были плотно задернуты – ни за что не догадаешься, что снаружи солнечный день.

Чарли осторожно поставил чашку на ночной столик и шепотом позвал:

– Дядя Патон, проснитесь, я принес вам попить.

В ответ раздался лишь стон.

– Дядечка Патон, пожалуйста, один глоток, а? Вам станет лучше, честное слово!

Дядя с трудом приподнялся на подушке, опираясь на локоть.

– Вот. – Чарли протянул ему чашку, которую тот принял трясущейся рукой, глядя на нее из-под полуприкрытых в изнеможении век. Затаив дыхание, мальчик смотрел, как дядя Патон подносит чашку к губам.

– Ну же, пейте! – не выдержал Чарли.

– Ты так настаиваешь, будто отравить меня задумал. – По странному сдавленному звуку, который сопровождал эти слова и, видимо, был смехом, Чарли понял, что дядя пытается пошутить.

– Я хочу вам помочь, – серьезно сказал мальчик.

Дядя сделал над собой усилие, открыл глаза, понюхал чай.

– Что ж, рискнем, – сказал он и сделал глоток. – Хм. Вкус специфический. Что это такое?

– Та самая вербена. Ну, про которую Скорпио говорил, что она вас вылечит. Я принес еще. – Он выложил на столик пучок листьев.

– Смахивает на лекарственное растение. Так-так, кажется, я даже знаю, где ты побывал, мой мальчик. – Дядя рассмеялся, и на этот раз смех получился настоящий. Потом он отпил еще чаю. И еще. И еще.

– Совсем неплохо. Особенно для лекарства, – заметил дядя Патон. – Благослови тебя небо. – Он поставил чашку на столик, откинулся на подушку и прикрыл глаза.

Чарли прихватил пустую чашку и на цыпочках вернулся на кухню.

– Как, подействовало? – спросила мама.

– Пока не знаю. Но он... он как-то сразу стал таким умиротворенным. Наверно, оно действует постепенно.

Сами не зная почему, Чарли с мамой разговаривали вполголоса и двигались крадучись. Включать телевизор они не решились – и не только чтобы не потревожить больного. Казалось, самый воздух в доме номер девять вдруг наполнился какими-то таинственными токами, словно в нем невидимками сновали какие-то духи, которых мог спугнуть легчайший вздох или шорох.

Стемнело, но бабушка Бон так и не возвращалась. Чарли живо представлял себе, что в одном из тринадцатых домов в Сквозняковом проезде сейчас идет совещание. Тетки наверняка советуются, как преподать ему, юному злодею, хороший урок – чтоб надолго запомнил. Мальчик глянул на маму, которая мирно читала, положив книгу на кухонный стол. «Пусть они там строят какие угодно козни, лишь бы маме не навредили!» – мысленно воскликнул он.

Мама вдруг оторвалась от чтения:

– Ты слышал?

Чарли кивнул. На втором этаже стукнула дверь, закрипели половицы. Через мгновение загудели водопроводные трубы и стало

слышно, как шумно льется вода. Дядя Патон набирал ванну!

Потом шум воды стих, и наверху воцарилась тишина – да такая, что Чарли слышал, как бьется его собственное сердце. И в этой многозначительной тишине по дому поплыл удивительный аромат – тот же, что и от чашки с вербеновым чаем, но в сто раз сильнее, трепетный, пряный, свежий... и волшебный.

Глава 15

СОВЕЩАНИЕ В «ЗООКАФЕ»

Чарли проснулся оттого, что у него невыносимо затекла шея. Он поднял голову и обнаружил, что так и уснул прямо за кухонным столом. Часы показывали полночь. Мама, тоже заспанная, грела на плите какао.

– Я сама только что проснулась, – виновато призналась она, разливая какао по чашкам. – И что это на нас с тобой нашло, а? Никак в толк не возьму.

– Дядя Патон принимал ванну, – сонно пробормотал Чарли. – Я точно помню, что слышал, как он напускает воду, а потом... а потом я уснул.

– Вот и я тоже, – закивала мама. – А бабушки Бон так и нет. Давай-ка ляжем спать, пока она не вернулась.

Они выпили какао и разошлись по своим комнатам. Проходя мимо дядиной двери, Чарли прислушался. Тишина. Ни вздоха, ни стона. Да, вербена подействовала, только как именно? Чарли озабоченно насупился.

Уже забираясь под одеяло, он услышал, как под окнами затормозила машина. На крыльце простучали шаги, и голос бабушки Бон сказал:

– Спокойной ночи, Юстасия. Не тревожься, я поставлю щенка на место.

Мальчик поспешно спрятал голову под одеяло, как черепаха под панцирь, и постарался не думать о том, что с ним сделают утром.

Проснулся он очень рано, прокрался на кухню и приготовил себе тарелку хлопьев с молоком. Может, уйти куда-нибудь на весь день, а маме оставить записку? Но куда деваться? Эх, хоть на Луну, только бы не сталкиваться нос к носу с разъяренной бабушкой.

Однако Чарли так и не успел решить, куда сбежать, и записку написать тоже не успел. Когда тяжелые шаги старухи затопали по лестнице, хлопья застряли у Чарли в горле. Шаги приближались, и ему захотелось спрятаться под стол. Но было поздно.

– Попался! – Бабушка Бон стояла на пороге в своем унылом сером халате, похожая на ворону.

– Доброе утро, бабушка, – самым будничным тоном поздоровался Чарли.

– Что, думал удрать, пока я сплю? – язвительно спросила старуха.

– Н-нет, – выдавил Чарли.

– Не лги. Что ж, Чарлз Бон, ты своего добился. У тебя серьезные неприятности. – Старуха нависла над мальчиком. – Что тебе понадобилось в саду у Юстасии? Можешь не отвечать. Малолетний вор! И друзья твои – того же поля ягоды. Юстасия потрясена до глубины души. У нее чуть сердечный приступ не случился.

– Извините... – промямлил Чарли.

– Одними извинениями ты не отделаешься. За свои поступки нужно платить, и ты за них заплатишь! – проскрежетала бабушка Бон. – Мы поставим в известность доктора Блура, а ты пробудешь дома до тех пор, пока мы не решим, что с тобой делать дальше.

– Как – дома? – оторопел Чарли. – Взаперти, что ли? И в школу не ходить?

– Да! Будешь сидеть под замком как миленький. По меньшей мере месяц.

В другое время Чарли, пожалуй, не то что не расстроился бы, а даже обрадовался бы. Но именно сейчас ему до зарезу нужно было присутствовать в школе. А иначе как же укрощение лазурного питона? А освобождение мальчика-невидимки?

– Но... – начал он.

– И еще нам известно, что в преступлении была замешана Эта Ужасная Женщина, – прорычала бабушка Бон. – У нее на прилавке видели книгу, раскрытую на странице с изображением похищенного растения!

Чарли показалось, будто где-то в отдалении звякнуло разбитое стекло, но за раскатами бабушкиной прокурорской речи он не разобрал, где именно. Интересно знать, кто это видел энциклопедию у мисс Ингльды, а потом настучал теткам? Но тут старуха грохнула кулаком по столу с такой силой, что Чарли подпрыгнул чуть ли не до потолка.

– Мы этого больше не потерпим!!! – орала она, брызжа слюной. – Мы положим конец этому безобразию! Этой беспредельной наглости! Мы тебя отучим совать нос куда не след! Ты у нас по струнке ходить будешь!!!

Чарли даже не успел ничего возразить: за спиной у него многозначительно сказали: «Так-так». Он обернулся.

В дверях стоял дядя Патон – свежевыбритый и в рубашке такой ослепительной белизны, что на него смотреть было больно. Налет зловещего пепла из замка Юбим исчез с его шевелюры, которая теперь казалась еще чернее, чем раньше. Глаза у дяди опасно поблескивали. Он даже как будто стал выше – ну точно, он едва не задевал макушкой дверную раму!

У бабушки Бон отвалилась челюсть. Можно было подумать, что старуха увидела привидение.

– Тебе, кажется, лучше? – не веря своим глазам, проскрипела она.

– Ты чем-то недовольна? – подняв бровь, поинтересовался дядя.

Бабушка Бон нервно облизала губы:

– Но... но... – Она точно утратила дар речи.

– Но вы полагали, что он со мной расправился и с бунтовщиком Патонем покончено? – с усмешкой подсказал дядя. – Вы рассчитывали, что он превратит меня в тряпку? В покорного подлизу, который будет во всем вам поддакивать? Не на того напали, дорогая сестрица.

– Понятия не имею, о чем это ты, – пытаюсь сохранить достоинство, произнесла старуха.

– Да что ты говоришь? Какая у тебя короткая память! – загремел дядя – как показалось Чарли, соперничая в громкости с мистером Торссоном, повелителем бурь и отцом Танкреда. – Вы же сами все подстроили! Все до последнего шага! Вы притащили сюда эту каргу, которая перекидывается то в одно, то в другое! Что это вы затевали, сестрички, а?

– Замолчи! – не вытерпела бабушка Бон. – Сию же минуту замолчи, не то я прикажу тебе покинуть этот дом!

Дядя Патон шагнул вперед и навис над тотчас съежившейся старухой.

– Я вполне могу приказать тебе то же самое, – отчеканил он.

Чарли, присосый к стулу, с изумлением увидел, как бабушка Бон схватилась за сердце и, охнув, выбежала из кухни.

Дядя одарил Чарли сияющей улыбкой и, мурлыча себе под нос, принялся варить кофе.

– Подействовала! – подпрыгнул Чарли. – Вербена подействовала! Ур-р-ра!

– Уж не знаю, как именно, но подействовала. Я свеж, как огурчик, – подтвердил дядя, меньше всего на свете напоминавший огурчик.

– Уф! – облегченно вздохнул Чарли. – А я-то все боялся, что Скорпио меня надул. Да, похоже, ему все-таки можно доверять. Ох, как здорово, что вы поправились! Я так рад!

– Мне и самому нравится быть здоровым. Спасибо тебе, мой мальчик. – Дядя отвесил Чарли короткий поклон и сел к столу с чашкой кофе. – Ну-с, а теперь перейдем к фронтовым сводкам. Что нового в академии Блура? Боюсь, я отстал от жизни.

Чарли собрался с мыслями и начал торопливо рассказывать обо всем, что произошло, пока дядя лежал больной. Он старался не углубляться в детали и ничего не пропускать и как раз дошел до описания дерзкой вылазки в сад тетки Юстасии, когда входная дверь громко хлопнула. Дядя Патон с Чарли кинулись к окну и увидели удаляющуюся бабушку Бон, в новой парадной шляпе – из черной соломки и с искусственными вишнями.

– Торопится в Сквозняковый проезд, – констатировал дядя. – Несомненно, на разработку очередного заговора. Готов ручаться, мое выздоровление стало для них неприятнейшим сюрпризом. Особенно для этой старой ведьмы Иоланды. – Он довольно хмыкнул.

– Дядя, а теперь-то вы мне расскажете, что с вами случилось в замке Юбим и с кем вы бились? – с робкой надеждой спросил Чарли.

Дядя Патон погладил себя по подбородку и сказал:

– Да, Чарли, сейчас самое время. – Осушив чашку, он поставил ее на стол и некоторое время смотрел в пространство, словно собираясь с духом. – Итак, представь себе замок Юбим, – впрочем, я ведь уже тебе его описывал. Он как глыба мрака, и внутри тоже царит тьма. Прибыл я туда на рассвете, но замок Юбим – такое место, которого даже солнце боится, так что на рассвете низкое, тяжелое небо над ним чуть-чуть желтеет, и все. Там даже птицы не поют, только слышно, как ветер воет в скалах. Деревьев и цветов в тех краях тоже не найдешь, только мертвая сухая трава растет вокруг замка. Дорога, ведущая к

замку, кончается узкими шаткими мостками, так что мне пришлось оставить машину и идти к воротам пешком. Как ты помнишь, замок вырублен в скале, и к дверям ведут тринадцать тесаных ступеней, а сами двери никогда не запираются. В конце концов, кому придет в голову соваться в это логово? – Дядя передернулся и даже ссутулился.

– А что было потом? – спросил замороженный Чарли.

– Стоило мне приблизиться к замку, и прошлого как не бывало: я снова почувствовал себя мальчиком, у которого только что погибла мама. Я вспомнил, как отец бежал вместе со мной подальше от этого страшного места. Знаешь, я чуть было не обратился в бегство, но вовремя остановился. Я сказал себе: «Патон, ты обязан выяснить, что заставило Иоланду после стольких лет выбраться из своей берлоги и зачем она отправилась в путь». Я позвал, но ответа не дождался. Мне было показалось, что замок заброшен, а потом... начался этот ужас. Сначала раздался смех – адский хохот, я в жизни ничего подобного не слыхивал, нет, даже не хохот, а вой. Этот вой перешел в рык и вопли каких-то неведомых зверей – точно кричали все бесы преисподней. А потом из этого хора прорезался голос: «Что тебе надо, Патон Юбим?» Я не сдвинулся с места, но поверь, мой мальчик, внутри у меня все перевернулось. Я спросил: «Кто говорит со мной, – Иоланда?» – «Нет, – раздалось в ответ. – Иоланда получила некое приглашение, от которого не смогла отказаться». И снова этот жуткий хохот. Я не выдержал и кинулся к двери, но какая-то сила швырнула меня обратно. Тогда я вытащил волшебную палочку и попытался ударить то, невидимое, что не пускало меня к выходу, но палочка задымилась, точно ее в костер сунули, и обожгла мне руку. А затем... – Дядя Патон тяжело вздохнул и взялся за виски. – Не знаю, сколько я там пробыл. Точнее, провалился на каменном полу, ослепший, беспомощный, не зная, сон это или явь, сколько прошло часов или дней. Я горел в огне, меня сковывал смертный холод. Иногда *он* показывался мне, но всякий раз принимал иное обличье. Он являлся передо мной древним старцем, а через мгновение превращался в ребенка. Черным псом он скалил надо мной клыки, страшным медведем щерил надо мной пасть. Он являлся мне вороном и выклевывал глаза, он подкрадывался ко мне волком и глодал мои кости. Но каждый раз, как он исчезал, я подползал к двери еще чуточку ближе. И вот однажды – повторяю, я не знаю, сколько дней прошло, – я все-таки дополз до нее. Из последних

сил ухватился за кованую ручку и выпал наружу. Скатился по каменной лестнице, а затем пустился бежать. Не спрашивай меня, как я мог бежать, мой мальчик, я и сам до сих пор не очень понимаю. Я чувствовал, что он преследует меня по пятам, как лесной пожар. Я забрался в машину и рванул с места. Но оказалось, что кошмар еще только начинается: он запрыгнул на крышу машины и выбил лобовое стекло кулаком. Вокруг стояла непроглядная тьма, и я не видел, какое обличье он принял на сей раз, – судя по звукам, чудовищное. Скатившись с крыши, он заплясал перед машиной, швыряя в меня камнями, стараясь разбить фары. Он метал молнии под колеса, и дорога озарялась мириадами вспышек, но его самого я разглядеть не мог – только гигантскую косматую тень. У следующего моста он отстал. Может быть, он не смел покинуть пределы своих владений, потому что за ними терял свою силу? Не знаю. Но я долго еще слышал его рык и вой и, боюсь, никогда не забуду эти звуки, – осипшим голосом закончил дядя Патон, потом закрыл глаза. Его била дрожь.

Чарли, не дождавшись продолжения, налил дяде стакан воды, а потом нетерпеливо спросил:

– И что он сказал?

Дядя залпом выпил воду, потом криво усмехнулся и ответил:

– Он крикнул: «Если ты обидишь мою деточку, заплатишься за это жизнью».

– Но кто он все-таки был?

– Разве я не сказал? – Дядя сморщился. – Джорат, отец Иоланды. Многоликий, как и она, но столь древний, что уже не способен сохранять свое собственное обличье и принужден постоянно заимствовать его у других... созданий. – Он пристально посмотрел на свою правую ладонь, все еще помеченную следами ожогов, и повторил: – Да, у других созданий.

– Ничего себе история... – потрясенно выдохнул Чарли, на которого рассказ о битве в замке Юбим произвел самое устрашающее впечатление. – Дядя, так вам просто фантастически повезло, что вы живы!

– Именно что фантастически, – кивнул дядя. – Сам не знаю, что помогло мне выжить, Чарли. Наверно, я уцелел, потому что думал о матери и... еще об одном человеке. – Прочистив горло, он продолжал: – Возможно, сначала Иоланда прибыла на помощь Иезекиилю, но

теперь ей известно, на что ты способен. Поэтому имей в виду – старуха наверняка захочет утащить тебя к себе в логово.

– В замок Юбим? – запаниковал Чарли.

– Успокойся, мы тебя в обиду не дадим, – заверил его дядя Патон. – Ладно, хватит об ужасах, давай-ка обсудим кое-что другое. Тебе предстоит важное дело, Чарли, – спасти мальчика-невидимку. Если тебя интересует мое мнение, по-моему, ключ – Билли Гриф.

– Билли? Но как он нам поможет?

– Он понимает язык животных, или ты забыл? Он сможет договориться с питоном, если ты устроишь их встречу. Сомневаюсь, чтобы эта удивительная змея была безнадежно злобной.

Чарли погрузился в размышления о душевном облике лазурного питона, а дядя тем временем приготовил себе обильный завтрак, стремясь наверстать упущенное. Дядя как раз уплетал третью порцию овсянки, когда на кухне появилась мама. Она проспала весь скандал с бабушкой Бон и при виде бодрого и сияющего дяди Патона просто оторопела. Мальчик даже испугался, как бы мама не хлопнулась в обморок. Но она вовремя ухватила за стул, уселась, не сводя глаз с дяди Патона, и ошеломленно сказала:

– Тот странный господин из картины, все-таки не совсем законченный злодей. Ах, Патон, как я рада, что вы поправились! Теперь нам всем станет спокойнее.

Любопытно знать, с чего вдруг Скорпио переквалифицировался из коварного обманщика в порядочного человека, недоумевал Чарли. Может, после того, как увидел волшебную палочку в руках у законного владельца? Но какая тут связь?

Около часа дня Чарли вежливо отказался отобедать с дядей, который немедленно после завтрака заказал уйму дорогих деликатесов с доставкой на дом и отправился в «Зоокафе». Когда столько дел, не до лакомств – можно вполне обойтись апельсиновым соком с печеньем.

Пришел он как раз вовремя, все друзья уже были в сборе, а с ними – положенное хвостатое и пернатое сопровождение, то есть скворец Эммы, попугай Лизандра, Габриэлев выводок хомячков, кролики Оливии и глухая голубоглазая кошка, принадлежавшая Фиделию. А Чарли немедленно приветствовал Спринтер-Боб – как всегда, громким лаем, мокрым языком и радостными прыжками. Пес чуть не сбил

Чарли с ног, так что пришлось срочно купить ему большой шоколадный пряник, чтобы отвлечь.

– Ну как, все готовы? – строго спросил Лизандр, как заправский председатель собрания. – На повестке дня неотложные дела. Мы с Танкредом составили список и хотели бы, чтобы все присутствующие внесли свой вклад в план.

Он с важным видом положил на стол лист линованной бумаги. Вот что там было написано.

ПЛАН ПО СПАСЕНИЮ РИКИ

Пункт 1. Найти лазурного питона.

Пункт 2. Укротить лазурного питона.

Пункт 3. Перенести лазурного питона за пределы академии, в какое-нибудь безопасное место, где он сможет снять с Рики чары невидимости.

Пункт 4. Найти Рики Сверка.

Пункт 5. Вывести Рики Сверка за пределы академии, а расколдовать потом (невидимкой ему будет легче сбежать).

Пункт 6. Уговорить лазурного питона снять с Рики чары.

Пункт 7. Вернуть Рики домой, в Сверкающий замок.

План получился – солиднее некуда. Его пустили по кругу, и все с уважением смотрели на каллиграфический почерк Лизандра. Однако, когда собравшиеся прочли план, их лица помрачнели.

– Чего вы скусились, все не так уж плохо! – подбодрил друзей Чарли. – По крайней мере, я знаю, где прячется питон, и легко найду его на чердаке.

– Да, найти-то ты найдешь, а как мы его укротим? – с сомнением спросила Эмма.

– А Билли Гриф на что? – напомнил Чарли. – Он умеет разговаривать с животными.

– И как ты предлагаешь заставить его потолковать с питоном? – поинтересовалась Оливия. – Поставь себя на место Билли: тебе бы захотелось вести душевные беседы с гигантской змеей, которая превращает людей в невидимок?

– Никакого принуждения! – горячо сказал Чарли. – Теперь я доверяю Билли. По-моему, он искренне хочет нам помочь.

– А я ему не доверяю, – вмешался Габриэль. – Впрочем... Босх! Если что, нажмем на Билли – скажем ему: мол, если ты нам поможешь,

мы тебе отдадим Босха. Он так обожает эту крысу, что в огонь за нее полезет.

– Это шантаж! – возмутился Чарли. – Говорю вам, он и так согласится.

– Погодите вы спорить, – прервал их Лизандр, – ведь все равно держать крысу Билли негде. По академии шастает Уидон, он ненавидит крыс. Манфред тоже не дремлет, я уж молчу про эту жуткую Беллу.

Чарли вспомнил про кухарку:

– Я знаю, где Билли сможет держать Босха. Все посмотрели на него вопросительно, но он только сказал:

– Положитесь на меня. И пожалуйста, чтоб никакого шантажа! Билли и так затюканный.

– Решено, – молвил Лизандр. – Переходим к пункту... э-э... номер три. Надо придумать, как вынести – или вывезти? – лазурного питона за пределы академии.

– Есть одна мысль, – неожиданно выпалил Чарли, но на очередные вопросительные взгляды добавил: – Я ее еще не додумал.

Лизандр нахмурился, и Чарли поспешно объяснил:

– Пока подробности рассказать не могу, но даю слово, получится как надо.

Он опять подумал о кухарке, но раскрывать секрет ее подземного жилища не спешил.

– Поверим на слово, – сказал Танкред. – Теперь пункт четыре. Рики.

– Я кое-что придумала, – внезапно подала голос Эмма и заалелась, когда все взгляды обратились на нее. Она сунула руку в карман и выложила на стол... гигантского мохнатого паука.

– Ай!

– Ой!

– Что это?!

В общей разноголосице громче всех вскрикнул Танкред. От неожиданности он не совладал с собой, и порыв штормового ветра сдул со стола план.

– Ну и гадость! – воскликнул повелитель ветров и бурь. – Как оно нам поможет?

– Да дайте же человеку высказаться! – возмутилась из-под стола Оливия, наклонившаяся за планом.

– Он не настоящий, – пояснила Эмма, надевая паука на палец. – Видите, вроде марионетки. Рики нужно будет надеть его на большой палец ноги – ну тот самый, который у него видимый. Тогда он легко и просто выйдет из академии через главные двери – с кем-нибудь из персонала. И никто ничего не увидит, кроме паука.

Идея была единодушно одобрена – вернее, почти единодушно, потому что Танкред, недолголюбивавший пауков, начал придирается:

– Это что же получится – прыгающий паук? Эмма, он ведь не поползет, если Рики напялит его на ногу, а будет передвигаться рывками!

Но все напустились на Танкреда:

– Придира!

– Зануда!

– Слабо придумать что получше?

– Классная идея, ты чего!

– Никто и не подступится!

– Не тебе же его напяливать!

Танкред поднял руки, – дескать, сдаюсь. Но на самом деле сдаваться и не думал:

– Хорошо, отлично, пусть будет прыгающий паук. Мало ли что бывает у нас в академии. И вообще, я не придираюсь, я проверяю план. У меня вопрос насчет Рики. Скажите на милость, куда он денется, оказавшись на свободе? Нас-то рядом не будет, кто ему поможет? Не станем же мы все переодеваться пауками, а?

– И это у нас с Эммой уже предусмотрено, – заявила Оливия. – Рики преспокойно пойдет в книжный магазин к тете Джулии. Найти его проще простого, он сразу за собором, а собор со всех концов города виден.

– Я предупредила тетю, – добавила Эмма. – Если в дверь позвонят, а на пороге никого не будет...

– Не считая гигантского прыгающего паука... – не без мстительности вставил Танкред.

– Что-то в этом роде, – невозмутимо продолжала Эмма. – Словом, тетя Джулия обещала присмотреть за Рики, пока мы его не... не расколдуем.

Мысли Чарли запрыгали не хуже пресловутого паука. Он лихорадочно соображал, что предпринять. Все одно к одному – и четверть как раз заканчивается! Получится ли всей компанией съездить в Сверкающий замок и доставить Рики домой? Дядя Патон наверняка вскоре соберется купить новый автомобиль взамен прежнего, пострадавшего во время бегства от Джората. А если дядя приобретет микроавтобус? Или этот, как его, автомобиль с прицепом-трейлером? Как раз восемь человек влезут, и еще место для Спринтера-Боба останется...

– Подведем итоги, – провозгласил Лизандр. – Решения по первым пунктам плана мы приняли, можно приступать к операции. Предлагаю назначить ее начало на вечер понедельника и выполнить пункты номер один и номер два – то есть найти и укротить питона.

Чарли спохватился:

– А как мне протащить Билли на западное крыло и подняться на чердак, чтобы нас не заметили?

– Нужен отвлекающий маневр, – авторитетно заявил Танкред, который, похоже, совершенно оправился от паучьего потрясения. – Положись на нас с Лизандром, мы все устроим. Как, Зандр, справимся?

– А то! – Африканец кивнул.

На этом заседание решено было считать закрытым, и участники разошлись из «Зоокафе» в самом бодром расположении духа, настроившись на занятую неделю и рассчитывая на благополучный исход событий. Никому не хотелось думать, что будет, если хоть один из пунктов плана провалится. Уж очень грела душу мысль о том, как обрадуются истосковавшиеся родители Рики, когда мальчик-невидимка обретет нормальный облик и наконец-то вернется домой.

Чарли честно отгулял положенные два часа в парке со Спринтером-Бобом, а когда он вернулся в «Зоокафе», из кухни выглянул мистер Комшарр.

– Я так понял, вы что-то затеваете, – сказал он. – Если потребуется помощь, не стесняйся и обращайся, Чарли.

Поблагодарив, Чарли сдал ему пса и поспешил домой – ему не терпелось удостовериться, что дядя Патон по-прежнему идет на поправку.

Дядя Патон шел на поправку с космической скоростью.

К своему изумлению, заглянув в кухню, Чарли обнаружил, что дядя пьет чай в обществе мамы и... бабушки Бон! Судя по всему, обед, заказанный на дом, плавно перешел в полдник: стол был уставлен разносортным мороженым из той же деликатесной, из которой ранее прибыл обед.

– Присоединяйся к компании! – пригласил дядя, и Чарли уселся напротив бабушки Бон, погруженной в поедание полосатого зелено-коричневого мороженого – судя по цвету, фисташкового. Старуха поставила перед собой целый контейнер и трудилась, как экскаватор, – только ложка мелькала. Причем ложка столовая, а не чайная. На Чарли бабушка даже и глаз не подняла, она была слишком занята лакомством.

– Итак, выбирай: шоколадно-вишнево-ромово-ореховое, яблочно-миндальное со сливочной карамелью или же кофейно-апельсиново-ананасовое? – щедро предложил дядя.

Мальчик предпочел шоколадное (на фисташковое рассчитывать было нечего – делиться бабушка явно не собиралась) и принялся за дело. Он в жизни не пробовал такого вкусного мороженого, и в душе у него зародилась надежда: может, раз дядя поправился, теперь по выходным он всегда будет заказывать такие вкусности?

Между тем бабушка Бон прикончила свое мороженое, утерлась салфеткой и печально заглянула на дно контейнера, будто проверяя, не осталось ли там чудом еще немножко? Когда старуха поднялась, ее качнуло, и Чарли подумалось, что рома для мороженого не пожалели. Впрочем, бабушка по-прежнему молчала и на внука даже не глядела. Что это на нее нашло? Неужели мороженое так действует?

– Спасибо, Патон, это настоящий праздник. Никогда ничего подобного не едала, – от души сказала мама.

– На здоровье, на здоровье, – благодушно отозвался дядя и подмигнул Чарли.

Бабушка Бон величественно, хотя и несколько шатко, проследовала к себе.

– Чего это с бабушкой? – шепотом спросил Чарли.

Мама оглянулась на дверь и приложила палец к губам.

Чарли усмехнулся. Только теперь он заметил, что на полу стоит плетеная корзинка. У него возникла блестящая идея.

– Дядя, а откуда она взялась?

– В ней принесли заказ из деликатесной, – сообщил дядя. – Тот, который прибыл на обед.

Чарли сунул в корзинку нос и обнаружил, что там осталось еще немало вкусного – несколько банок джема, фруктовый кекс с четырнадцатью видами цукатов и изюма, а также две пачки печенья. Мальчик вытащил из корзины банку «Земляничной поляны».

– Цельные ягоды земляники, – прочитал он на этикетке. – Дядя Патон, можно мне взять это?

– Конечно, мой мальчик. Я, кажется, даже догадываюсь, зачем она тебе понадобилась.

– И если можно, корзинку я тоже возьму, – осмелел Чарли. – Дядя, а вы не могли бы позвонить в эту деликатесную и заказать такую же корзинку... или даже побольше? Самого большого размера, какой у них есть. И чтобы в ней было много всего вкусного, но чтобы она не была полная. И прислали кухарке в академию Блура?

– Сынок, зачем тебе это? – удивилась мама.

– Чарли знает, что делает, – успокоил ее дядя Патон. – От нас требуется лишь помогать и не задавать лишних вопросов.

Мама только головой покачала.

– Главное, чтобы из-за этого не вспыхнул очередной скандал, – приглушенно сказала она. – Бабушка Бон как раз успокоилась и ведет себя вполне мило.

– Даже слишком мило, – пробурчал Чарли. – И это подозрительно. Ручаюсь, тетки снова что-то затевают. Эх, знать бы что!

Глава 16

УКРОЩЕНИЕ ПИТОНА

В понедельник Чарли решил при первой же возможности переговорить с кухаркой. Для этого за обедом он прибег к испытанному средству – шмыгнул на кухню якобы за тряпкой, вытереть разлитый компот.

Кухарка заметила Чарли, топчущегося в дверях, и тут же подошла поближе. Случись неподалеку сторонний наблюдатель, он бы живо заинтересовался столь длительной беседой о тряпках и компоте. Но поварихи, как всегда в обеденное время, суетились и не обращали внимания ни на что, кроме кастрюлек и половников. Когда разговор был окончен (точнее, отчет Чарли – кухарка больше кивала да похлопывала его по плечу), мальчик сказал спасибо и вернулся в столовую без тряпки. К счастью, никто этого не заметил.

Билли Гриф уныло хлебал суп, устроившись между Фиделио и Габриэлем. Чарли подсел к друзьям и заметил, что маленький альбинос совсем сник. Впрочем, с тех пор, как у Билли отобрали Босха, он так и ходил понурый.

Габриэль подмигнул Чарли и первым заговорил о крысе.

– Слушай, – обратился он к Билли, – а ты бы хотел опять повидать Босха?

Билли печально кивнул белесой головой:

– Еще бы – он стал мне лучшим другом. С ним можно было болтать обо всем на свете, он такой умный, прямо как человек! Только где уж мне с ним повидаться! Меня же отсюда не выпускают. – Красные глаза Билли за толстыми стеклами очков наполнились слезами.

– Это можно устроить, – включился в разговор Чарли. – Босх сейчас у Комшарров, но кухарка сказала, что может его забрать и держать у себя, а ты бы ходил с ним играть... ну, общаться... каждые выходные. Только чтоб ни слова никому о кухаркином жилье, понял?

– Спрашиваешь! – оживился Билли. – Раз так, я буду нем как рыба!

– Только вот что, Билли, – начал Фиделио, не обращая внимания на многозначительные взгляды Чарли, – если мы тебе устроим встречу с Босхом, с тебя причитается. Ты должен будешь нам кое в чем помочь.

– В чем? – Глаза Билли беспокойно округлились.

– Давайте в саду поговорим, – предложил Чарли.

Билли стремительно проглотил остатки супа.

Оливия и Эмма, сидевшие под деревом, завидели друзей и уже хотели было подбежать к ним, но, когда из-за спины Габриэля показалась тщедушная фигурка Билли, переглянулись и остались на месте, сообразив, что могут помешать. Тем более уговоры, похоже, шли с трудом, и лучше было не вмешиваться: старшие мальчики окружили Билли, а тот мотал головой и кусал ногти. Потом Габриэль, видимо, сказал что-то веское, потому что маленький альбинос мгновенно успокоился. На лице у него возникла улыбка облегчения, и он закивал. Девочки, наблюдавшие всю сцену издалека, еле-еле дождались рожка на урок и, сгорая от нетерпения, нагнали Чарли, отставшего от прочих, у самых дверей в холл.

– Ну, что сказал Билли? – выпалила Оливия.

– Все сделает, – прошептал Чарли. – Нынче ночью. Так, вам поручение: из спальни ни шагу и глаз не сводить с Беллы.

Эмма быстро сунула Чарли в руку что-то мохнатое, сказав:

– Не забудь!

День тянулся как резина, и Чарли опасался, что нахватает двоек: ему никак не удавалось сосредоточиться, мысли все время возвращались к плану спасения мальчика-невидимки. Нужно будет дожидаться полуночи и только потом отвести Билли на чердак. Ой, а если Билли не удастся договориться с лазурным питоном по-хорошему? Вдруг тогда змея обернет их с Билли своими кольцами и превратит в невидимок? Или вообще задушит? Как тогда быть?

Сообщить новости Лизандру и Танкреду удалось только перед отбоем. Конечно, все одаренные готовили уроки вместе, в Королевской комнате, но в присутствии врагов даже переглядываться лишний раз и то было опасно.

– Как вы насчет сегодняшней ночи? – спросил Чарли, как только им удалось остаться наедине в коридоре.

– Боевая готовность номер один. Сделаем все как договаривались, – бодро сказал Танкред. – Когда начинаем?

– В полночь.

– Главное – не напугать пацаненка, – покачал курчавой головой Лизандр. – Духи предков иной раз выглядят страшновато, особенно для непривычного человека.

– Я передам Билли, что ты за них отвечаешь, – сказал Чарли.

– Валяй! – И Лизандр фыркнул.

Мимо шепчущихся мальчиков промчалась Зелда Добински. Она кинула на Танкреда коварный взгляд, и все его тетрадки тотчас разлетелись по полу, хлопая страницами, как стая испугнутых голубей.

– Тоже мне, умная выискалась, – проворчал ей вслед Танкред, нагнувшись за тетрадями. – Вот как дуну, живо в окно вылетит...

– погоди, – тихо сказал Лизандр. – Ночью она у нас еще попляшет.

– А что это вы спать не идете?

К ним бесшумней кошки подкралась Белла.

Мальчики молча расступились, и она, не дождавшись ответа, проследовала дальше, старательно наступая на все разбросанные тетради.

– Эй, поосторожнее! Это мои! – одернул ее Танкред.

– Ну и что? Дышать на них нельзя? – Белла резко обернулась и уставила на Танкреда горящие багровым огнем глаза.

– Ходить по ним нечего, вот что! Это тебе не коврик для ног! – рявкнул Танкред, и в светлой шевелюре у него многообещающе стрельнула молния.

– Что-то не так? Помочь? – Из полумрака за спиной у Беллы появился Аза Пик.

– Спасибо, мелочи, сама справлюсь. – Белла одарила его сверкающей улыбкой. Аза весь прямо расплылся от удовольствия.

– Живо собрать этот мусор и марш спать! – скомандовал он, после чего хвостиком потрусил за Беллой, кокетливо поправлявшей на ходу белокурые локоны.

– Сдается мне, они почуяли, что ночь будет не из обычных, – прошептал Чарли, помогая Танкреду собирать тетради.

– Не волнуйся, им же не известно в точности, что будет! – успокоил его Лизандр. – Удачи, Чарли!

– Спасибо! – от всей души отозвался Чарли и заторопился в спальню.

Билли Гриф сидел на краю койки, и уже с порога было видно, как он нервничает, – альбиноса трясло.

– Билли, что с тобой? Ты не заболел? – испугался Чарли.

– Нет, просто страшно очень, – признался Билли. – Аж зубы стучат.

– Успокойся, у нас такая группа поддержки – закачаешься. Знаешь что, ложись-ка спать, я тебя разбужу, когда придет время. Тебе понадобятся силы.

Билли послушался. Чарли переоделся в пижаму и юркнул под одеяло. На соседней койке лежал Фиделио и увлеченно читал нотную партитуру – можно было подумать, будто у него в руках не ноты, а обычная книжка.

– Пойти с вами? – предложил он, оторвавшись от чтения.

– Спасибо, но не стоит, – отказался Чарли. – Будет лучше, если ты останешься тут и приглядишь за... за всеми понемногу.

– Договорились. – И Фиделио опять углубился в ноты, то тихонько напевая себе под нос, то помахивая рукой в такт одному ему слышимой музыке.

Габриэль влетел в спальню за несколько минут до отбоя – запыхавшийся и покрасневший, но совершенно непонятно почему. Он бросил на свою койку свернутый зеленый форменный плащ.

– Ты, никак, решил перевестись на живопись? – пошутил Чарли.

Но Габриэль шутку не поддержал, напротив, лицо у него было очень озабоченное. Присев на край постели Чарли, он шепотом сообщил:

– Это плащ мистера Краплака! Я его нашел в мастерской – кто-то затолкал в самую глубину шкафа. Я, собственно, чего там и рылся: думал, может, найду какой-нибудь ключ к его исчезновению.

– И что плащ? Ну, он тебе что-нибудь... поведал?

– Еще как! – кивнул Габриэль. Фиделио положил ноты на одеяло.

– В чем дело? – спросил он.

Габриэль настороженно огляделся. Все были заняты своими делами: кто читал в постели, кто только что вернулся из ванной, кто болтал с приятелем. На зеленый плащ никто внимания не обратил. Но для конспирации Габриэль пустился на хитрость.

– Мистер К. где-то неподалеку, – продолжал он. – Домой он не поехал, но... вроде как потерялся или сам себя забыл. Понимаешь,

Чарли, вот точно такое же ощущение у меня было от галстука твоего отца. Один в один. Правда, с мистером К. все-таки получше. Может, дело в том, что он из одаренных и потому сопротивляется.

Упоминание об отце застало Чарли врасплох: он отложил поиски папы на будущее. А теперь слова Габриэля заставили его задуматься: «Да суждено ли нашей семье когда-нибудь воссоединиться? И где папа? Далеко-далеко или все же близко? Наверно, близко, но все равно что далеко – сам себя не помнит под действием чар».

Габриэль заглянул ему в лицо и решил подбодрить приятеля:

– Сегодня ночью я пойду с тобой и Билли.

– Да ну, зачем, мы справимся... – все еще задумчиво сказал Чарли.

– Сказал – пойду, значит, пойду, – твердо повторил Габриэль. – И надену вот это. – Он закинул зеленый плащ к себе под подушку. – Мистер К. – храбрый человек, и надеюсь, его отвага передастся мне через плащ. Что ты на меня так смотришь? Ну да, со мной такое бывает.

Честно говоря, Чарли обрадовался, что Габриэль решил составить им компанию. Он знал, что в минуту опасности рассеянный, мягкий, медлительный Габриэль Муар преобразается в воплощенное хладнокровие, непреклонность и решительность – без всяких чужих плащей.

В академии Блура долго еще будут помнить ту фантастическую ночь – ночь, когда ветер и духи правили бал.

Пробило полночь, и Чарли, как всегда в этот час, почувствовал себя собранным и бодрым. Трое мальчишек крадучись вышли из спальни и направились в западное крыло. Билли шел между Чарли и Габриэлем, облаченным в зеленый плащ.

Как только настала полночь, по академии пролетел легкий ветерок. Но с каждой минутой он все крепчал и крепчал, и вот уже по коридорам и лестницам бушевал настоящий ветер, хлопая дверями и дребезжа стеклами. Дети в спальнях прятались с головой под одеяло, а то и накрывались подушкой, чтобы только не слышать этого шороха, перестука, хриплого шепота.

Бодрствовала и старшая надзирательница, Лукреция Юбим. Ясновидящая сестра, Юстасия, предупредила ее о том, что в эту ночь в стенах академии произойдет нечто из ряда вон выходящее. Поэтому, едва заслышав подозрительный шорох ветра, мадам надзирательница

вскочила, готовая немедленно подавить «безобразие». Но стоило ей высунуться в коридор, как сильный порыв ветра швырнул ее обратно на кровать – да так, что Лукреция больше не смогла встать и лежала пластом, напуганная до полусмерти.

Многие в ту ночь предпринимали попытки выйти из комнат, но тщетно. Манфред Блур изо всех сил дергал дверную ручку, осипшим голосом выкрикивая проклятия, но с той стороны дверь крепко держали две мускулистые темнокожие руки, унизанные золотыми браслетами. Руки росли прямо из воздуха.

Старику Иезекиилю даже не удалось подкатиться на своей инвалидной коляске к двери: как только он, вспугнутый воем ветра, попробовал отправиться на разведку, спальня внезапно ошетибилась десятками, если не сотнями копий. Острия их нацелились на Иезекииля и, едва он попытался шевельнуться, начинали со свистом рассекать воздух.

Этажом ниже директор школы, доктор Блур, успел выйти из своей комнаты и, печата шаг, маршировал по застланному ковром коридору. На полпути в холл директора остановил мощный порыв ветра, но доктор Блур был массивным мужчиной и некоторое время яростно сопротивлялся. Рыча, пригнувшись, он пытался идти дальше, но борьба эта продолжалась недолго: директор столкнулся со слишком сильным противником. Свет вдруг погас, и в наступившей тьме перед доктором Блуrom соткались три высокие фигуры, больше всего напоминавшие привидения. Лиц их он разглядеть не мог, зато отчетливо видел темные мускулистые руки, сжимающие копья. Воздух вокруг трех фигур гудел, точно от далеких раскатов барабанной дроби – ритмичной и грозной. Острия копий нацелились в грудь доктору Блуру, и он замер как вкопанный.

Чуть раньше, заслышав полночный бой часов, на вершине западной башни снял легкие пальцы с клавиатуры одинокий обитатель музыкальной комнаты – мистер Пилигрим, который вообще спал мало и нередко проводил за роялем большую часть ночи. Но сегодня, кроме боя часов, воздух гудел от далекого барабанного боя и воя ветра. Учитель музыки встрепнулся и взялся за виски. Наморщив лоб, раскачивался он на стуле, мучительно пытаясь вспомнить свою прежнюю жизнь и имя...

Эмма и Оливия, как и велел им Чарли, всю ночь были настороже – после отбоя обе не уснули и терпеливо дожидались полуночи. Ровно в полночь Оливия увидела, что по спальне, направляясь к выходу, заскользил какой-то бледный силуэт. Не размышляя, девочка кинулась наперерез, фигура обернулась и оказалась высокой старухой с седыми космами. Больше ничего в тусклом свете, сочившемся из коридора в приоткрытую дверь, разобрать не удалось, но и этого было довольно.

– Пошла прочь! – каркнула старуха.

– Нет. – Оливия вцепилась в костлявую кисть.

– Пусти! – хрипло взвизгнула карга.

– Мне прекрасно известно, кто ты, старая ведьма, – четко сказала Оливия. – Тебя зовут Иоланда Юбим, и я тебя ничуть не боюсь, имей в виду!

– Да неужели? – Иоланда, она же Белла, разразилась таким ужасным хохотом, что почти все обитательницы спальни спрятались под одеяло с головой. Почти все – кроме двоих.

Оливия впилась в старуху мертвой хваткой, и та, бранясь, выволокла девочку в коридор, но отделаться от нее не могла: Оливия брыкалась, хваталась за стены и тормозила ногами. Внезапно в щиколотку ей вонзились острые клыки. Оливия вскрикнула от боли, опустила взгляд и тотчас пожалела об этом. Она-то думала, что это собака, но увидела такое омерзительное чудовище, что тут же зажмурилась. Девочка успела почувствовать, как Иоланда вырвала руку. Зверь отпустил Оливию, она, обессиленная, сползла на пол и, открыв глаза, увидела, что старуха и чудовище растаяли в конце коридора. Оливия стиснула зубы и заковыляла обратно в спальню, но на пороге едва не споткнулась о распростертое неподвижное тело. Эмма! Только почему-то с головы до ног обмотанная каким-то толстым шнуром.

– Эй, что случилось? – Оливия, прикусив губу, опустилась на корточки.

– Я хотела помочь, – с трудом ответила Эмма. – Думала, если превратиться в птицу...

Только теперь Оливия заметила, что на пальцах Эммы, торчащих из-под шнура, чернеют птичьи перья.

– Ох! Кто это тебя так? – Оливия отчаянно затеребила путы.

– Кажется, Доркас. Точно не знаю. Оливия заглянула в спальню. Все лежали, спрятав головы под одеяло.

– Ничего, сейчас я тебя освобожу, – пообещала Оливия и, нащупав узел, стала расковыривать его зубами и ногтями. Шнур поддался. Эмма вздохнула, и черные перья у нее на пальцах пропали.

А в это время Чарли, Габриэль и Билли добрались до пыльных апартаментов в западном крыле, где вот уже почти век обитал Иезекииль Блур. Билли тщетно старался не стучать зубами. Поддерживая маленького альбиноса под руки, Габриэль и Чарли поднялись по лестнице, на которой Чарли когда-то видел лазурного питона.

Змея по-прежнему была здесь – даже в сумраке было видно, как поблескивает ее голубая чешуя. Заслышав шаги, питон поднял массивную голову, и мальчики приросли к месту. Чарли показалось, будто ноги у него стали жидкими. Он не мог шелохнуться. Где-то рядом дробно стучал зубами Билли.

– Билли, заговори с ним, – настойчиво зашептал Чарли.

Молчание.

– Билли? – окликнул Габриэль.

– Н-н-не м-м-могу, – выдавил тот, – н-не знаю, с чего начать.

– С чего угодно, только не молчи, а то нам крышка! – взмолился Чарли.

Внезапно питон громко зашипел и стал медленно, зловеще раскручивать свои кольца.

Миг – и голова его качнулась к Чарли. Тот едва успел отскочить и чуть не сбил Билли с ног. К немалому удивлению Чарли, это привело Билли в себя: он вдруг в точности повторил змеиное шипение, на которое питон отозвался громким влажным шорохом. Билли, не сводя глаз с лазурной змеи и как будто не владея собой, отодвинул Чарли и направился к питону.

Чарли отступил в коридор и замер рядом с Габриэлем. Оба, затаив дыхание, смотрели, как маленькая фигурка альбиноса поднимается по ступенькам – все ближе и ближе к блестящим лазурным кольцам огромного змеиного тела. Шипение питона, похожее на шорох мокрых листьев, теперь звучало приглушенно, но настойчиво, то и дело переходя в какой-то свист. Билли, похоже, вполне освоился со змеиным наречием и отвечал теми же звуками. Добравшись до площадки, где

возлежал питон, мальчик сел по-турецки, не сводя глаз с диковинной змеи, на загровке у которой росли птичьи перья. Чарли, конечно, не понимал змеиный язык, но ему почему-то показалось, что лазурный питон несколько смягчился и у них с Билли завязалась беседа. Похоже, змея пыталась что-то рассказать неожиданному посетителю.

Билли послушал-послушал, а потом медленно, запинаясь, начал переводить.

— Питон говорит, что он появился на свет... тысячу лет назад. Некогда он жил... при дворе короля... который берег его как зеницу ока... А потом король покинул свое королевство.... И его злодей сын стал мучить питона, пока тот не начал ненавидеть все живое. У змеи не осталось в душе ничего, кроме ненависти... одной сплошной ненависти... и жажды убивать. Таким нашла его королевская дочь... и решила исцелить своей добротой. Ей это почти удалось... но только питон никак не мог забыть своей смертельной мощи... не мог разучиться душить... И тогда принцесса дала ему другую способность взамен умения убивать... И с тех пор всякий, кто попадал в хватку питона, делался невидимым.

Билли облизнул пересохшие губы, оторвал взгляд от змеи и глянул на Чарли с Габриэлем.

— На самом деле питон совсем не плохой, — объяснил мальчик. — Просто с тех пор, как умерла принцесса, он уже много веков не разговаривал ни с одной живой душой и стосковался. По-моему, он ужасно обрадовался, что есть с кем потолковать.

— Осторожнее, Билли! — вскинулся Чарли. Лазурный питон заскользил к Билли. Тот и глазом моргнуть не успел, как плоская голова змеи уже легла ему на колени, а через мгновение питон уже обвил туловище мальчика своими кольцами, и Билли начал исчезать на глазах у друзей — только плечи да беловолосая голова торчали над чешуйчатыми блестящими кольцами.

— Чтоб мне провалиться! — вскрикнул Чарли. — Что мы натворили!

— Тс-с! — шикнул на него Габриэль. — Слушай.

Билли, не теряя присутствия духа, вновь принялся уговаривать лазурного питона, хотя тот уже обвил его шею. Но при звуках родного языка питон замер, ловя каждое слово, и постепенно туловище Билли вновь стало видимым.

– Ух ты! И впрямь превращает в невидимку и обратно! – переводя дыхание, поразился Чарли.

– Билли, спроси многоуважаемого питона, не может ли он проделать то же самое с другим мальчиком, – подал голос Габриэль. – С тем, который полностью невидимка.

Билли вновь зашипел, засвистел и даже как будто заклекотал, а питон отвечал ему тем же.

– Говорит – сделает, – скосив глаза на зрителей, перевел Билли, – только при одном условии – что мы не посадим его обратно в кувшин. Питон там чуть не тысячу лет мариновался в каком-то голубом эликсире, пока его не освободил мистер Иезекииль. И еще в том же кувшине хранилась мумия птицы. Поэтому у него перья на загривке и выросли. Я дал слово, что никакие кувшины и эликсиры ему отныне не угрожают. И что мы переведем его в безопасное место. – Билли в упор посмотрел на Чарли. – Не хотелось бы врать.

– Чистая правда, – кивнул Чарли. – Обещаю, питона больше никто не обидит.

– Хорошо. Что будем делать дальше? – спросил Билли, все еще обмотанный питоном, но целый и невредимый.

– Отнесем питона на кухню, у меня там есть надежный человек, – сказал Чарли.

Билли, покачиваясь под тяжестью питона, осторожно спустился по ступенькам. Вид у питона был донельзя довольный.

– Надеюсь, нам потом удастся его размотать, – на ходу прошелестел Габриэль Чарли. – Знать бы еще, чем кормить эту змею.

– Чем кормить? Жизнь покажет.

При слове «кормить» Чарли вспомнился следующий пункт плана. Он извлек из кармана нагретую банку «Земляничной поляны» и тихонько позвал в чердачную темноту:

– Ау! Рики Сверк! Ты тут? Я принес тебе гостинец! Джем! Настоящий земляничный!

Но академия по-прежнему была во власти бури и духов, поэтому ответа Чарли не дождался: его слова потонули в вое ветра, который по мере приближения к главному холлу делался все громче и настойчивее. Чарли позвал мальчика-невидимку еще раз-другой, но тщетно. Под сводами академии клубились то ли тучи, то ли густой туман, там и сям раздавалась барабанная дробь, и по временам из

сумрака возникали призрачные фигуры да посверкивали острые копы и оперенные стрелы.

Билли не обращал на африканские призраки ни малейшего внимания и шагал впереди Чарли и Габриэля. Питон пристроил голову мальчику на плечо и что-то нашептывал ему на ухо.

Вот наконец и холл. Нынче ночью он стал средоточием разгула магических сил. По каменным плитам кружились две фигуры, кружились так быстро, что зеленые плащи летели у них за плечами, будто стрекозиные крылья, а волосы стояли вокруг голов ореолом – черные кудри у одного и соломенная искрящаяся шевелюра у другого.

Всю эту картину наши герои наблюдали с лестничной площадки, застыв на месте. Наконец Билли с питоном на плечах шагнул вперед, но тут же пронзительно взвизгнул от ужаса и шарахнулся назад. Прямо перед ним с потолка мягко упал чудовищных размеров паук – величиной с мальчика, он полз на Билли, проворно перебирая черными щетинистыми лапами. Глаза у паука горели алым.

– Спокойно, – дрогнувшим голосом предупредил Габриэль. – Это иллюзия. Магическая иллюзия. – Он обошел дрожащего Билли и двинулся на паука. Тот мгновенно сменил тактику – метнулся через перила и повис над темным провалом холла на серебристой паутине толщиной в палец.

Паук рывками спустился на пол и очутился прямо перед кружащимся Танкредом. Тот споткнулся и застыл как вкопанный. Зеленые крылья плаща опали, плечи у мальчика ссутулились, молнии в волосах погасли. Побелев так, что лицо его светилось в темноте, Танкред уставился на паука. Штормовой ветер, завывавший в коридорах и переходах академии, вмиг стих.

– Танкред, не останавливайся! – перевесившись через перила, крикнул другу Габриэль. – Это она, это Иоланда! Не пугайся! Ей тебя не одолеть!

Но коварная колдунья знала, что делает, когда обернулась пауком. Танкред стоял столбом, парализованный ужасом, и Габриэлю пришлось взять паука на себя. Он потуже стянул на плечах плащ храброго мистера Краплака и стремглав кинулся вниз, в холл, выкрикивая на бегу:

– Эй, Иоланда! Мерзкая карга! Слабо тебе со мной справиться? Ну-ка покажи, на что ты способна?

Паучиха-Иоланда развернулась и бросилась на Габриэля. Тот вовремя уклонился, но от одного взгляда красных паучьих глаз у него закружилась голова – еще похуже, чем от гипнотических чар Манфреда. И тут из-за спины у Габриэля, не спуская с плеч лазурного питона, выскочил Билли.

– А меня тебе не взять! – тоненько выкрикнул он. – Меня гипноз не берет! Не берет! Так и знай!

Питон, который отныне был предан Билли душой и телом, длинным, плавным, грозным движением соскользнул с его плеч и потек к паучихе, оглашая холл жутким боевым шипением. От одного голоса лазурной змеи паучиха присела и попятилась.

Время было выиграно: Танкред стряхнул с себя чары, широко улыбнулся и распростер руки. Зеленый плащ его вновь раздулся от ветра, как парус, и штормовой порыв сбил паучиху с ног, швырнул на каменный пол и поволок прочь.

Билли вскинул удовлетворенного питона обратно на плечи, и маленький отряд двинулся через холл в кухню. Громкий вой заставил ребят оглянуться. На противоположном конце холла, задрав клыкастую морду, неподвижно стоял вервольф. Аза Пик не мог сдвинуться с места, и немудрено: его держали в кольце десятков призрачных фигур в белых одеждах. Впрочем, их мощные руки в золотых браслетах выглядели отнюдь не призрачными, да и острые копья, направленные на вервольфа, – тоже. Оборотно оставалось только выть с досады да щелкать зубами.

– Не задалась у Азы сегодня прогулочка, – злорадно сказал Чарли, отлично помнивший свою встречу с вервольфом в руинах.

Мальчики прибавили шагу и оказались в знакомом коридоре, увешанном портретами. До кухни оставалось совсем немного. Габриэль зажег фонарик, и вскоре луч его высветил фигуру кухарки, которая поджидала их на пороге столовой. Дядя Патон сдержал слово, и даже более того: у ног кухарки стояла плетеная корзинка на колесиках – даже и не корзинка, а сумка-тележка.

– Ничего себе! – воскликнула кухарка. – Да ты настоящий храбрец, Билли! Как по-твоему, змея согласится перебраться в корзину?

Билли зашептал что-то питону, тот поначалу не желал слезать, топоришил перья на загривке и упрямо отворачивал голову, но потом

увещевания на змеином наречии сделали свое дело. Лазурная змея ослабила хватку и не без грации соскользнула в корзину.

– Он будет вас слушаться, – заверил Билли.

– Спасибо тебе, Билли. – Кухарка закрыла крышку корзины и застегнула ее на замочек.

– Никто у меня не задерживается, – горестно вздохнул Билли. – Всех забирают. – Глаза у него налились слезами.

– Ну уж и всех. Скоро ты повидашься со своим хвостатым приятелем, кажется, его зовут Босх, если я не ошибаюсь, – утешила Билли кухарка.

– Ой, правда? – Билли утер нос и просиял от радости.

– Что новенького слышно про Рики Сверка? – спросила кухарка у Чарли. – Дядя твой прислал полную корзину лакомств, а мне, стыдно сказать, так и не удалось покормить бедного мальчишку. Этот Уидон прямо по пятам за мной ходит, каждый шаг караулит.

– Пока что мы его не нашли, – сознался Чарли, – но обязательно найдем. Мы просто так не сдадимся.

– Вам лучше не мешкать, Чарли, – серьезно сказала кухарка. – А теперь простимся. О питоне я позабочусь. – Она легко развернула корзину с тяжелой змеей и скрылась в кухне.

Ветер и африканские призраки по-прежнему наводняли академию, Танкред и Лизандр все еще кружили по холлу, поддерживая магию, как огонь в очаге, но паучиха и вервольф исчезли. Габриэль и Билли, увлеченные разговором о питании змей, обогнали Чарли, и тот чуть не вскрикнул, когда чья-то невидимая рука ухватила его за запястье.

– Ты чего? – сказал знакомый голос. – Это я, Рики Сверк.

– Рики? – обрадовался Чарли. – Наконец-то ты нашелся! У меня для тебя...

– Джем, ага, я слышал, – откликнулся мальчик-невидимка.

– Не просто джем – «Земляничная поляна». На, держи. – Чарли сунул банку в пустоту.

– Ого, мой любимый! Ура! Спасибо большущее!

Банка как в воздухе растворилась.

– А еще у меня отличные новости, – продолжал Чарли шепотом. – Мы придумали способ тебя расколдовать. Только для начала надо обязательно выбраться из академии. Вот, возьми, прикроешь этим палец. Привет от Эммы – это ее работа.

Рики приглушенно хихикнул, и бутафорский паук тоже растворился в воздухе.

– Полезная вещь, – похвалил он паука, – только невидимкой я отсюда ни ногой. Куда мне деваться-то?

Чарли терпеливо объяснил ему, как найти книжную лавку мисс Ингльдыю.

– Она приглядит за тобой, пока мы тебя не... не вылечим.

– И как же вы намерены меня лечить? – Рики заподозрил неладное.

Тьфу ты, придется же ему сказать про питона!!!

Тщательно подбирая слова, Чарли описал, как лазурная змея заколдовала и тотчас расколдовала Билли.

– Ручаюсь, и тебя вылечит! – с нажимом произнес мальчик.

– Опять питон?! – пискнул в панике Рики. – Да он от меня ничего не оставит! Не, так не пойдет!

– От тебя и так, считай, ничего не осталось. Или почти ничего, – отрезал Чарли. – Слушай, я не понимаю, тебе так нравится быть невидимкой? Нравится бродить по чердаку, как привидение? Помоему, это довольно уныло. Скажешь, нет? Ты что, не хочешь домой к родителям? И к брату? Не хочешь стать нормальным? Целым и видимым?

Из пустоты донесся глубокий задумчивый вздох.

– Хочу, – решительно сказал Рики. – И еще как.

«Дернуло же меня ляпнуть ему про брата! – виновато подумал Чарли. – Сказать, что ли, всю правду? Сознаться, что мы вообще не знаем, куда подевался мистер Краплак?» Он набрался духу и окликнул Рики, но ответа не получил: мальчик-невидимка скрылся. Хорошо бы, он все-таки послушался и убежал из академии. А то все старания даром.

Между тем кухарка прикатила корзинку на колесиках в свою потайную комнату – ту самую, вход в которую маскировал кухонный чулан. Поставив корзинку посреди комнаты, кухарка с удивительной для такой корпулентной дамы легкостью вспрыгнула на стул и распахнула окошко в потолке.

– Чудненько, пролезет тютелька в тютельку, – сказала она.

Из темноты за окошком на нее сверкнули три пары янтарных глаз.

— А, вот и вы! Хорошие котики, как раз вовремя. У меня для вас поручение. — Кухарка подняла корзину и просунула в окошко. Питон лежал в корзине смирно и даже не шипел.

Если бы в эту ночь кто-то из горожан выглянул в окно, глазам его предстало бы странное зрелище: три огромных огненных кота мчались по улицам, катя за собой плетеную корзинку на колесиках. Их яркие шубки рассыпали искры. Коты неслись беззвучно, точно не касаясь земли, и каждый держал в зубах конец кожаного ремешка, привязанного к корзинке.

Но никто бы вовек не догадался, что катят коты в таинственной корзинке. Нет, там были не похищенные драгоценности. И не деликатесы для полночных гуляк. Там было нечто совсем иное.

Коты свернули в узкий переулок и остановились у зеленой дверцы, над которой значилось «Зоокафе». Дверца распахнулась, и на пороге вырос человечек в мохнатом жилете.

— Отлично, мои умницы! — воскликнул мистер Комшарр. — А теперь посмотрим на это сокровище!

Глава 17

ПОБЕГ НЕВИДИМКИ

Да, Рики Сверк все-таки решился бежать. Для побега он избрал путь на волю, известный далеко не всем ученикам академии Блура. Ведь они, как правило, входили и выходили из школы через главный вход, а он был далеко не единственным.

Надо сказать, что когда-то Рики и впрямь нравилось быть невидимкой: это давало ему неизведанную ранее свободу, а также немало пищи для ненасытного любопытства. Потом, правда, и свобода приелась... Так вот, когда-то, бродя по академии, Рики обнаружил черный ход. Правда, черный ход оказался заперт, но, даже будь он открыт, мальчик-невидимка вряд ли бы им воспользовался. Тогда снаружи стояла промозглая ночь, да и куда податься, Рики не знал. Но теперь новые друзья растолковали ему, что делать.

Черный ход располагался на задах зеленой столовой, то есть столовой художников. Там неизменно обреталась Берта, жена завхоза Уидона: если она не стряпала, то непременно сидела в облезлом кресле и читала обтрепанные детективы, как правило Агату Кристи. Однако при этом она всегда хоть вполглаза да следила за дверью черного хода, и никакие детективы не мешали ей точно знать, кто вошел, а кто вышел. Миссис Уидон обожала быть в курсе всех событий.

Сразу за дверью черного хода имелся маленький дворик, заставленный помойными баками. Мусорщики постоянно ворчали из-за этих баков, и было отчего: не очень-то легко доставить баки к грузовику по крутому подъему и через двое железных ворот, которые так и норовят захлопнуться.

Итак, через черный ход из академии вывозили мусор. А еще через него доставляли все съестные припасы и почту. Почтальон тоже был недоволен – мусорщиками и мусором: он как-то поскользнулся на банановой кожуре и пересчитал каждый булыжник на крутом склоне. Словом, черный ход был весьма оживленным местом. И все-таки Рики решился бежать именно этим путем.

Утром во вторник он пробрался в столовую художников. Изготовленный Эммой паучок сидел на ноге идеально, обхватив палец

Рики мохнатыми проволочными лапками, и было занятно шагать по коридорам и смотреть, как он прыгает туда-сюда.

В академии было необычайно тихо. Рики даже показалось, будто все еще спят, но, добравшись до черного хода, он убедился, что глубоко заблуждается. Миссис Уидон держала дверь нараспашку и покрикивала на рыбника по фамилии Крабе и его помощника, которые, сгибаясь под тяжестью, тащили к черному ходу гигантские лотки мороженой трески.

– Сюда! Сюда кладите! – командовала миссис Уидон, тыча пальцем в кухонную холодильную камеру. – Да пошевеливайтесь!

Рики дождался, пока рыбак с помощником пройдут в кухню, и решил: была не была. Он ступил через порог черного хода. Но миссис Уидон тотчас заметила прыгающего паука и, нацелившись раздавить его, со всего маху наступила невидимому Рики на ногу.

– Ой! – вырвалось у Рики, и он, недолго думая, пнул миссис Уидон в щиколотку.

– Ай! – завопила миссис Уидон.

– В чем дело? – поинтересовался рыбак, поставив лоток с треской в холодильник.

– Проклятый паук! Вон, вон побежал! – завизжала миссис Уидон. – Он лягается! Ловите его! Давите его!

– Лягается? Ну у вас и шуточки! – добродушно усмехнулся мистер Крабе.

– Какие там шуточки! – крикнула разъяренная миссис Уидон. – Он меня чуть не изувечил!

– Ну насчет паука-то вы пошутили, – отозвался рыбак.

– Говорю вам – нет! Ловите его скорее!

– Что – вас лягнул маленький паучок? – недоверчиво спросил мистер Крабе.

– Где там маленький! Гигантский! И лягается, что твоя лошадь! – кипятилась миссис Уидон.

– Понятно-понятно, – весьма прохладно ответил рыбак. – Все, Брайан, закончил? Пошли отсюда.

И рыбак с помощником поспешно удалились, однако не настолько поспешно, чтобы успеть заметить, как мохнатый черный паук противоестественной величины в три прыжка выскочил за ворота академии и поскакал прочь, как блоха.

За пределами академии Рики не бывал уже больше года и теперь, опьяненный свободой, то и дело пускался вприпрыжку. Ура, свобода! Впереди, в ярких лучах утреннего солнца, блестел купол собора.

– Ай да я! Удрал! Удрал! – припевал Рики, пользуясь отсутствием прохожих на пустынной улочке. – Скоро чарам конец! Скоро стану нормальным!

На площади вокруг собора тоже не было ни души, но Рики на мгновение смолк и, приоткрыв рот, уставился на огромный купол, могучие колонны и целый сонм каменных химер, украшавших здание. Но радость взяла свое, и Рики запрыгал по булыжнику на одной ножке, во все горло импровизируя на ходу песенку:

– Скоро я вернусь домой! Скоро стану я собой! Ай да я! Ай да я! Класс, спасли, меня друзья!

Напрыгавшись, он повертел головой и зашагал в Соборный переулок. Лучи солнца сверкали огнем на золоченых переплетах старых книг в витрине книжной лавки, так что пройти мимо было невозможно.

– «Ингльдю», – прочитал Рики над входом в магазин и, взбежав на крыльцо, позвонил в дверь.

На звонок из окна второго этажа выглянула Джулия Ингльдю. Она посмотрела на пустое крыльцо и даже с такой высоты различила на нем черного мохнатого паука, над которым не так давно трудилась ее племянница Эмма.

– Рики? – спросила мисс Ингльдю.

– Здравсте! – откликнулся мальчик-невидимка. – Я самый. Я тут.

– Подожди секундочку, я сейчас спущусь.

Вскоре колокольчик над крыльцом мелодично звякнул и на пороге возникла мисс Ингльдю в синем халате. Рики она понравилась с первого взгляда – и миловидностью, и особенно ласковой улыбкой.

– Входи, Рики, – обратилась мисс Ингльдю к мохнатому пауку, поскольку больше обратиться было не к кому.

Паук прыгнул через порог.

Оказавшись внутри магазина, Рики принялся с интересом рассматривать полки, заставленные заманчивыми книгами в кожаных переплетах с золотым тиснением.

– Как тут здорово! – искренне восхитился он.

– Спасибо, – поблагодарила хозяйка, следя за пауком, который маячил на полу у прилавка. – Ты, наверно, голоден? Не откажешься позавтракать?

– Еще как не откажусь! – оживился Рики. – А джема у вас не найдется?

– Конечно найдется. Эмма предупредила, чтобы я запасла для тебя земляничным. Но, может быть, ты и яичницу с беконом съешь?

– Да! – радостно выпалил Рики и тут же со вздохом добавил: – Сто лет горячего не ел.

– Бедный мальчик! – Мисс Ингльдю ахнула. – Ну ничего, теперь все будет хорошо.

– А после завтрака меня расколдуют, да? – спросил Рики. – Отведут к лазурному питону? Он ведь снимет с меня чары?

– С этим лучше подождать до вечера, – покачала головой мисс Ингльдю. – Видишь ли, днем на улицах полно народу, еще, не дай бог, потеряешься или под машину попадешь.

– И то верно, – согласился Рики. – Ладно, тогда потерплю до вечера. А теперь можно мне позавтракать?

Пока Рики уплетал долгожданный горячий завтрак, обитатели академии Блура еще только просыпались.

По дороге в столовую Чарли заметил, что учителя все как один торопятся мимо учеников, втянув головы в плечи. А уж за завтраком педагоги, сидевшие на возвышении за учительским столом, и вовсе принялись прятать глаза – очень уж неуютно им было на виду у всех. Директор то и дело прокашливался, точно собирался о чем-то объявить, но каждый раз плотно смыкал губы и не произносил ни слова. Выглядел доктор Блур, мягко говоря, скверно: серовато-бледный и такой всклокоченный, будто с утра забыл причесаться.

Впрочем, следует сказать, что и многие ученики чувствовали себя ничуть не лучше учителей. Если переговаривались, то вполголоса и о пустяках, а больше молчали и старались не встречаться взглядами. Да, прошлая ночь выдалась просто фантастической, и тем не менее никто не горел желанием обсуждать поразительные события. Большинство обитателей школы стыдились, что так перетрусили, или же, подобно директору, слишком тяжело переживали свое поражение – ведь дать отпор таинственным магическим силам, которые всю ночь куролесили в академии, так и не удалось.

Чарли даже показалось, что всем до сих пор страшно, – по крайней мере, кто-нибудь то и дело оглядывался, точно боясь увидеть у себя за спиной взбесившийся призрак. Вообще можно было подумать, что академия заминирована, только никто не знает, где бомба и когда она взорвется. С каждым часом напряжение росло, атмосфера накалялась, и вечером, после ужина, в Королевской комнате разразилось неизбежное.

Последней каплей стал Танкред – осунувшийся от усталости после насыщенной ночи, он не скрывал довольной и даже самодовольной улыбки. «Ну и глупо!» – подумалось Чарли, у которого тоже были веские причины гордиться собой, но еще более веские – не пижонить перед врагами, по каковым соображениям он со смиренным видом уткнулся в учебник.

Одиннадцать одаренных как раз расселись вокруг стола, по обыкновению четко разделившись на два лагеря. Не прошло и минуты, как сияющая улыбка Танкреда довела Беллу до белого каления.

– Хватит ухмыляться, Танкред Торссон! – воскликнула она. – Думаешь, ты со своими жалкими сквознячишками заделался властелином мира? Размечтался! Да ты просто ноль без палочки!

– Да что ты говоришь? – Танкред улыбнулся еще шире. – Чья бы корова мычала. Слушай, я не понимаю, а что ты, собственно, перенапрягаешься и сидишь тут с этим фарфоровым личиком? Всем известно, какова ты на деле, старая карга!

Все присутствующие тут же вскинули головы и потрясенно ахнули.

– А ну возьми свои слова обратно, гад! – взвился Аза Пик, опрокинув стул.

– Ага, теперь-то ты расхрабрился, паршивая шавка? – ехидно поддел его Танкред.

Ощеренный Аза уже изготовился метнуться через стол и вцепиться врагу в горло, но Манфред вовремя ухватил рыжего оборотня за шкуру.

– Всем тихо! – рявкнул он. – Торссон, извинись немедленно.

– Еще чего! С какой это стати? – взъерепенился тот.

– Она первая начала, – рассудительно заметил Лизандр в поддержку друга.

– Я кому сказал? – повысил голос Манфред. – Считаю до трех. Или ты извинишься перед Беллой, или тебя ждет суровое наказание. Подумай-ка головой – что лучше? Ну?!

– И не подумаю! – бросил Танкред, смахнув со лба прядь потрескивающих наэлектризованных волос. Ветра он не поднимал, но, чтобы показать, что не сдает позиций, пустил в ход дождь. Несколько крупных капель простучало по столу, и все поспешно спрятали учебники и тетрадки.

– Фу-ты ну-ты! – Зелда Добински пренебрежительно фыркнула. – Эти сопли, по-твоему, называются дождем?

Лучше бы она этого не говорила. Под низким потолком тут же образовалась небольшая, но весьма грозовая туча, и из ее черного брюха на стол и на присутствующих хлынули толстые струи настоящего ливня. Все мгновенно промокли до нитки, а учебники с тетрадями превратились в какое-то мокрое месиво.

– Идиот! – С розовых губ Беллы сорвался низкий хриплый голос. – Кем ты себя возомнил, щенок?

Несмотря на плотную завесу ливня, глазам Чарли представилось жуткое зрелище, которое он потом долго не мог забыть.

Ангельское личико Беллы побурело и вытянулось в острое рыло. На голове вместо белокурых кудрей встопорщились острые уши, а хрупкие плечики в мгновение ока превратились в гигантские перепончатые крылья. Белла обернулась чудовищной летучей мышью, которая, визжа, как нож по стеклу, налетела на Танкреда. Тот пронзительно айкнул и юркнул под стол, где и встретился со всеми остальными. На поверхности остался лишь Аза – рыжий оборотень завороченно и восхищенно тарачился на летучую мышь, а та кружила по Королевской комнате. С полок сыпались на пол книги, вдребезги разбились настенные часы, но, когда кожистое крыло задело портрет Алого короля, Чарли не выдержал и кинулся спасать портрет.

– Ни с места! – провизжала мышь.

Чарли было страшно, но почему-то он понимал: нельзя, чтобы портрет упал. Мальчик успел ухватить позолоченную раму, и разъяренная летучая мышь спикировала с потолка прямо ему на голову.

Как ни странно, спас Чарли доктор Блур – сам того не желая. Видимо, привлеченный грохотом и воплями, директор распахнул дверь

Королевской комнаты, летучая мышь с разгона врезалась в нее и с душераздирающим воплем рухнула на пол.

– Ч-ч-что это? К-к-кто это? – залепетал доктор Блур.

– Дубина! – приподнимаясь, взвизгнула летучая мышь.

– О! Ах, это вы? Я вас случайно не...

– Не извольте беспокоиться, меня так просто не убьешь, – проскрежетала Белла-Иоланда, выпрямляясь. – Вы обратились ко мне за помощью, но, как я погляжу, сами себе скверный помощник. Слишком многое им сходит с рук!

Директор замер от омерзения, когда летучая мышь, волоча крыло, протиснулась мимо него в коридор. Отодвинуться доктор Блур не сообразил.

– Кое-кто еще за это поплатится! – донесся из темноты голос Иоланды.

Доктор Блур проводил Иоланду глазами, потом передернулся, оправил сбившийся плащ и обратился к одаренным, медленно и опасливо выползавшим из-под стола:

– Что за тарарам вы тут подняли? Вся академия трясется. Манфред, неужели тебе с ними не справиться?

– Я пытался, сэр. – Багровый от стыда Манфред вытянулся перед отцом. Ливень давно прекратился, но текло с Манфреда, как и со всех остальных, ручьем. – Но это была чрезвычайная ситуация.

– Да ты же насквозь мокрый! – удивился директор.

– Это все Торссон, – кивнул на нарушителя Манфред.

– Торссон, марш за шваброй и тряпкой. А вы что стоите? – обрушился директор на прочих. – Приведите комнату в порядок. И чтобы было тихо!

Было уже восемь вечера. Старшеклассники не изъявили ни малейшего желания заниматься уборкой. Доркас хныкала и жаловалась на головную боль, а Билли так откровенно клевал носом, что его тоже отпустили. Словом, в результате прибираться остались всего пятеро.

– Всегда всё мы... – вздохнула Эмма, засучивая рукава.

– Хотел бы я знать, кому именно она угрожала, – угрюмо пробормотал себе под нос Чарли, расставляя на полках книги.

– Скоро узнаем, – обреченно отозвался Лизандр.

Когда часы пробили половину девятого вечера, мисс Ингльдью решила, что пора отвести Рики в «Зоокафе». К этому часу улицы

скорее всего уже опустели, и Рики ничто не угрожало. Перед выходом предусмотрительная мисс Ингльдю позвонила Комшаррам и справилась, все ли готово к прибытию мальчика-невидимки.

– И не сомневайтесь! – заверил ее мистер Комшарр.

Запирая дверь магазина, мисс Ингльдю не обратила внимания на огромную летучую мышь, которая примостилась над входом в собор и мастерски слилась с остальными химерами. Рики, взволнованный предстоящей встречей с лазурным питоном, тоже ничего не заметил.

– Возьми-ка ты меня лучше за руку и не отпускай, а то еще потеряешься, – сказала мисс Ингльдю невидимке. – Ты не против?

– Не против, – согласился Рики. – Знаете, вы чем-то похожи на мою маму. Я уже сто лет не держал ее за руку.

У мисс Ингльдю перехватило дыхание, когда она, протянув руку в пустоту, почувствовала прикосновение невидимых пальцев, а ее собственные вдруг стали невидимыми. «Что ж, Эмма и остальные одаренные живут в своем особом мире, и, раз я с ними заодно, пора перестать удивляться», – в который раз напомнила она себе.

Не выпуская руку невидимки, мисс Ингльдю торопливо зашагала по направлению к Лягушачьему переулку. Летучая мышь снялась с собора и полетела за ними, прячась в глубоких вечерних тенях. Ни Рики, ни мисс Ингльдю ее не видели, но у обоих затылок обдавало неприятным холодком, как это обычно происходит, когда у тебя за спиной что-то не так, но что именно – ты не знаешь. Мисс Ингльдю то и дело оглядывалась, но коварная летучая мышь всякий раз умело пряталась, сливаясь то с мусорным баком, то с фонарным столбом, то с вывеской. Правда, кое-кто из горожан все-таки углядел ее – не каждый день мимо окна пролетает невероятных размеров нетопырь. Один джентльмен даже позвонил в зоопарк, а другой – в службу спасения животных. Но ни там, ни там им не поверили и сказали, что таких огромных летучих мышей на свете не бывает. Оба джентльмена разобиделись не на шутку, услышав, что, верно, приняли за нетопыря воздушного змея или надувной шар. Особенно оскорбился тот, кому служители зоопарка предложили считать увиденное оптическим явлением и обратиться к окулисту.

На повороте в Лягушачий переулок мисс Ингльдю оглянулась еще раз и ускорила шаг. Вот и «Зоокафе». В окнах было темно, и пальцы Рики задрожали у нее в руке. Мисс Ингльдю позвонила, дверь тотчас

распахнулась, и перед Рики возник небольшой взлохмаченный человечек в мохнатой жилетке. О чудо – он смотрел Рики прямо в глаза! Вот здорово! Давно бы так! У мальчика-невидимки сразу же камень упал с души. Он даже почувствовал себя так, будто его уже почти расколдовали.

– Это Рики, – объяснила мисс Ингльдю.

– Вижу, – мягко сказал мистер Комшарр. – Приятно познакомиться, Рики. Прошу, прошу!

Он провел их через темное кафе в ярко освещенную кухню. На холодильнике, к удивлению Рики, сидели три огненных кота, а на коврике у стола крепко спал большой пес. Высокая длинноносая женщина деловито раскатывала тесто, и на плече у нее невозмутимо восседала черная крыса, с интересом следившая за скалкой.

– А-а! – приветливо сказала хозяйка «Зоокафе». – Вот и невидимка! Добро пожаловать, Рики Сверк. Меня зовут Онория Комшарр. Рада тебя видеть.

На самом деле миссис Комшарр, похоже, видела Рики далеко не так отчетливо, как ее супруг: она смотрела мальчику поверх макушки. Впрочем, может, это потому, что она такая высоченная, решил Рики. Интересно, почему такой коротышка решил жениться на такой великанше? При других обстоятельствах любопытный Рики не преминул бы выяснить это, но сейчас ему было не до вопросов. Его волновал только один-единственный вопрос, и мальчик-невидимка задал его:

– А питон... он тут?

– Вот здесь, дорогуша. – С этими словами миссис Комшарр кивнула себе под ноги, на большую плетеную корзинку, и продолжала лепить пирожки. – Я ему пока что песни пела. Бедняга, нелегкая у него жизнь.

– Простите, – робко начала мисс Ингльдю, – а нельзя ли чашечку чаю, прежде чем мы... э-э-э... приступим?

– Ох, и о чем я только думаю? – виновато воскликнул мистер Комшарр. – Что я за невежа! Присаживайтесь, дорогая, прошу вас. – Он придвинул мисс Ингльдю стул, и та с видимым облегчением уселась.

Взволнованный Рики от чая отказался и предпочел стоять: почему-то ему подумалось, что так питону будет легче его «лечить».

– А можно теперь его выпустить? – попросил он.

Миссис Комшарр, поставив пирожки в духовку, открыла корзинку, и глазам Рики предстал тот самый ужасный питон, который когда-то превратил его в невидимку. Но теперь питон выглядел совсем не так: яркая лазурь чешуи печально потускнела и стала отливать серебром – словно сединой. Кроме того, питон как будто стал меньше, да и выглядел гораздо дружелюбнее.

Серебристо-голубая голова змеи поднялась из корзины, и, завидев Рики, питон приглушенно засвистел, как птица. Рики не совладал с собой и попятился.

– Прелестное создание, верно? – умиленно сказала миссис Комшарр. – Дорогая, – обернулась она к гостье, – вам с сахаром и с молоком?

– Если можно, с молоком, но без сахара.

Рики вторично отклонил предложение почаяевничать, и, пока остальные пили чай, он обошел вокруг корзины. Питон внимательно следил за ним блестящими черными глазами. «Он меня явно видит!» – обрадовался мальчик. Как только он остановился, питон выскользнул из корзинки и начал медленно, плавно обвивать Рики своими блестящими кольцами, начиная с ног и поднимаясь все выше. Невидимка затаил дыхание.

– Змея точно знает, что делает? – шепотом спросила миссис Комшарр.

– Будем надеяться, – отозвался мистер Комшарр. – Рики, ты как, готов?

– Да, – тихо ответил Рики. – Я думаю о том, как увижу брата. О возвращении домой, в Сверкающий замок. Знаете, почему он так называется? Потому что папа и мой брат умеют заставлять камни сверкать.

– А ты что умеешь, дорогуша? – спросила миссис Комшарр, точно врач, отвлекающий пациента разговорами по ходу какой-то болезненной медицинской процедуры.

– Я? Я просто играю на флейте, – откликнулся Рики, которому ни чуточки не было больно.

– Хотел бы я послушать твою игру, – проговорил мистер Комшарр.

Питон продолжал закручивать свои кольца в пустоте, но пока что из нее ничего не проступало.

– Сейчас я зажмурюсь. А то вдруг не сработает. Понимаете, ужасно боюсь, что не получится. Такое будет разочарование!

– Все получится! – заверили его взрослые. Мисс Ингльдю тоже зажмурилась: смотреть на происходящее было слишком страшно. Время тянулось чересчур медленно, и ничего не происходило. Ничего не выйдет. Бедняжка Рики навсегда останется невидимкой. Но мисс Ингльдю уже приняла решение: она отведет мальчика к себе домой и позвонит его родителям. В конце концов, отыскать сына-невидимку – это лучше, чем вообще его не найти. Мисс Ингльдю на секунду приоткрыла глаза и увидела ноги. Сначала одну, на большом пальце которой сидел знакомый бутафорский паук. Потом показалась вторая нога. Босые, явно замерзшие и очень грязные ноги, которым срочно требовались носки и башмаки.

– Вот и ноги расколдовались, – тихонько заметил мистер Комшарр.

В этот самый миг Спринтер-Боб, проспавший приход гостей, но разбуженный шипением питона, вскочил с подстилки и оглушительно залаял.

– Тише, тише, все свои, – сказала псу миссис Комшарр.

Спринтер-Боб поворчал и улегся, внимательно наблюдая за происходящим. Фигура Рики постепенно проступала из воздуха. Коты, восседавшие на холодильнике, сохраняли полнейшую невозмутимость – будто не впервые видели подобную процедуру.

– Ох, бедный ребенок! Вы только посмотрите на эти лохмотья! – жалостливо покачала головой миссис Комшарр, когда из пустоты проявились коленки Рики, едва прикрытые остатками штанов. Питон, обвивая Рики по спирали, пополз выше, и вот показался обтрепанный серый свитер, явно тесный его хозяину, чьи кисти высывались из заношенных рукавов.

– Боже правый! – всплеснула руками миссис Комшарр, когда наконец показалась растрепанная, давно не стриженная мальчишеская голова, бледное личико, большие голубые глаза, обведенные усталыми тенями, и длинный любопытный нос.

– Ах! Рики! – вырвалось у мисс Ингльдю.

Питон мгновение-другое помедлил на голове у Рики, точно диковинный тяжелый тюрбан. Мальчик захлопал глазами.

– Ну что, я расколдовался? – спросил он. – По-моему, да.

– Полностью! – радостно объявил мистер Комшарр. – Теперь ты снова стал видимым, Рики Сверк. Поздравляю!

Все дружно заплодировали, и Рики тоже, но очень осторожно, чтобы не потревожить питона. Змея утомленно подернула глаза пленкой и неподвижно лежала на голове у Рики. Миссис Комшарр бережно сняла питона и переложила в корзинку.

– Ну а теперь будем праздновать! – воскликнула она. – Орвил, голубчик, завари еще чаю. Пирожки сейчас подспеют.

По окончании веселого чаепития, во время которого было принято немало важных решений, мисс Ингльдю распростилась со всеми и поспешила в обратный путь. Она знала, что Рики теперь в надежных руках. Сейчас он впервые за год принимал ванну. Миссис Комшарр обещала позаботиться о мальчике, обеспечить ему одежду, стрижку, отдых и, главное, усиленное питание, чтобы привести в нормальный вид перед возвращением к родителям.

Мисс Ингльдю была так довольна поворотом событий, что даже начала напевать на ходу. На перекрестке она машинально чуть не свернула на Филберт-стрит. Как бы ей хотелось поделиться новостями с Патом Юбимом! Но нет, нельзя. Его ужасная сестра считает, что она, Джулия Ингльдю, преследует мистера Юбима. Жгучая обида до сих пор кипела в душе мисс Ингльдю.

– Я в жизни никого не преследовала, – пробормотала она. – И не позволю такое о себе говорить!

Дальше она пошла молча, уже не напевая, слегка ссутулившись и не в таком радужном настроении. Огромная летучая мышь, терпеливо просидевшая не один час под карнизом «Зоокафе», вновь преследовала мисс Ингльдю по пятам, но та по-прежнему не замечала крылатого соглядатая, который в наступившей темноте был почти невидим. В Соборном переулке летучая мышь уцепилась коготками за водосточную трубу и, дождавшись, пока мисс Ингльдю закроет за собой дверь книжного магазина, полетела дальше, к Банковской площади и в Сквозняковый проезд. Покружив над крышей третьего дома номер тринадцать, летучая мышь беззвучно скользнула в приоткрытое окно.

Мгновение – и Иоланда Юбим, уже в облике костлявой древней старухи, тяжелой поступью вошла в комнату своей племянницы Венеции, где та шила. «Великолепно», – прошептала старуха, обведя взглядом помещение, завешанное и заваленное яркими нарядами. На столе громоздились синие и зеленые плащи, шелковыми островками лежали платья, вздымались бархатные холмики курток и беретов, курчавились кружева воротников, топорщились оборки юбок, ручейками растекались пояса, простирали свои крылья шали и накидки.

Венеция сосредоточенно нашивала ряды бусин на подол длинной черной юбки. Перед ней на столе выстроились в ряд коробочки и шкатулочки. Время от времени портниха запускала в одну из них длинные пальцы с кроваво-красными ногтями и вытаскивала щепотку цветного порошка или истолченной травы, а раз даже набрала несколько капель какого-то состава пипеткой из аптечной бутылочки. Всем этим она то и дело посыпала и взбрызгивала ткань юбки.

– Плащ готов? – отрывисто и хрипло спросила Иоланда.

– Еще нет. – Венеция подняла глаза от шитья и вздрогнула.

– Девочкой-ангелочком я вам, конечно, больше по душе? – ядовито усмехнулась старуха, которая сейчас, в ярком свете лампы, казалась особенно дряхлой и отвратительной.

– Ну что вы, тетушка! – возразила Венеция. – Просто вы так неожиданно вошли...

– Я устала, – резко заявила Иоланда. – Потратила чуть не полдня на слежку за этой наглой особой. Мальчишка у нее, ручаюсь. Смешала нам все карты! Гризелда совершенно права, пора с ней расправиться. Да и с ее племянницей, этой летающей паршивкой, тоже!

– А как насчет пояса? – не прерывая работы и стараясь не смотреть на старуху, осведомилась Венеция.

– Наша услужливая маленькая Доркас взяла это на себя.

– Прекрасно. Что же вы стоите, тетушка? Присядьте отдохните, вы переутомились. – Венеция отложила иглоку и придвинула Иоланде стул.

– Я не привыкла зря терять время, – отрезала Иоланда. – Займусь плащом. – Усевшись за электрическую швейную машинку, она принялась прострачивать кайму зеленого форменного плаща академии

Блура. – Этот поганый мальчишка многовато о себе воображает! Ну ничего, он у меня попляшет!

– Кто, тетушка? – Венеция покосилась на зеленый плащ, вспомнив, что непокорный племянник Чарли носит синий.

– Этот нахал Торссон, кто ж еще! – Иоланда яростно строчила на машинке. – Он посмел обозвать меня каргой. Меня – каргой! Хорошо же, попомнит он меня!

Глава 18

ПОЯС ИЗ ЧЕРНЫХ БРИЛЛИАНТОВ

Хорошенькая Белла Доннер больше в академии Блура не появлялась – к немалому облегчению большинства учеников. Но Чарли Бон твердо знал, что Иоланда Юбим так просто от своих коварных планов не отступится. От кухарки он узнал, что эпопея с лазурным питоном завершилась удачно: Рики Сверка удалось расколдовать и он в безопасности. Чарли обрадовался, конечно, но вскоре приуныл: ведь мальчик-невидимка спрашивал про своего брата, а что ему ответить? Ведь никто не знает, куда подевался Сэмюель Сверк, он же мистер Краплак. Чарли решил потолковать об этом с Фиделио, который не принимал участия в событиях памятной ночи, когда по академии гуляла буря, и, будучи не у дел, уже начинал дуться на товарищей. Как только речь зашла о новых загадках, Фиделио оживился.

– До выходных все равно не сможем ничего предпринять, – веско заявил он. – Правда, на субботу мы с папой сговорились, что я буду играть на скрипке на свадьбе у кузины, но... я как-нибудь выкручусь. В конце концов, помочь тебе гораздо важнее. Тем более что остальные все заняты.

Фиделио был прав. Танкред и Лизандр, узнав об удачном побеге Рики, решили, что сделали все возможное и имеют право передохнуть. Габриэль увлеченно занимался фортепиано, а на Билли, по правде говоря, рассчитывать не приходилось – не потому, что он маленький и слабый, а потому, что альбинос бродил как в тумане после знакомства с питоном и в предвкушении долгожданного воссоединения с любимой крысой Босхом.

Можно было бы обратиться к Эмме, но у той дела шли совсем плохо. Чары, которые наложила на шнур Доркас, были слишком сильными, и с той самой ночи, когда пальцы Эммы чуть не превратились в перья, они немилосердно болели. Девочка едва могла удержать в руках карандаш. Но Эмма пообещала Оливии, что сошьет ей потрясающий пояс, и намеревалась любой ценой сдержать слово.

Пояс Оливии требовался для спектакля: миссис Маек, преподавательнице актерского мастерства, очень понравилось, как Оливия в прошлом году играла злую мачеху, и в этом ее утвердили на роль старшей принцессы. Эмма так обрадовалась за подругу, что решила сшить ей великолепный наряд, затмевающий прочие костюмы.

Само платье уже было готово и, вызывая всеобщую зависть, красовалось на вешалке в костюмерной: алого шелка, с черными атласными вставками, длинные рукава украшены манжетами из блестящего черного кружева, а подол расшит черным стеклярусом. Оливия то и дело бегала в костюмерную – полюбоваться на платье – и подолгу простаивала перед вешалкой в немом восхищении. Эмме оставалось только сшить к нему пояс, и вот теперь она нервничала и торопилась, боясь не уложиться в срок. Сегодня она успела нашить на пояс только две черные бусины, а пальцы уже отчаянно ломило.

– Хочешь, помогу? – внезапно предложила Доркас, сидевшая напротив Эммы за одним из больших рабочих столов в мастерской костюмеров.

– Нет, спасибо, я как-нибудь справлюсь, – отказалась Эмма, лоя непослушными ноющими пальцами очередную граненую бусину. Трудность заключалась в том, что все бусины следовало нанизать на отдельные крючки, пришитые к поясу: таким образом казалось, будто каждая бусина живет отдельной жизнью, а пояс переливался, как живой, чем-то напоминая змеиную шкурку. Особенно красиво выходило, когда на него падал свет: можно было подумать, что пояс расшит настоящими черными бриллиантами. Эмма подняла руку.

– Можно мне пойти попить воды? – слабым голосом спросила она мисс Зингер, преподавательницу шитья.

– Конечно, ступай. Ты не заболела, Эмма? – встревожилась учительница.

Эмма была блее мела, и работа у нее продвигалась непривычно медленно.

– Все в порядке, просто пить хочется, – сказала Эмма и вышла из класса.

В умывальной она попила воды из-под крана, потом подержала ноющие руки под холодной струей и приложила к вискам. Больше всего она боялась, что никогда уже не сможет летать.

Девочка не знала, сколько простояла в умывальной, глядя на свое бледное лицо в зеркало, но когда она вернулась в класс, то сразу же увидела, что в ее отсутствие на поясе появилось с десяток новых бусин.

– Я все-таки решила тебе помочь, – елеиным голосом объяснила Доркас.

– Спасибо, – выдавила Эмма, хотя в глубине души колебалась, стоит ли такая услуга благодарности или же нужно насторожиться. С тех пор как Белла Доннер исчезла из академии, Доркас была воплощенное дружелюбие. Может, старается загладить свою вину? Может, она и ловушку со шнуром устроила, потому что Белла на нее надавила? Ох, подозрительно все это...

Зазвенел звонок на перемену. Эмма аккуратно сложила пояс: придется взять его с собой домой и заканчивать в выходные. Поэтому она пересыпала в карман пригоршню черных бусин, а в отдельный пакетик – небольшой запас крючков. Пятница, наконец-то пятница! Можно будет всласть выспаться в маленькой уютной комнатке над книжной лавкой, а потом не спеша пить с тетей Джулией какао...

Чарли тоже радовался наступлению долгожданной пятницы. Он горел нетерпением поскорее повидаться с расколдованным Рики Сверком. И не он один: всем, кто принимал участие в этой рискованной эпоее, хотелось наконец посмотреть, как выглядит бывший невидимка. Даже Танкред с Лизандром заявили, что присоединятся к компании и перспектива столкнуться с пауками и летучими мышами их не пугает.

– Бутафорским пауком вас больше никто пугать не будет, а настоящий, он же старая мерзкая летучая мышь, наверняка уже обретается где-нибудь над Трансильванией*^[4], – жизнерадостно заявил Габриэль, усаживаясь с друзьями в школьный автобус.

– Кабы знать наверняка... – с сомнением пробормотал Чарли.

Дома Чарли ждал приятный сюрприз: вернулась любимая бабушка Мейзи. Когда Чарли вошел в дом, она как раз сидела за чаем с дядей Патеном. После пылких объятий и даже слез (Мейзи нередко на радостях пускала слезу) она поставила перед внуком тарелку своей фирменной жареной картошки с рыбой и объявила:

– У меня есть интересные новости!

– Слушай внимательно, Чарли, – серьезно заметил дядя Патон. – Это многое объясняет.

– Ладно. Я весь внимание. – Чарли даже вилку отложил.

Мейзи придвинулась к нему поближе:

– Итак, Чарли, как тебе известно, я ездила навещать свою сестру Дорис.

– Она поправилась?

– Спасибо, лапочка, ей гораздо лучше. Она намного старше меня и хорошо знает историю семьи. Ума не приложу, почему она так долго обо всем этом молчала, но...

Тут вернулась из магазина мама Чарли, и вновь пошли объятия и счастливые всхлипывания соскучившейся Мейзи. Чарли вздохнул.

– Терпение, друг мой. Сведения стоят того, чтобы подождать.

Эти слова дяди Патона заинтриговали изнывавшего Чарли еще больше.

Наконец все уселись за стол, перед мамой тоже появилась тарелка картошки с рыбой, и только тогда Мейзи, успокоившись, продолжила рассказ:

– Так на чем я остановилась?

– Что бабушка Дорис долго о чем-то молчала! – нетерпеливо подсказал Чарли.

– Ах да. И вот, представь себе, уже чуть ли не на смертном одре она вдруг шепчет мне: «Мейзи, когда я умру, сразу же заberi из секретера мои бумаги. Не допусти, чтобы *они* сожгли документы!» А сама еле губами шевелит, бедняжка. Я, конечно, успокоила ее – мол, непременно заберу и сохраню. А она мне на это: дескать, нет, лучше возьми-ка их из секретера прямо сейчас и разбери при мне, так оно надежнее будет. Ну что ты будешь делать! Не спорить же с человеком. Отпираю я секретер, а там просто склад. Дорис, наверно, годами складывала туда каждую бумажку – и театральные программки, и квитанции, и письма. Все вперемешку. Словом, я разложила все это на ковре подле постели, ну, думаю, тут дела дня на три. Но Дорис сразу показала мне самый важный документ – свиток в таком особом старинном мешочке. Наше фамильное древо! Угадай, что в нем написано, Чарли?

– Понятия не имею, – честно сказал мальчик.

– Прежде всего, весь род происходит от какого-то человека с совершенно непризносимым именем. Я показала древо Дорис, а она в ответ: «Ах, этот. Он точно был чародеем. Валлийским чародеем, поэтому и имя такое».

– Валлийский чародей? – Чарли подпрыгнул на стуле. – Именно так?

– Именно так, – сияя, подтвердила Мейзи. – Так что мы, Джонсы, тоже фамилия не из последних и кое-чего стоим. Может, еще и побольше, чем Юбимы. Так-то!

Мама задумчиво помешивала сахар в чае.

– Получается, что у Чарли магическая наследственность с двух сторон. Особые способности, магия, или как это правильно назвать... Не важно.

– Да! – торжествующе грохнул кулаком по столу дядя Патон. – Вот видишь, Чарли, волшебная палочка твоя, и на вполне законных основаниях. Поэтому-то она и слушается только тебя. Тот коварный старый колдун наверняка увел ее у твоего предка. Я уже сверил даты. Скорпио тогда был моложе и вполне мог ходить у вашего прародителя в учениках. Может, он украл палочку, когда его учитель скончался.

– А, тогда понятно, почему на этот раз Скорпио уже не пытался меня провести, – сообразил Чарли. – Он убедился, что волшебная палочка моя по праву. Разузнал, наверно, что я потомок того чародея.

– Возможно, его тревожило, как ты поступишь с палочкой, – добавил дядя.

Чарли задумчиво подергал себя за торчащий вихор.

– Да-а-а, ничего себе... – озадаченно пробормотал он. – Магическая наследственность с двух сторон, а? – Мальчик никак не мог разобраться в своих чувствах. Пока что ощущалось только ошеломление. – Слушайте, а бабушка Бон обо всем этом знает?

– Скорее всего могла догадаться. К тому же не забывай, что Юстасия – ясновидящая, возможно, она учуяла первой.

Чарли уставился в тарелку.

– Можно, мы потом все это обсудим? – взмолился он. – Мне надо подумать... привыкнуть.

– Конечно-конечно, лапочка, – закудаhtала Мейзи. – Бедный ребенок, такие новости, такое потрясение! Я дам тебе свиток,

посмотришь на наше семейное древо. Как-никак, ты последний в роду Джонсов.

У себя в комнате Чарли долго разглядывал свиток пергамента, шевеля губами, перечитывал незнакомые имена, водил пальцем по ветвям дерева, прослеживая родственные узы, и гадал, кто еще из его предков по маминой линии был наделен необычными способностями. И пользовался ли кто волшебной палочкой, а если да, то для чего? Чарли никак не удавалось прийти в себя: неделя и так выдалась напряженная, а тут еще это! Наконец мальчик откинулся на подушку и закрыл глаза. В голове вихрем крутились даты и имена, лазурный питон и мальчик-невидимка, африканские призраки и летучие мыши...

Понедельник в субботу мисс Джулия Ингдью уже собиралась отпереть дверь книжной лавки и приступить к торговле, как вдруг взгляд ее упал на прекрасный пояс, расшитый гранеными черными бусинами. Пояс заманчиво переливался в лучах утреннего солнца; Эмма вчера оставила его на столе.

Мисс Ингдью вообще-то не отличалась особым тщеславием, но талия у нее была исключительно тонкая, и этим обстоятельством она, понятное дело, гордилась. Повертев в руках пояс и полюбовавшись, как играет свет на черных бусинах, мисс Ингдью не устояла и решила его примерить. Конечно, пояс шит на ребенка, но он ведь и на ней сойдется. Интересно, каков он будет на ней?

Она попробовала застегнуть пояс. Застежка сошлась не сразу – мисс Ингдью пришлось задержать дыхание, – но все-таки сошлась. Щелкнула пряжка. А теперь к зеркалу! Какая красота! Пояс прекрасно смотрелся на фоне изумрудно-зеленого платья. Мисс Ингдью ахнула от восторга и крутанулась перед зеркалом. Сидел пояс туго, но талию подчеркивал изумительно. Никогда еще она не чувствовала себя такой красавицей.

Мисс Ингдью попыталась вновь сделать глубокий вдох – пояс не на шутку резал талию – и повернулась к зеркалу боком. Но внезапно закашлялась: воздуха не хватало и вдохнуть не удавалось. Внезапно у нее отчаянно заболела голова, потом по спине пробежала неприятная дрожь, и мисс Ингдью зашаталась от боли и головокружения. Она хотела было расстегнуть пояс, но пряжка не поддавалась. Мисс Ингдью ломала о металл ногти, но тщетно: пояс сдавливал ее все туже, перед глазами поплыли круги.

– Эмма! – простонала она из последних сил. – Эмма, на помощь!

Чарли только-только сел завтракать, когда кто-то настойчиво затрещивал в дверь. Или этот кто-то не снимал палец с кнопки, или звонок заело.

– Иду! – крикнул Чарли сквозь непрожеванную гренку. – Сейчас!

– Помогите! – закричал знакомый голос за дверью.

Чарли отпер, и в прихожую влетела зареванная Эмма:

– Беда, Чарли! С тетей Джулией несчастье!

– Что такое? – Чарли быстро утер рот. На площадке второго этажа в мгновение ока образовалось столпотворение из двух бабушек (они это умели). Мейзи и бабушка Бон перевешивались через перила и наперебой выкрикивали: «Что стряслось?», «В чем дело?», «Что за шум?» и «Кто там?».

– Воды тебе дать? – предложил Чарли. Спросонья он никак не мог сообразить, что дело срочное.

– Не надо! – отмахнулась Эмма. – Скорее, пойдем! Сейчас же! Надо кого-нибудь позвать! Только не знаю кого! Я уже звонила в «скорую», а они мне не поверили, говорят, сегодня не первое апреля!

– Что происходит? – раздался сверху голос дяди Патона.

– Ой, мистер Юбим, тетя Джулия умирает! – выпалила Эмма.

– Что?! – Дядя Патон гигантским тигриным прыжком перенесся в прихожую. – Идем немедленно!

– Спасибо, спасибо! – Эмма кинулась к двери, но, пока она выскакивала на крыльцо, дядя Патон уже унесся чуть ли не до перекрестка.

Чарли наконец проглотил остаток гренки. Нет, такой темп событий был ему не по душе. К тому же спросонья соображать было трудно. По этой же причине он не заметил, что бабушка Бон хотя и выкрикивала «Кто там?» и «В чем дело?», однако на губах у нее играла всезнающая мерзкая улыбочка. Впрочем, старуха быстро ретировалась в свою комнату.

– Пойду догоню Эмму с дядей, – сказал Чарли.

– Молодец! – одобрила Мейзи.

Чарли уже шагнул за порог, но потом, по внезапному наитию, вернулся к себе за волшебной палочкой. А вдруг пригодится? Теперь, когда мальчик знал ее историю, ему казалось, что в таком отчаянном положении волшебная палочка будет очень кстати.

Конечно, пока он копался, Эмма и тем более дядя Патон уже убежали далеко вперед. Сунув палочку под мышку, Чарли промчался по Филберт-стрит, а на углу чуть не врезался в почтенного господина, который выгуливал трех терьеров и сердито крикнул вслед Чарли: «Поосторожнее с палкой, юноша!»

Книжный магазин стоял нараспашку, и дверь сиротливо моталась на ветру. Чарли предусмотрительно заложил ее на засов и повесил табличку «Закрыто по техническим причинам».

Он влетел в комнату мисс Ингльдю и остоленел от смущения: дядя Патон делал пострадавшей искусственное дыхание. По крайней мере, пытался. Чарли жарко покраснел и стал смотреть в потолок. Эмма бегала вокруг дивана, на котором лежала мисс Ингльдю, и причитала: «Спасите ее, мистер Юбим! Пожалуйста!»

– Плохо дело, – сказал дядя.

Чарли глянул на мисс Ингльдю и ужаснулся: лицо у нее посинело, глаза закатились, рот отчаянно ловил воздух, как у рыбки, выпавшей из аквариума.

Искусственное дыхание определенно не помогло, и теперь дядя Патон нажимал мисс Ингльдю на грудную клетку.

– Расстегни ей пояс, Эмма! – бросил он девочке.

– Не получается! – пискнула Эмма. – Уже пробовала!

– Быть того не может! – Дядя Патон рванул пряжку, и в тот же миг пальцы ему обожгли синеватые искры. – Проклятие! Что это? – Он дернул вновь – и вновь обжегся; попытался разорвать пояс – но тщетно. – Не выходит. Из чего эта треклятая штука? Нужен нож или кусачки, что-нибудь, что режет металл.

– Не поможет, – тихо-тихо, дрожащим голосом произнесла Эмма. – По-моему, это именно что проклятие. То есть заклятие. Пояс кто-то заколдовал. Понимаете, я оставила его на минуточку без присмотра... в классе... Я во всем виновата.

Дядя Патон замер и воззрился на Эмму.

– Так вот как они наказывают непокорных, – глухим низким голосом сказал он. – Если Джулия... – Он осекся, упал на колени и, прижав бледную руку мисс Ингльдю к губам, воскликнул: – Дорогая моя! Что же нам делать? Я бессилен.

Чарли оцепенел. Неужели дядя вот так просто возьмет и сдастся? Неужели мисс Ингльдю умирает? Или уже умерла?! Нет, только не это.

Что-то настойчиво шевельнулось в правой руке у Чарли, и по пальцам пробежала волна тепла. Конечно, волшебная палочка! Раз он принес ее с собой, значит, пора пускать ее в ход.

– Дайте-ка я попробую, – вызвался Чарли.

– А ты справишься? – недоверчиво спросил дядя.

– Да, – твердо ответил Чарли. Он наклонился над мисс Ингльдю, уверенно взмахнул палочкой и коснулся ею злосчастного пояса. Пряжка ослепительно вспыхнула, а потом, на мгновение, весь пояс превратился в сплошное белое пламя.

– Горит! – испугалась Эмма.

– Нет, – быстро успокоил ее Чарли и нараспев, растягивая гласные, скомандовал волшебной палочке: – Ра-а-азо-о-орви-и-и!

Серебряный кончик палочки полыхнул, раздался громкий треск, и пояс разорвался. Черные бусины градом запрыгали по полу.

– Бог ты мой, Чарли! – пораженно воскликнул дядя Патон. – Откуда ты узнал, что сказать?

Чарли растерянно пожал плечами. Наверно, это слово давно уже застряло у него в голове, когда он штудировал англо-валлийский словарь, и дождалось-таки своего часа.

В этот миг мисс Ингльдю вдохнула всей грудью и села.

– Ах! – сказала она, поморщившись и держась за бок. – Я, кажется, упала в обморок?

– Тетя, я испугалась, что вы умерли! – И Эмма кинулась ей на шею.

– Умерла? – озадаченно переспросила та.

– О, моя драгоценная Джулия! – Дядя Патон так и стоял на коленях. – Просто не могу передать... – От волнения он утратил дар речи и стал утирать глаза платком.

– Патон, это вы спасли мне жизнь? – поинтересовалась мисс Ингльдю.

– Нет, эта честь принадлежит нашему Чарли, – не без нотки сожаления признался дядя Патон.

Взгляд мисс Ингльдю упал на волшебную палочку.

– Правда? Неужели дело приняло такой скверный оборот? – Она вздрогнула. – Спасибо тебе, Чарли.

– На здоровье. – Чарли сунул палочку под мышку. – Это не совсем я. Скорее мы с ней – ну, с палочкой.

– Тогда спасибо вам обоим! – Мисс Ингльдю просияла.

– Джулия, вам точно полегчало? – Дядя наконец поднялся с колен.

– Да-да, – кивнула мисс Ингльдю и, зардевшись, добавила: – Простите, что всех переполошила. Это надо же было сделать такую глупость!

– Вам не в чем себя упрекнуть! – горячо возразил дядя Патон. – Если вы сносно себя чувствуете, то, прошу извинить, у меня срочное дело. – Он направился к выходу, сказав Эмме: – Присмотри за тетей, хорошо? Я скоро вернусь.

Чарли спрятал палочку в рукав и поспешил за дядей, который размашисто шагал по Соборному переулку.

– Куда вы собрались, дядя Патон?

– А то ты не догадываешься! – громогласно вскричал дядя, сверкая глазами.

Чарли догадывался. День был в разгаре, но дядя Патон напрочь забыл о своих обычных предосторожностях. Он семимильными шагами мчался по городу, забыв о витринах и светофорах. На одном из перекрестков, правда, стекло светофора все-таки треснуло, но, прежде чем кто-то из прохожих успел понять, в чем дело, дядя Патон был уже далеко. Чарли за ним еле поспевал: дядина спина маячила далеко впереди. Ничего себе несется! С Банковской площади дядя, слившись с полутьмой, стремительно свернул в Сквозняковый проезд. Чарли издали увидел, как дядя Патон взбежал на крыльцо третьего дома номер тринадцать, но стучать или звонить не стал, а просто с размаху пнул дверь. Трухлявое дерево жалобно затрещало, посыпались щепки. Дядя лягнул дверь еще раз, и та просто обрушилась прямо в прихожую тетки Венеции. Перешагнув через дверь и очутившись в темной прихожей, Чарли увидел, что дядя вихрем влетел в гостиную тетки Венеции.

Согнув костлявые плечи, Иоланда Юбим деловито прострачивала на электрической швейной машинке что-то зеленое. На машинке мигала крошечная красная лампочка. Огромный стол был завален слоями разноцветной одежды, пуговицами, тесьмой и прочим.

– Давно не виделись, Патон, – усмехнулась она при виде вошедшего. – Полагаю, ты пришел с белым флагом?

Дядя Патон, подняв брови, недоверчиво воззрился на старуху:

– Вы уверены?

– Ну разумеется. Ведь твою даму сердца постигла печальная участь. Как я понимаю, она скончалась? Похоже, женщины около тебя не задерживаются: сначала мамочку потерял, теперь вот свою пассию. Тебе лучше сдаться и перейти на нашу сторону.

– Что? – прогремел дядя.

– Ты прекрасно слышал, что я сказала. И вон тот юный гаденыш, который прячется у тебя за спиной, тоже слышал.

Чарли крепко стиснул волшебную палочку. Пускать ее в ход или еще рано? Но на сей раз действовать ему не пришлось: мальчик уже увидел, куда именно направлен полыхающий гневом взгляд дяди Патона, и понял, что сейчас произойдет. Иоланда тоже поняла, но слишком поздно.

Крошечная красная лампочка мигнула и перегорела. На пергаментном лице старой карги отразился ужас, но оторвать руки от швейной машинки она уже не смогла.

Крак!

Швейную машинку охватило раскаленно-белое пламя, старуха пронзительно завизжала и подлетела в воздух, рассыпая белые и синие искры. Затем Иоланда будто треснула по шву и из нее в разные стороны взвился целый сонм разных тварей – пауков, жаб, мух, ехидн, крыс, рыб, диковинных чудищ. Миг-другой в воздухе маячила изящная фигурка Беллы, жалобно размахивая тонкими руками, но потом вместе с прочей нечистью исчезла и она.

– Что здесь происходит? – В комнату ворвалась тетка Венеция. Увидев обугленный стол и полыхающую белым машинку, она завопила: – Что ты натворил? Где моя тетушка?

– Ну а как по-твоему? – усмехнулся дядя Патон.

– Как ты мог? – Тетка Венеция попятилась. – Негодяй! Бездушный убийца! Как ты посмел поднять руку на тетеньку Иоланду?!

– Давно пора было, – лаконично ответил дядя Патон и брезгливо почистил рукав, точно стряхивая невидимую грязь.

Язычки белого пламени уже вовсю плясали на столе, жадно облизывая зеленую ткань и все, что им попадалось. Взрывались какие-то баночки и шкатулочки. По бархатным шторам танцевали искры. Комната наполнилась едким дымом.

– Пошли отсюда, Чарли, – сказал дядя Патон.

Кашляя и закрываясь от дыма, они выбежали на свежий воздух. Вскоре за ними выскочила и тетка Венеция, ругаясь на чем свет стоит.

Пожарная машина протиснулась в узкий Сквозняковый проезд с величайшим трудом, и к тому времени, когда она все-таки добралась до третьего «тринадцатого» дома, тот полыхал вовсю: огонь уже охватил оба этажа и подбирался к чердаку. Перед домом столпилась кучка зевак, которые, как водится, ахали, не сводя с пожара заинтересованных глаз, и обменивались замечаниями о сухом дереве и неисправной проводке. Пожар в старом доме никого особенно не удивил.

Сестры Юбим в полном составе – Юстасия, Лукреция, Венеция и Гризелда Бон – держались в стороне и мрачно наблюдали, как горит дом. На брата-бунтаря они даже не взглянули.

Пожарные уже почти погасили пламя, когда кто-то заметил, что в чердачном окне маячит какая-то фигура. Они тут же выдвинули лестницу и под аккомпанемент подбадривающих криков зевак сняли с чердака целого и невредимого...

... мистера Краплака!

Сестрицы Юбим, не моргнув глазом, объяснили, что молодой человек был приглашен к ним в дом в качестве консультанта, для разработки моделей одежды.

– Он, знаете ли, художник, – невозмутимо сообщила пожарным тетка Юстасия.

Мистера Краплака извлекли с чердака вовремя: едва он ступил на землю, как крыша горящего дома рухнула с оглушительным грохотом. Пламя взметнулось вновь, и некоторое время в дыму и огне был виден силуэт полыхающего рояля, который вскоре закувыркался вниз, причем клавиши и струны его дребезжали до последнего.

– Вспомнил, – странным голосом сказал мистер Краплак, глядя на останки рояля. – За стеной кто-то все время играл на фортепиано.

Но в развалинах сгоревшего дома никого больше не обнаружили – пожарные облазили все углы. Значит, кто бы ни был этот таинственный музыкант, он успел спастись.

– Интересное дело, – продолжал мистер Краплак, – самого пианиста я ни разу не видел, а вот музыку слышал. Он прекрасно играл.

В голову Чарли закралась мысль об отце. Уж не его ли держали в заточении тетки? На чердаке, наедине с роялем? А если так, то куда же он девался?

От размышлений его отвлек дядя Патон:

– Чарли, ты помнишь, что должен сообщить этому господину?

– А что? – Чарли не сразу переключился, потом спохватился: – Ах да. Мистер Краплак, мы спасли Рики! Вытащили из академии и расколдовали!

– В жизни не слышал новостей лучше! – обрадовался учитель рисования. – Можно увидаться с ним прямо сейчас? Да? Отлично. И пожалуйста, Чарли, называй меня просто Сэмюель, ладно? С Краплаком покончено, это было так, для конспирации.

– Конечно, мистер Сверк. Рики тут неподалеку. Дядя, а вы с нами? – Он обернулся к дяде Патону, но того и след простыл. Не иначе уже помчался обратно в книжный магазин, к мисс Ингльдю.

В воскресенье друзья встретились в «Зоокафе» – разумеется, каждый со своим животным или птицей. Всем хотелось посмотреть на мальчика-невидимку, но, к некоторому разочарованию тех, кто его еще не видел, подстриженный, переодетый в новое и отмытый Рики выглядел нормальнее некуда. За выходные у него даже румянец на щеках появился. Впрочем, долго страдать от разочарования собравшимся не пришлось.

– Хочу пригласить всех в Сверкающий замок, – заявил бывший невидимка. – Вот-вот начнутся каникулы, так что можно поехать к нам на целую неделю. У меня уже сто лет как не было друзей, и, ребята, если бы не вы, сидеть бы мне на чердаке у Блура всю жизнь!

Приглашение в замок! Все мигом забыли про недорисованные декорации, недоученные роли и ноты.

– Если честно, замком он только называется, – слегка охладил друзей Рики, – а так – просто большой загородный дом. Места всем хватит. Зато вокруг леса, горы, речки, поля!

Звучало все это заманчиво.

Желание Чарли исполнилось: дядя Патон взамен разбитого автомобиля нанял микроавтобус. Покупать, правда, не спешил, сказав, что это, мол, не его стиль. Но для поездки на каникулы микроавтобус подходил лучше некуда. Иначе как бы добрались до Сверкающего замка восемь детей, учитель рисования, дама и собака?

Через неделю, в субботу вечером, вся компания встретилась у книжного магазина. Когда стемнело, подъехал дядя Патон в длинном серебристом микроавтобусе. Рюкзаки и спальники были сложены в конце салона, бутерброды и питье – под сиденья, и все расселись по местам. Мисс Ингльдью устроилась впереди, рядом с дядей Патоном. Чарли, Фиделио, братья Сверк – во втором ряду, а в ноги к ним втиснулся Спринтер-Боб. Остальные пятеро разместились сзади.

Городские огни сменились проселочными дорогами, и Рики вдруг спросил:

– А где тот мальчик, который уговаривал питона? Ну беленький такой?

Чарли и так страдал, что Билли не удалось прихватить с собой.

– Его не выпускают из академии, – виновато ответил он. – Но мы за него еще поборемся. Знаешь, Билли, может, похрабрее всех нас будет.

Остальные закивали, но тоже помрачнели.

– Ничего, сейчас Билли не так уж плохо, – сказал Габриэль, – ведь я все-таки протащил Босха кухарке, теперь он живет у нее, и Билли сможет сколько угодно общаться со своей ненаглядной крысой. Наверно, болтают без умолку. Кстати, а Душкин хвост опять целый! Кухарка водила его к лазурному питону, в «Зоокафе».

– Как здорово, что Босху теперь есть с кем поговорить, – улыбнулся Сэмюэль Сверк. – Признаться, я никогда не знал точно, хорошо ли ему у меня. По-моему, крысе не нравилось вот это. – Он вытащил из кармана два гладких камушка, которые тотчас заиграли у него на ладони радужным огнем.

– Животные вообще магию недолюбливают, – авторитетно заявил Габриэль, хозяин бесчисленных хомячков. Словно в подтверждение, Спринтер-Боб недоверчиво понюхал камушки, фыркнул и заскулил. – Вот видите? – спросил Габриэль, и все покатались со смеху.

Ехали они долго, Чарли засыпал и просыпался и вновь засыпал и вновь просыпался – особенно когда Спринтер-Боб лизал его в нос или переворачивался у него в ногах на другой бок. Вдруг машину сильно потрянуло, и Чарли открыл глаза. Автомобиль притормозил на развилке, посреди которой стоял указатель, а на нем значилось «Сверкающая дорога» и «Джоратов проселок».

– Что за проселок? – сонно спросил Чарли.

– Ведет к замку Юбим, где обитает Джорат, – мрачно сказал дядя Патон.

У Чарли по спине побежали мурашки. Тот самый Джорат! Чем он грозил дяде? «Если ты обидишь мою деточку, поплатишься за это жизнью».

А дядя Патон действительно, хм, обидел Иоланду. От нее и праха не осталось. Что же теперь устроит Джорат? Ох, *лучше* об этом не думать. И Чарли постарался выбросить невеселые мысли из головы.

Мисс Ингльдю погладила дядю Патона по застывшим на руле пальцам, и тот улыбнулся.

– Нам по другой дороге, – сказал он.

Микроавтобус рванулся вперед по Сверкающей дороге, которая петляла и то поднималась в горку, то резко шла под уклон. Вскоре Рики запрыгал на сиденье и ликуя завопил:

– Ура! Смотрите все! Мы приехали! Мы дома!

Впереди, на вершине скалы, высился Сверкающий замок – удивительный дом с множеством башен и башенок, островерхих крыш, разновеликих окон и причудливых водостоков. И он действительно сверкал, да еще как! В каждом окне сиял свет – радужный и ласковый свет.

Пропавший мальчик возвращался домой, и его отец готовился встретить сына сверкающей улыбкой.

notes

Примечания

Уильям Вордсворт – английский поэт-романтик. Его стихи – такой же обязательный элемент английской школьной программы, как у нас Пушкин. – *Прим. переводчика.*

Мария Шотландская – королева из династии Стюартов. Правила в XIV веке. Риччио – один из ее фаворитов, итальянец по происхождению, которого постигла весьма печальная участь. – *Прим. переводчика.*

Напоминать сюжет «Огнива» Г. Х. Андерсена, наверно, никому не нужно, а «Двенадцать принцесс» – это, конечно, «Стоптаные туфельки», известная сказка братьев Гримм про то, как сестрички-принцессы втайне бегали по ночам на бал к заколдованным принцам, а король-отец наутро никак не мог понять, почему у них стоптаны туфельки, – и так продолжалось до тех пор, пока хитрый солдат, приглашенный во дворец, не разгадал эту загадку. – *Прим. переводчика.*

Почему именно Трансильвания? В этих краях, согласно легенде, жил самый известный из вампиров, граф Дракула, который, помимо прочих обличий, умел превращаться и в летучую мышь. – *Прим. переводчика.*